

ЛЕВ БЕРДНИКОВ

Евреи в царской России: сыны или пасынки?

Лев Бердников

**Евреи в царской России.
Сыны или пасынки?**

«Алетейя»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бердников Л. И.

Евреи в царской России. Сыны или пасынки? /
Л. И. Бердников — «Алетейя», 2016

ISBN 978-5-9906936-4-7

В новой книге известного писателя Льва Бердникова представлена панорама жизни российского еврейства XV – начала XX вв. Судьбы евреев, чьи литературные портреты предлагаются читателю, представлены на широком фоне общественно-политической и культурной жизни сменяющихся эпох правления русских венценосцев. Воспринимались ли иудеи в России полноправными гражданами или же чужаками-инородцами; кем при этом ощущали себя сами евреи, и в том числе те из них, кто оставил веру отцов и осенил себя крестным знамением? Автор убежден, что на эти вопросы не существует однозначного ответа – и тем более убедительны его выводы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9906936-4-7

© Бердников Л. И., 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

Евреи в России: чужая родня. Предисловие	6
Jews in Russia: Alien Kin. Foreword	9
I. Евреи под монаршей порфирой	12
Гонитель поневоле Иван III	12
Тишайший прозелит Алексей Михайлович	30
Импульсивный прагматик Петр I	45
Карманная императрица Екатерина I	55
Анна Иоанновна и евреи	66
I. Бироновщина или липмановщина?	66
II. «Казнить смертью и сжечь!»	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Лев Бердников Евреи в царской России. Сыны или пасынки?

© Л. И. Бердников, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

*Евреи будут еще жить в России, будут служить России, как
родные сыны родному Отечеству.*

Саул Грузенберг («Восход», 1891, Т.11, Вып. 9)

*Кто вы, пасынки России, Неродные имена, Что и жизнь свою и
силы Отдавали ей сполна?*

Александр Городницкий

Евреи в России: чужая родня. Предисловие

Название книги Льва Бердникова удивительно точное. На протяжении почти всей своей истории евреям доводилось есть горький хлеб изгнания и выживать на чужих землях. Но не просто выживать, жертвуя всем ради хлеба насущного и крова над головой. У них была Тора, которой они продолжали следовать и всегда решали мучительную задачу – как не потерять свое еврейское лицо, а именно преданность своей вере и своей древней общине, но и одновременно быть законопослушными гражданами. Второе особенно важно – ведь евреи, составлявшие религиозное меньшинство, пользовались недоверием титульных наций во всех государствах – особенно европейских. Да иное отношение было бы странным: ведь добрым христианам с малых лет внушали с церковных кафедр, что евреи распяли Бога. И основные еврейские профессии – ростовщики, купцы, кабатчики (на другие профессии им часто не оставляли выбора) – не способствовали любви нееврейских соседей. Этими людьми, молившимися на странном языке, одетыми в странную одежду, путали детей, и они редко выходили за пределы своих кварталов-гетто. Но были и периоды, когда их образованность и ум ценили короли и вельможи, и евреи делали блестящую карьеру при Дворе.

Как сохранить себя евреем и быть законопослушным жителем в стране изгнания? Этот вопрос евреям приходилось решать веками, вырабатывать особую этику взаимоотношений с властью предрержащими и преобладающим враждебным населением. И очень рано, уже в Талмуде сформировался принцип жизни в диаспоре, принцип законопослушания – «дина де-мальхута – дина» («Закон государства – закон») (Недарим 28а, Гиттин юб). Евреи ему всегда следовали и служили на совесть своей новой родине, хотя часто и без взаимности.

Все сказанное в полной мере касается и жизни российских евреев. Они издревле жили на славянских землях – со времен Киевской Руси. Мы немало знаем имен евреев, так или иначе связанных с Московской Русью, а потом и русским государством XV–XVII вв. Но настоящая, «большая» история евреев в России начинается со славных времен Петра Великого и особенно Екатерины II. После раздела Польши в Россию вместе с бывшими землями Речи Посполитой в Российскую империю влилась самая большая еврейская община в мире. С тех пор судьбы евреев и русских на территории России стали неотделимы и переплелись самым тесным образом.

Многое пришлось претерпеть евреям в России: тяжелую жизнь в гетто, унижения и гонения, а порой и кровавые наветы, ужасные погромы. Но одновременно еврейство дало России много выдающихся граждан, настоящих сынов русской земли еврейского происхождения – генералов, поэтов, ученых, бизнесменов. За прошедшие века родилась особая еврейско-русская культура интеллигенции, особый «еврейско-русский» воздух. Но и выдающаяся роль многих евреев в русской жизни часто не мешала им оставаться здесь пасынками – людьми второго сорта, всегда рискующими оказаться в униженном положении.

Обо всем этом Лев Бердников пишет в новой книге, пытаясь на историях судеб своих героев решить этот вечный вопрос: евреи в России – сыны или пасынки? Акцент на трагическом раздвоении российского еврейства задается уже двумя эпитафиями – Саула Грузенберга и Александра Городницкого, каждому из которых судьба евреев видится под своим углом зрения. И начиная с евреев Московского царства, автор тщательно проводит нас по историческим путям России, где евреи оставили немало значимых отметок, неизменно оказываясь словно в подвешенном состоянии – между сыном и пасынком.

Так, к заболевшему сыну Ивана III, Ивану Молодому приставили лекаря-еврея из Венеции, Леона Мистро. Леон честно и самоотверженно лечил наследника, но лечение оказалось безуспешным, и лекаря отрубили голову – он просто стал побочной жертвой заговора, в ходе которого наследника отравили, а Леона заставили лечить его от несуществующей болезни.

Такая же трагическая судьба постигла еще одного еврея-врача – Стефана фон Гадена, который был едва ли не лучшим врачом при царском дворе, но его обвинили в отравлении царя Федора Алексеевича и после зверских пыток убили.

Верный сын обретает судьбу ненавистного пасынка. Но конечно же, далеко не всех евреев ожидала столь печальная судьба. Генерал Михаил Грулёв стал одним из виднейших русских военачальников и мирно почил в 86-летнем возрасте. Но и ему, как еврею, пришлось немало претерпеть на пути к вершинам военной славы. Столь же непросто был путь художника Моисея Маймона, писателя Виктора Никитина, ученого-фольклориста Павла Шейна, знаменитого фотографа Константина Шапиро, о которых пишет автор.

Чтобы достичь успехов в любой сфере российской жизни и доказать, что ты можешь причислять себя к «России верным сынам», евреям часто приходилось совершать очень трудный шаг – креститься. Как точно сформулировал эту трудность историк Семен Дубнов, «для еврея единственным способом снискать благоволение правительства было склониться перед греческим крестом». В условиях черты оседлости, жестких ограничений еврейства в проживании в крупных городах, университетском образовании, профессиональной деятельности, справка о крещении фактически служила пропуском в настоящую, большую жизнь.

Смена веры – это всегда очень сложный и деликатный процесс. Особенно он был сложным для российских евреев, поскольку, в стремлении вырваться через крещение в большой цивилизованный мир, они почти неизменно оказывались между двух жерновов. Бывшие единоверцы обвиняли их в самом страшном для еврея грехе – предательстве своего народа, после чего еврей приравнялся к умершему, по нему справляли траур. Но и новые единоверцы часто очень подозрительно относились к неопитам, считая их крещение притворным, а то и усматривая в них сатанинское желание уничтожить православное христианство изнутри. Веками, чтобы доказать свою лояльность новым единоверцам, крещеные евреи порой старались быть «святее папы», всячески демонстрируя христианам свою ненависть к соплеменникам, за что и получили презрительную кличку «выкресты». Некоторые из них – Иоганн Пфеферкорн, Яков Брахман и другие, жившие в разное время – играли самую печальную роль в еврейской жизни, клеветая на своих евреев, заявляя об антихристианской сущности Талмуда и прочих еврейских писаний. А были и такие, как Павел Вейнберг, которые высмеивали своих соплеменников в злобных анекдотах-карикатурах, разжигая тем самым юдофобию в России.

Но даже если евреи искренне желали влиться в новую общность, им часто не верили. Так, историк испанского еврейства Бенцион Нетаньяху в своих работах утверждал, что испанские евреи крестились вовсе не по принуждению, а вполне охотно и сознательно, желая раствориться в культурной среде испанского христианства. И тем не менее, их, марранов, христиане все равно ненавидели и подозревали в самых разных грехах.

Порой крещение не спасало от ненависти антисемитов, а иногда и от смерти. *&ТО* касалось и тех евреев, о которых автор пишет в своей книге, и многих других. С гимназических лет дружили будущий выдающийся экономист Михаил Герценштейн и будущий журналист Григорий Иоллос. Первый принял крещение, второй сохранил иудейскую веру. Оба были патриотами России, настоящими ее сынами и в 1906 г. стали членами Государственной думы первого созыва, записав в анкетах соответственно «иудей православного исповедания» и «русский иудейского вероисповедания». И оба были убиты черносотенцами, оказавшись ненавидимыми пасынками России.

Лев Бердников тщательно анализирует биографии российских евреев, получивших известность и внесших значительный вклад в жизнь дореволюционной России. Естественно, многие из них приняли православие. И хотя существует распространенный миф, особенно характерный для ортодоксальной иудейской среды, что смена веры всегда была циничным предприятием, с целью устроить свою жизнь – в духе высказывания, которое

приписывают выдающемуся востоковеду Даниилу Хвольсону: «Лучше быть профессором в Петербурге, чем меламедом в Эйшишке», немало евреев сознательно принимали православие, отождествляя его с близкой им русской культурой, а некоторые и искренне обращались в христианскую веру – вовсе не питая при этом ненависти к собственному народу.

Автор исследует нюансы внутренних борений, мучительных раздумий, зигзагов на жизненном пути известных евреев, принявших православие, но не забывавших о своем еврействе. И он создает поистине уникальный труд, в прямом латинском значении этого слова – «единственный в своем роде, неповторимый». Есть исследователи российской истории, уделяющие особое внимание православно-еврейским отношениям, но обычно они работают над очень конкретной, узко-научной проблематикой. &г;и исследования очень важны, но только Лев Бердников ставит проблемы этих отношений, на примере их выдающихся носителей, в сферу общественного внимания, на оценку широкого читателя, сочетая тщательность биографических исследований с популярным и занимательным стилем изложения – что ему, безусловно, удается.

Заметка в газете «Вече» на смерть Григория Иоллоса заканчивалась словами «Еще одним жидом стало меньше». &то предельно трагическая модель жизни российского еврея. Но даже если насильственная смерть вовсе необязательно являлась еврейским уделом, любой еврей в России чувствовал себя пасынком – в той или иной степени. Автор пишет и об этом, но главный акцент его историй все же на другом – на сыновстве, на том огромном, замечательном вкладе, который часто истово, «положа живот свой», вносили евреи в жизнь России, в самых разных сферах. И знание об этом укрепляет взаимопонимание русских и евреев, прославляет тот самый «русско-еврейский» культурный воздух, аналога которому в мире не было. И в этом, помимо образовательной, большая гуманистическая сила книги Льва Бердникова.

Россия – многонациональная страна. Национальные общины испокон веков трудились на благо России. Можно перечислять десятки и сотни армян, грузин, осетин, украинцев, многих и многих, которых можно назвать истинными сынами России. Все они достойны быть запечатленными в истории, в слове, чтобы широкий читатель знал о славных страницах жизни национальных общин в России. К сожалению, таких работ, – увлекательно написанных для широкого читателя – очень немного. И книга Льва Бердникова является наглядным примером того, как надо хранить память о нашем прошлом.

Юрий Табак

Jews in Russia: Alien Kin. Foreword

The title of Lev Berdnikov's book is surprisingly accurate. Throughout most of their history the Jews have had to eat the bitter bread of exile and survive in foreign lands. But they did not merely survive, sacrificing everything for the sake of sustenance and shelter. They had the Torah, which they continued to follow, and they always tried to solve the excruciating task how not to lose their Jewish identity, devotion to their faith and their ancient community, and at the same time to live as law-abiding citizens. The latter was particularly important because the Jews constituted a religious minority and were generally distrusted by the populace of all of their host countries, especially in Europe. This was to be expected; after all, from an early age good Christians were taught from the church pulpit that the Jews had crucified God. And the main Jewish professions – money-lending, trade, innkeeping (there were often no other choices) – did not contribute to their non-Jewish neighbors' good will. These people who prayed in a strange language and dressed in strange clothes frightened their children, and did not often venture out of their neighborhoods or ghettos. But there were times when Jews' education and intelligence were prized by kings and nobles, and there were those who made brilliant careers at court.

How to preserve one's Judaism and still remain a Jew and law-abiding citizen in one's country of residence? The Jews had to deal with this question for centuries, to develop a special way of dealing with the powers that be and with the predominantly hostile population. Very early, even in the Talmud, the principle for life in the Diaspora was «dina de Malchut – Din» or following the law («the law of state is the law», Nedarim 28a Gittin 10b). Jews consistently obeyed this obligation and served their new homelands conscientiously, if often without reciprocity.

All of this fully applies to the life of Jews in Russia. They lived in Slavic lands from ancient times – from the era of Kievan Rus. We know the names of many Jews who were in one way or another connected with Muscovite Rus' and then with the Russian state during the fifteenth through seventeenth century. But the central act in the historical drama of the Jews in Russia starts with the glorious times of Peter the Great and especially Catherine II. After Russia's partitions of Poland, these lands, together with the former territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth, combined to create in the Russian Empire the largest Jewish community in the world. Since that time, the fate of the Jews and Russians on Russian territory became inseparable, interwoven in most intimate ways.

Jews in Russia had much to endure – including hard life in the ghetto, humiliation and persecution, and at times blood libels and horrifying pogroms. But at the same time the Jews provided Russia with many outstanding citizens and true sons of the fatherland – generals, poets, scientists and businessmen. Over the centuries a special Jewish-Russian intelligentsia culture was born, with its own unique «Jewish-Russian» cultural atmosphere. But the prominent role of many Jews in Russia did not prevent them from often being treated as second-class citizens, always at risk of being humiliated.

These are the issues Lev Berdnikov describes in his new book, trying to solve the eternal question: have Jews in Russia been its children or its stepchildren? The tragic dualism of Russian Jewry is suggested by the book's two epigraphs, by Saul Gruzenberg and Alexander Gorodnitskii, each of whom sees the fate of the Jews from his own point of view. Starting with the Jews of Muscovy, the author leads us down Russia's historical path, along which Jews left many significant marks but invariably found themselves in a kind of limbo, suspended between the roles of children and stepchildren.

Thus the Jewish doctor of Venice, Leon Mistro, was brought in to minister to Ivan III's ailing young son. Mistro treated the heir honestly and unselfishly, but the treatment was unsuccessful, and the unlucky healer was beheaded. He had been caught in the middle of a conspiracy: the heir

had been poisoned and Leon tricked into trying to cure a non-existent disease. A similarly tragic fate befell another Jewish doctor – Stefan von Gaden, who was probably the best doctor at the tsar's court. He was accused of poisoning Tsar Fedor Alekseevich and killed after brutal torture.

Faithful sons thus shared the fate of hated stepchildren. But of course not all Jews experienced such unhappy endings. General Mikhail Grulev, for example, became one of Russia's most prominent military leaders and died peacefully at the age of 86. But he, as a Jew, had to endure a lot on the way to the heights of military glory. Equally difficult were the lives of the artist Moses Maimon, the writer Victor Nikitin, the folklorist Paul Shane, the famous photographer Konstantin Shapiro, all of which are described in this book.

To achieve success in any sphere of Russian life and prove that they could identify themselves as «true sons of Russia», Jews often had to make a very difficult step – to accept baptism. As the historian Simon Dubnov formulated this difficulty: «for Jews the only way to win the favor of the government was to bow before a Greek cross». Because of the laws limiting Jews to the Pale of Settlement and severe restrictions against living in large cities, getting a university education, taking part in professional activities, and so on, a baptismal certificate served as a ticket to the larger world and a better life.

Changing faith is always a very difficult and delicate process. It was especially difficult for Russian Jews because after conversion they almost invariably found themselves between a rock and a hard place. Their former coreligionists accused them of the greatest possible sin for a Jew, betraying their people; converts were considered dead and ritually mourned. Christians, on the other hand, looked on them with suspicion, considering their conversion fictitious and possibly even as a satanic way of destroying Eastern Orthodoxy from within. To prove their loyalty baptized Jews sometimes endeavored to be «holier than the pope», trying to demonstrate their hatred for their former compatriots; such were branded with the contemptuous label «vykresty» (cf. «conversos» or «Marranos» in Spain). Some of these, like Johann Pfeferkorn and Jacob Brahman, and others who lived in different periods, played very sad role in Jewish life, e.g., slandering their fellow Jews and claiming the anti-Christian nature of the Talmud and other Jewish writings. And there were those like Paul Veinberg who mocked his fellow tribesmen in vicious caricatures, fueling Judeophobia in Russia.

But even if Jews sincerely wished to join the new community, they were often mistrusted. The historian of Spanish Jewry Benzion Netanyahu has claimed that the Spanish Jews were not baptized under compulsion, but willingly and consciously, wanting to assimilate into Spanish Christian culture. Nevertheless, Christians still hated the «Marranos» and suspected them of a variety of sins.

And baptism did not save them from the hatred of anti-Semites, or sometimes even from death. This applies to some of the Jews described in this book as well as to many others. Since their school years the prominent economist Mikhail Gertsenshtein and the journalist Grigory Yollos had been friends. The former was baptized while the latter preserved his Jewish faith. Both were Russian patriots, its true sons, and both became members of the first state Duma in 1906; in questionnaires they described themselves, respectively, as «Jew of the Orthodox Confession» and of the «Russian Jewish faith». And both were murdered by killed by the Black Hundreds as Russia's despised stepchildren.

Lev Berdnikov carefully analyzes the biographies of Russian Jews who became famous and made significant contributions to the life of prerevolutionary Russia. Naturally, many of them adopted Christianity. But there is a common myth, particularly characteristic of the Orthodox Jewish community, that Russian Jews' change of faith was always a cynical move in order to improve their situation, as echoed in the statement attributed to the outstanding Orientalist Daniel Khvol'son: «Better to be a professor in St. Petersburg than a *melamed* in Eyshishke». To the contrary, many Jews consciously accepted Eastern Orthodoxy, identifying it with Russian culture,

and there were those who genuinely converted to Christianity without harboring any bad feelings toward their people.

The author explores the internal struggles, painful reflections, and complex life paths of Jews who converted to Orthodoxy but did not forget about their Jewishness. And he has created a truly unique work. There are scholars of Russian history who pay special attention to Orthodox-Jewish relations, but usually they are focused on very specific, narrowly scholarly issues. These studies are important, but only Lev Berdnikov raises broader questions of the nature of those relations, based on the lives of those who experienced them, and, furthermore, he presents his arguments for the consideration of a broad, socially-conscious public. To do this he aims to combine, as far as possible, the thoroughness of biographical research with a popular and entertaining style – something in which he certainly succeeds.

A notice in the newspaper «Veche» on the death of Gregory Yolloos ended with the words «One less zhid». This represents one extreme and tragic model of the life of Russian Jews. But even if a violent death is not necessarily universal Jewish destiny, any Jew in Russia felt her or himself a stepchild to one degree or another. Berdnikov writes about this a lot, but the main focus of his biographies is on something else – on Jews as «children of Russia», on their tremendous, remarkable contributions – often putting their lives on the line – that Jews made to the life of Russia in various fields. Knowledge of this history reinforces mutual understanding between Russians and Jews, strengthening and celebrating the «Russian-Jewish» cultural atmosphere, which hardly has an analogue elsewhere in the world. And this, in addition to its educational function, represents the great humanistic power of Berdnikov's book.

Russia is a multiethnic, multinational country. Since ancient times many national communities have worked to the benefit of Russia. One may list many hundreds of Armenians, Georgians, Ossetians, Ukrainians, and many, many, others, who can be called true sons of Russia. All of them deserve to be recorded in history, so that the general reader may become aware of the glorious pages from the life of national communities in Russia. Unfortunately, such books are very rare. Lev Berdnikov's informative and engaging book is a shining example of how to preserve this memory of our past.

Yuri Tabak (translated by M. Levitt)

I. Евреи под монаршей порфирой

Гонитель поневоле Иван III

Собиратель Руси, державный великий князь Иван Васильевич привечал в своем Отечестве и иудеев. Им было дозволено «торговлю чинить» и беспрепятственно колесить по городам и весям Московии. Повсюду можно было заприметить еврейские повозки, обтянутые парусиной. «Высокие, худощавые лошади нерусской породы, – живописал в историческом романе «Басурман» Иван Лажечников, – казавшиеся еще выше от огромных хомутинов, испещренных медными полумесяцами, звездами и яблоками, давали знать о мере своего хода чудным строем побрякушек такого же металла. На передках сидели большею частью жидаи. В тогдашнее время не было выгодной должности, которую не брали бы на себя потомки Иудины. Они мастерски управляли бичом и кадуцеем, головой и языком... Во Пскове, в Новгороде и Москве шныряли еврей-суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и послы... В авангарде, из под общипанного малахая и засаленного тулупа торчала, как флюгер, остроконечная борода и развевались пейсики, опухшие морозом».

Иван III

И все же великое княжение Ивана III стало злополучным для евреев на Руси. Ведь именно при нем восторжествовали воинствующая нетерпимость и решительное неприятие иудаизма и евреев. Словами «жид», «жидовин» стали называть «совратителей душевных», испытывая перед ними суеверный страх. Это в годину Ивана Великого запыхают «костры очищения» – аутодафе, в которых сожгут заживо в прах десятки так называемых «жидовствующих» – отступников от Христовой веры. Но произойдет это уже на самом излете его правления, а поначалу великий князь оказывал еретикам молчаливое покровительство и долго (десятилетиями) все противился, медлил и никак не решался предать их казни...

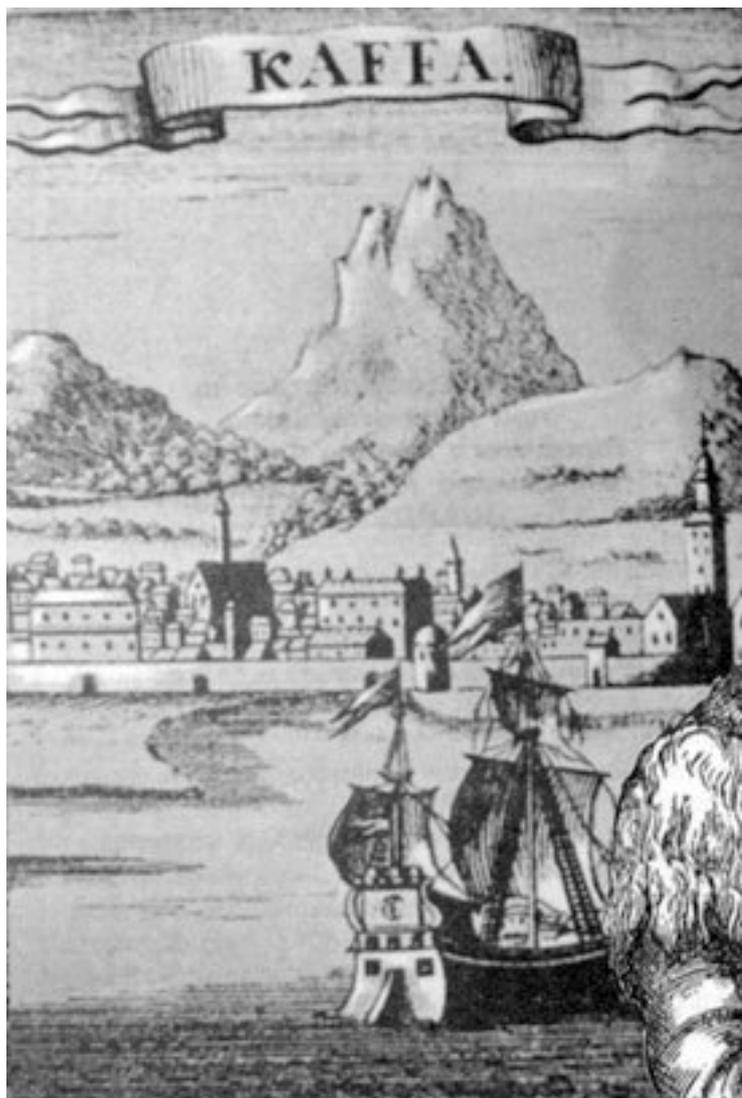
Впрочем, медлительность, постепенность ощущалась и в других действиях Ивана Васильевича. Его вообще отличала природная осторожность, свойственная умам зрелым. Он, по словам Николая Карамзина, «не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости». Осмотрительность, проницательность, дальновидность в сочетании с широким кругозором соединялись в нем со стратегической масштабностью мышления. Историки называют его выдающимся стратегом, дипломатом, законодателем, и при этом – суровым прагматиком, чьими действиями руково-

дило не романтическое вдохновение, а трезвый расчет, не сердечные влечения, а работа ума. Считая себя преемником греческих императоров (он увековечил это преемство принятием византийского герба – двуглавого орла), он чтит православные обряды, знал таинственную магию ритуала.

Почитание святынь и монастырей уживалось в нем с неукротимым стремлением проводить в жизнь свой идеал благочестия, вступая порой в острые конфликты с высшей церковной иерархией (чего стоят, например, его настойчивые попытки отобрать вотчины у монастырей!). Исследователи говорят о своеобразности религиозного сознания Ивана, отмечая, с одной стороны, его истую приверженность православию, с другой, – интерес к усвоению элементов вероучения иных конфессий. При великокняжеском Дворе длительное время господствовал дух религиозной толерантности. При этом Иван Васильевич не жаловал католиков, видя в них особую опасность для православия, зато «покровительствовал в России и магометан, и самых евреев». Историк Алексей Алексеев подчеркивает: «Ивану совершенно было чуждо предвзятое отношение к иудеям, которое господствовало в католических странах Европы».

Более того, великий князь не гнушался пользоваться услугами иудеев и вести с ними важные для державы дела. Едва ли здесь может быть усмотрено юдофильство, особая приязнь государя к народу Израиля. Иван радел исключительно об интересах России и заскорзлыми национальными фобиями не страдал. «Полезных евреев» он зазывал к себе в Белокаменную, на государеву службу и жаловал по-царски.

Не знаем, ведал ли о том Иван Васильевич, но институт придворных евреев существовал в большинстве стран Европы и Азии. Он имел давнюю традицию и вел свое начало еще с книги Бытия, где рассказывалось об Иосифе – высоком сановнике при египетском фараоне. Впоследствии жизнеописание придворных евреев, сохранивших религию отцов и помогавших своим соплеменникам, вошли в книги Даниила и Эсфири, а также в апокрифическую книгу Товита. В Средние века правители некоторых мусульманских стран приглашали на службу еврейских врачей и финансистов, многие из которых играли выдающуюся роль в жизни этих стран: Хисдай Ибн Шафрут, Я'аков Ибн Джау, Шломо Ибн Я'иш и др. Пользовались финансовыми услугами евреев и средневековые правители. Так, в христианской Испании наибольшего влияния достигли врач и дипломат кастильского короля Иосеф Ха-Наси Фарузиель (XII век) и его племянник Шломо-Ибн Фарузиель, а позже член королевского совета Кастилии Иосеф де Эсиха (XIV век). В Арагонском королевстве выдвинулись ряд представителей еврейского семейства де ла Кабальерия (2-я половина XIII века), Альконстантини, Абравалья. В Португалии были широко известны астролог Ибн-Яхья, сборщик пошлин Гдалия бен Шломо, государственный казначей Ицхак Абраванель и др. Хотя придворных евреев на Руси XV века не находится, тем ценнее для нас «дружелюбная связь» между Иваном III и кафским (феодосийским) купцом-иудеем Хозей Кокосом. Кокос был одним из самых приметных торговцев Крыма. «Еврейт сей мудр и в торговых делах и государственных. Вельми хитер. Сейчас он наиглавнейший из богатых купцов в Кафе», – говорили о нем. Этот «еврейт» вел дела с государем еще с начала 1470-х гг. Сохранилось государево послание: «Да Кокосу ему также говорити от великого князя, чтобы купил великому князю лалы и яхонты, да зерна жемчужные великие, да прислали бы к великому князю; а цену им князь велики за то заплатит, да сверх того еще своим жалованием пожалует». Монарх остался весьма доволен евреем, который, по его словам, вел честную игру не только в торговле, но и в делах тайных. Может быть, именно поэтому Кокосу было поручено передать Менгли-Гирею челобитную грамоту и уговорить его на союз с Московским государством. Так иудей стал важнейшим дипломатическим посредником между московским князем и крымским ханом.

Вид г. Кафы (Феодосии)

При этом Кокос радел как о пользе Крымского ханства, так и о российских интересах. Он понимал, как важно для Ивана III заполучить надежного союзника на рубежах с Казанью, Ордой, Польшей и Литвой, как необходим ему союз с Крымом, а через него – и с турками: ведь ослабление распрей на сем пограничье решало важнейшую для Москвы задачу о вольнице Новгородской. Мечтал он о сильной власти на полуострове и о финансовых вливаниях в государственную казну, о союзе с султаном, о прекращении бесчисленных походов врагов на Крым и о контактах с дружественным Москве Казанском ханством.

В 1474 году Державный поручил прибывшему в Крым русскому послу Никите Беклешеву передать Кокосу поклон от великого князя и просьбу поспособствовать сближению сторон, обещая еврею в случае успеха «свое жалование». Из документов видно: переписка между ними долгое время велась на иврите, что, как видно, доставляло царю немалые трудности с переводом. Потому, наверное, иудею было приписано, чтобы впредь «он жидовским письмом грамоты бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или бессерменским». Иван поручает также своему послу: «Да молвите Кокосу жид овину от великого князя... как еси наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и ныне служил нам, а мы аждат Бог хотим тебя жаловати!»...

Кокос посылает к Ивану Васильевичу своего зятя Исупа, который после мучительно долгого пути достиг, наконец, Первопрестольной и предстал пред светлые государевы очи.

Государь и бояре в горлатных шапках с удивлением взирали на басурманина в ермолке, с характерными пейсами.

В великокняжеских палатах могла происходить такая сцена. Поклонился Исуп царю и пожелал удачи.

– Почему руки не целует и в ноги не падает?! Аль не ведает, как вести себя с государем?! – взъярился было Иван Васильевич.

– Не казни, государь, не положено им, – вступился за еврея дьяк. – Вера у них такая. Один государь у них – Бог, а остальные все равны перед ним. На смерть идут ради своей веры, не прогневайся, государь!

– Коль за веру на смерть идут, это похвально. Вера – дело серьезное! – миролюбиво отозвался великий князь.

– Пишет Кокос, что хан только союза с Москвой хочет крепкого. Позовешь его на войну с Казанью или с польским «крулем» Казимиром – с тобой будет. Мыслит Менгли-Гирей, что от дружбы той обоим государям только польза будет!..

Хозя проявил себя как преданный друг русских в самое тяжелое для Московии лихолетье. Так, в 1479 г. хан Большой Орды Ахмат собрал недюжинное войско и всем раструбил о своем походе на Русь. Тогда Кокос, не мешкая, отправляется в Турцию, к султану Баязеду II, испрашивая у него мира, дружбы и взаимовыручки с северным соседом. Дорогую стоила привезенная им грамота султана, которую сей верноподданный еврей вручил русскому послу в Крыму.

Кокос всемерно содействовал русским купцам в Крыму, добивался для них привилегий от хана Менгли-Гирея. Нередко Хозя слал Ивану III знатные подарки: яхонты, жемчуга, сукно ипрское, бархаты и т. д.

Неоценима была роль Кокоса в освобождении русских пленных и, прежде всего, дьяка Федора Васильевича Курицына в 1487 году. Курицын рассказал царю о помощи Хози и просил Ивана щедро отблагодарить еврея. Но Хозя Кокос так и не смог приехать в Москву. Дружба и сотрудничество еврейского купца и царя, продолжавшиеся всю их жизнь, так и не увенчались встречей.

Последней акцией помощи Хози Ивану III было возвращение православных святынь, захваченных Менгли-Гиреем в Киево-Печерском монастыре. Кокос выкупил тогда все награбленные ханом православные ценности и отправил в Москву. При этом Хозя и не ждал благодарности: воспитанный Торой в уважении к святым местам и святыням своей религии, он просто совершил акт восстановления справедливости по отношению к другой религии.

В 1502 г. государь всея Руси Иван Васильевич торжествовал полную победу: крымский хан Менгли-Гирей уничтожил Большую Орду и стер с лица земли ее столицу Сарай. И в этом есть толика заслуги Кокоса.

Крымский хан Менгли-Гирей. Османская миниатюра XVI в.

Иван III вел длительную переписку и еще с одним жителем Кафы, которого считал евреем – с Гизольфи Заккарией (или Захарией). Тот писал великому князю в 1483 году о взятии турками своего родового замка на Таманском полуострове, просил принять его на государственную службу, на что получил обнадеживающий ответ: «Божью милостью, великий осподарь русския земли, Иван Васильевич... Захарие Евреянину... Писал нам еси... о том, чтобы у нас бытии. И ты бы к нам поехал. А будешь у нас, наше жалование к себе увидишь. А похочешь нам служить, и мы тебя жаловати хотим, не похочешь у нас бытии, а всхочешь от нас в свою землю поехать, и мы тебя отпустим добровольно, не издержав». В посольских книгах Заккария аттестовался также «Захарья Жидовин», причем великий князь трижды (!) приглашал его в Москву и даже отрядил проводников для его торжественной встречи у устья реки Миуса. На самом деле, Заккария к иудеям никакого отношения не имел (он был по отцу итальянец – «фрязин», по матери – «черкасин»). И хотя еврейство ему приписали облыжно, из-за прозвания «Ивериянин» (сходного по звучанию с «Евреянин»), важно то, что великий князь был рад «евреинам» покровительствовать.

Отметим, что когда занедужил наследник русского престола, сын и соправитель Ивана III Иван Молодой, к нему был приставлен «лекарь *Жидовин* Мистро Леон из Венеции». А ведь обращение за исцелением к иудею строго порицалось в средневековом христианстве! Да и православная традиция сему претила: «Слово Иоанна Златоуста о лечащихся волхованием от болезни» гласило: «Христиане, почто ся зовете, да повинимся кресту и не идем к врагам Божиим, к волхому и чародею, то врази Божий суть, лучше умерети, нежели ко врагам идти. Кое пособие тело целити, а дупло убити, так я обретатель зде мало прияти утешение, а тамо посланным быти с бесы в вечный огонь». И что еще более примечательно, этого еврейского эскулапа пригласила жена государя Софья Палеолог, ревнительница Христовой веры, которая, по словам историка, «из всех западных нововведений больше всех ценила одно – инквизицию». События показали, что действиями Палеолог руководил строгий, воистину инквизиторский расчет.

Софья Палеолог

Врачевателю было объявлено, что Иван Молодой болен «камчугою» (то есть подагрой, ревматизмом) в ногах. Вот что сказывал летописец: «И видел лекарь жидовин Мистр Леон, похваляясь, рек великому князю Ивану Васильевичу, отцу: я вылечю сына твоего, великого князя, от сей болезни, а не вылечю его яз, и ты вели меня смертью казнити; и князь великий Иван Васильевич иняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лекарь лечити, зелие пити даде ему, наче жечи стекляницами [банками – Л.Б.] по телу, вливал воду горячую». Лечение оказалось, однако, безуспешным, и 7 марта 149^о года наследник престола испустил дух. Современники-книжники не могли оставить без внимания библейскую параллель: «И сделался Аса болен ногами на 39 году царствования своего, и болезнь его поднялась до верхних частей тела; но в болезни своей взыскал не Господа, а врачей» (2 Пар. 16:12).

Судьба еврейского эскулапа оказалось взыскательно-суровой: после сорочин (сорока дней) со смерти Ивана Молодого Леона свезли на Болвановку, что на берегу Яузы, и при огромном стечении народа отрубили ему голову.

Во всем винили лекаря-жидовина. О нем говорили как о самонадеянном шарлатане, не вызывающем к себе ни малейшего сочувствия. В расправе же над ним «народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул государя и сам себя обрек на казнь». Или еще: «Этот мастер лечил и залечил Иоанна младого и за то казнен всенародно. Об этом никто не жалел: поделом была вору мука!».

На самом же деле, молодой медик, сам того не ведая, стал пешкой в чужой игре и без вины виноватым в изощренном убийстве российского наследника. Тонкий знаток кремлевских тайн князь Андрей Курбский утверждал, что «предобрый Иоанн», «наимуже-

ственнейший и преславный в богатырских исправлениях», был отравлен «смертоносным ядом» именно своей окаянной мачехой. Такую же версию умерщвления наследника престола повторили и авторитетные российские историки Владимир Савва и Георгий Вернадский.

Отмечая особую изощренность Софьи в хитроумных каверзах, исследователи прямо говорят о том, что это она, страстно желавшая передачи трона своему сыну Василию (будущему Василию III), была кровно заинтересована в устранении постылого пасынка. Ее называли «греческой колдуньей», «злой женой» и «чародейницей». Говорили также, что ломота и онемение ног (от чего страдал покойный Иван) были симптомом отравления змеиными ядами. Софья же родилась и выросла в краях, где прекрасно знали свойства змеиных ядов. Так что царевича по указке Софьи «опоили», подмешав яд в пищу.

Когда жидовин ручался Ивану III за жизнь и исцеление сына, никакого самохвальства в его словах не было. Не подозревая об отравлении, он лечил его именно от «камчуги» (подагры), от которой, как он знал, не умирают. О том, что потребно было сильное противоядие, медик и не помышлял. И виной тому – Софья. Она потому и настаивала на приезде медика из Венеции, чтобы тот не разобрался в ситуации: решила отравить Ивана чем-то местным, специфическим, тем, что в Италии не растет и не ползает.

Интересно, что в «Русских народных сказках», собранных Александром Афанасьевым, имеются сюжеты об Иване-царевиче, который так же, как Иван Молодой, смел в бою, женился на Елене Прекрасной (Иван был женат на Елене Волошанке), боролся с расхитителями царской казны и тоже умер в результате отравления. Фигурирует там и некая Сонька-Богатырка, коей приписывается знание ядов и противоядий, хранение в пузырьках живой и мертвой воды. Не намек ли это на Софью Палеолог?

Леон Поляков в своей книге «История антисемитизма» утверждает, что расправа над Леоном способствовала развитию юдофобии в России. Однако думается, никакой специфически антисемитской подоплеки здесь не было. Достаточно сказать, что за пять лет до истории с Леоном за неудачное лечение знатной особы был казнен другой доктор, к евреям никакого отношения не имевший. «Такую же участь, – сообщает историограф Николай Карамзин, – имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарствами уморив князя татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом». Примечательно, что именно Иван Васильевич настоял на том, чтобы зарезать сего лекаря, «яко овцу», хотя даже отец знатного татарина соглашался выпустить его «за откуп» (за выкуп). Видать, крут и жесток был государь к неудачливым докторам...

Преподобный Иосиф Волоцкий

А у истоков воинствующего антисемитизма на Руси стоит событие, смысл и значение которого откроются лишь спустя годы. В 1470 году в «господин Великий Новгород», тогда еще вольный город, прибыл луцкий князь Михаил Олелькович из Киева (он был двоюродным братом Ивана III), а с ним, как говорится в летописи, «жидове с торгом». Особым расположением сего князя пользовался «жид Схария». Как установлено, полное его имя Захария Бен Аарон га-Коген, и был он близким ко Двору киевских князей астрологом, тесно связанным с провансальскими и испанскими учеными евреями; к тому же весьма поднатолкнул в рационалистической философии. «Странствующий жид», он исколесил много стран, останавливался в Византии и Дамаске, побывал паломником в Иерусалиме, подолгу жил в Киеве и Крыму, и везде находился в самом средоточии умственных страстей века.

Захария Бен Аарон обладал поистине энциклопедическими познаниями (это вынуждены будут признать даже его злейшие враги). Есть свидетельства, что он глубоко постиг не только Ветхий и Новый Завет, но и творения отцов и учителей Христианской церкви. При этом занимался философией, естественными науками и особенно астрономией (мог, к примеру, безошибочно предсказывать солнечные и лунные затмения и т. д.). Владел испанским, итальянским, русским, татарским; писал на древнееврейском и латинском языках. «Сей Схария, – негодовал впоследствии его православный оппонент, преподобный Иосиф Волоцкий, – бьяша дьяволов сосуд и изучен всякому злодейства изобретению, чародейства же и чернокнижию, звездозаконию и астрологы». Кроме того, был превосходным полемистом и диалектиком, что в соединении с исключительной на русскую мерку образованностью давало ему в руки неотразимое оружие. Интересно, что сей проповедник выписал из Литвы двух помощников – евреев Иосефа Шмойлу Скарявого и Моисея Хануша.

Захарию Бен Аарона и принято считать ересиархом, причем советские историки стыдливо называли его родоначальником «Новгородско-московской ереси». Современники, однако, прямо указывали на ее религиозную, а заодно и национальную подоплеку, аттестуя сектантов «жидовствующими». Некоторые историки полагают, однако, что в строгом смысле слова это была не секта, а светское антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом.

И в этом есть все резоны, ибо гуманисты Возрождения XIV–XV веков к евреям и еврейской культуре проявляли стойкий и неподдельный интерес. Известно, что немецкий

ученый Иоганн Рейхлин, как и многие другие гуманисты, изучал еврейский язык, защищал еврейскую письменность (Талмуд, Зогар, комментарий Раши, Ким Хиды, Гертонида и др.) от нападок обскурантов.

Подобное движение возникло и в среде евреев. Во второй половине XV века османский султан Магомет Победитель (1451-1481) распространил на евреев права всех подданных немусульман. Эдикт этот вызвал большой прилив в Константинополь евреев, образовавших здесь центр интеллектуального движения, близкого к гуманистическому. Евреи выпускали в Константинополе книги, открывали школы, занимались медициной и астрологией. Среди еврейских ученых XV века особенно выделился раввин Мордехай бен Элиезер Комтино (1460-1490).

Он изучал астрономию, математику, механику, естественные науки. Отличаясь значительным свободомыслием, Комтино не делал различия между талмудистами и караимами, преподавал светские науки, не вдаваясь в религиозные споры своего времени. Аналогичное гуманистическое движение существовало в XV веке и в среде литовских евреев, что породило многочисленные случаи перехода здесь христиан в иудаизм.

Если говорить об исторических аналогиях, то культурная ситуация, в которой возникла ересь, может быть уподоблена времени расцвета «ученой магии» в Западной Европе XIII–XV веков, отмеченному обостренным интересом к сведениям по астрологии, алхимии и некромантии, почерпнутым из арабских и иудейских книг. Напрашивается также параллель между жидовствующими на Руси и еретиками при Дворе Роберта Благочестивого в 1022 году, связанными с иудейским учением, отрицавшими действительность святого крещения и т. д.

Что же втолковывал новгородской пастве этот Захария, «умом хитрый, языком острый»? Вот как передают его «кощунственные» слова сегодняшние толкователи-религиоведы: «Первое: главный догмат Православия о троичности Бога есть нелепость, поскольку никому и ничему невозможно быть одновременно единицей и троицей. Второе: поскольку Божество не может быть Троицей, то в Его составе не может быть Сына, следовательно Иисус, называвший себя «Сыном Божиим», на самом деле не был таковым, а был просто человеком. Третье: из той же невозможности Богу быть Троицей вытекает отсутствие в нем не только второго, но и третьего лица, то есть Святого Духа, который, таким образом, оказывается фикцией. А значит фикцией являются и церковные таинства, в которых Святой Дух якобы соединяет нас с горним миром, а этого мира вовсе не существует. Четвертое: раз горнего мира нет, значит, молитвы подвижников, обращенные к якобы обитающим в этом мире святым существам, тщетны, потому институт монашества вместе с монастырями должен быть упразднен как паразитарный, и освободившиеся людские ресурсы и денежные средства должны быть направлены на улучшение нашего земного обустройства...»

Богослов профессор Виктор Тростников поясняет: «Отрицание Троицы есть рационализм, отрицание божественности Христа – антропоцентризм, отрицание инобытия – материализм, призыв к роспуску монашества – прагматизм... Рационализм и прагматизм евреев, выработавшиеся в них за столетия внедрения в чужие культуры и коммерческую деятельность, хорошо всем известны. Так что этот мировоззренческий букет вполне справедливо можно назвать мировоззрением иудеев или тех, кто мыслит так же, как они, то есть жидовствующих».

Говорить об этих качествах как о некоей квинтэссенции иудаизма (да еще в эпоху расцвета еврейской мистики) – слишком явная нелепица, чтобы полемизировать на сей счет. Кроме того, профессор, равно как и другие ревностные борцы за чистоту веры, сами того не желая, льстят ересиарху, ибо столь стройной и законченной системы воззрений у него не было. Захария Бен Аарон не доверил их бумаге, а гонители его, одержимые обличительным запалом, подчас противоречили сами себе даже в определении самой сущности «жидов-

ства». Так они, к примеру, то утверждали, что жидовствующие отрицали загробное существование, то – что признавали его. То говорили о том, что те не поклонялись иконам, то – что поклонялись иконе Иисуса-Спасителя и т. д. Известно также, что Захария со товарищи активно занимались астрологией. По словам современников, они лишь «примесили *мало нечто жидовского*» в свое учение, не имея какой бы то ни было готовой религиозной концепции. Русский философ Георгий Федотов утверждал, что среди еретиков были «и истинно православные, заподозренные в некоем богословском свободомыслии». А академик Дмитрий Лихачев резюмировал: «Это было движение свободомыслящих, связанное своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно, через литовских евреев. Отдельные представители этого движения, очевидно, по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в характеристике».

Что же представляли собой рукописные сборники, приписываемые жидовствующим? Это и так называемый «Шестокрыл» – рукопись астрологического содержания, автором которой был еврей Иммануэльбар-Якоб, живший в XIV веке в Италии. Она явилась плодом того увлечения астрономией и астрологией, которое было характерно для Италии XIV–XV веков. Язык перевода – западнорусский, с немногими еврейскими терминами (например, в названиях знаков зодиака). Ярко гуманистический характер изложения сказывается в переводе (с еврейского же) «Тайной тайных» («*Secretum Secretorum*») или «Аристотелевых врат», получивших распространение в XV веке. Сочинение это, по преданию, было написано самим Аристотелем, как поучительное, и предназначалось для Александра Македонского. «Аристотелевы врата» распространялись в России и были популярны у русских читателей вплоть до XVII века. Они отвечали возникшему в XIV веке стремлению гуманистов к точному знанию, к медицине, к изучению зависимости человеческого поведения от телесных свойств. К числу названных текстов принадлежит и перевод с еврейского книги «Логика» Моисея Маймонида. Переводчик, не всегда справлявшийся с трудностями перевода, вынужден был придумать много новых терминов, до того отсутствовавших в русском языке: одержанный – объект, одержитель – субъект и т. п. Читая сей перевод, удивляешься тому, какие титанические усилия должен быть приложить читатель этой книги, чтобы расширить свой умственный кругозор. Среди рукописей есть и астрологическая книга «Лопаточник», а также переводы с иврита на древнерусский язык «Книги Даниила» и апокрифической «Книги Хануха», равно как сборника еврейских праздничных молитв, именуемого «Псалтырю Федора Жидовина» (поскольку перевод осуществил в конце XV века крещеный еврей Федор) и др.

Утверждают, что Захария Бен Аарон «вкрадчиво, но настойчиво, стал знакомить представителей новгородской верхушки, к которой, конечно, принадлежали и духовные лица, с этим *неслыханным* здесь доселе учением». Опять неточность: факты свидетельствуют, что проповеди ересиарха легли в Новгороде на уже подготовленную почву, и был он не пахарем, а скорее сеятелем. Ведь еще в середине XIV века в Новгороде и Пскове возникла еретическая секта стригольников. По предположению исследователя Маргариты Елизаровой, слово «стригольник» отражает еврейское словосочетание, основанное на словах «делать тайным», «скрывать», «быть изгнанным». Таким образом, в переводе с еврейского языка «стригольник» означало «хранящий откровение» или «тайный изгнанник» – понятие, близкое к лексике тайных обществ гностиков и манихеев. Как полагает историк Гелиан Прохоров, «стригольничество» – след первого влияния караимства в Северной Руси.

Стригольники считали, что все русское священство «во зле лежит», потому что берет пошлины и подарки при посвящении в сан, и отказывались от общения с таким духовенством. Они объединялись в особые группы, во главе которых стояли особые наставники – «простецы». На русском Севере были в обычае религиозные споры; в Новгороде люди разных сословий сходились не только в домах, но и на площадях, обсуждали духовные про-

блемы, порой спорили до хрипоты, критикуя церковь, ее обряды и постановления. Стригольников преследовали: известно, что в 1375 году трех представителей секты сбросили с моста в реку Волхов; еретиков сих ловили в Пскове и Новгороде, сажали в темницы, а уцелевшие все не унимались, разнося повсюду свое «богоборное» учение.

Русские источники указывают, что Захария «прельстил в жидовство» двух влиятельных новгородских священников – Алексея и Дионисия, людей ищущих, критически мыслящих и открытых к знаниям и новой вере. При этом «обольститель» якобы «из коварства» запретил им совершать обрезание; еретики не отказывались при этом от священства, продолжая служить в храмах. «Иудейство» их держалось в глубокой тайне, равно как и новые их имена (священник Алексей получил имя Авраам, а жена его – имя Сарра). К новой вере обратились затем некий Иванька Максимов, Гридя Ключ, поп Григорий, Мишук Собака, дьяк Гридя, поп Федор, поп Василий, поп Яков, поп Иван, дьякон Макар, поп Наум и даже протопоп Софийского собора Гавриил и многие, многие другие. Через четыре месяца Михаил Олелькович¹, а с ним и Захария вместе с евреями уехали из города². Ересь стала чрезвычайно активно распространяться без них, уже людьми русскими, одержимыми, по словам Николая Карамзина, «духом суетного любопытства». Филолог и историк Вадим Кожин видит в этом проявление «русского экстремизма».

В 1479 году великий князь московский Иван III побывал в Новгороде после присоединения его к Московскому государству. До него дошли слухи о мудрости, красноречии и благочестивой жизни тайных еретиков Алексея и Дионисия, которые и при ближайшем знакомстве произвели на государя столь сильное впечатление, что он тут же предложил им переехать в Москву. В столице они были назначены протопопами главных храмов Русской церкви: первый – Успенского, второй – Архангельского соборов Кремля. По прибытии в Белокаменную, те сразу же спознались с главой Посольского приказа дьяком Федором Васильевичем Курицыным, полиглотом, человеком европейски образованным, который-то и стал «главным печальником московских еретиков». Похоже, однако, что к религиозному вольномыслию Курицын пришел независимо от новгородцев, а именно в бытность в Венгрии и Валахии, где находился с дипломатической миссией и общался с последователями великого чешского реформатора Яна Гуса. Проникшись идеями гуситов, он горой стоял за ликвидацию церковных земель, что весьма импонировало Ивану Васильевичу.

Вокруг Федора Курицына создался кружок, который враги считали главным оплотом еретиков. Среди его неперемных участников брат Курицына Иван Волк, дьяки Истома, Сверчок, писарь Иван Черный и многие, многие другие. Примечательно, что к ереси прикнула невестка великого князя Елена Волошанка, что удивления не вызывает. Воспитанная в православии своим отцом, валашским господарем Стефаном III, она в то же время была научена и религиозной терпимости (канцлером Двора был иудей Исаак бен-Вениамин Шор из Ясс). К тому же, на нее так же могли оказать влияние популярные в Валахии идеи гуситов. Важно и то, что Елена могла общаться в родных пенатах и с самим Федором Курицыным,

¹ Отметим, что сам Михаил Олелькович к ереси никакого отношения не имел. Он погибнет в начале 1480-х гг. в Литовской Руси как участник православного антиягеллоновского заговора.

² Последнее упоминание о Захарии Бен Аароне находим в послании инока Саввы (киевского митрополита Спиридона-Саввы) против «жидовствующих», адресованном Дмитрию Шеину, бывшему русским послом в Кафе с 1487-1489 гг. Савва предостерегает: «И ты, господине Дмитрий, коли был еси послом и говорил еси с тем жидовином с Захарией-Скарою. И я, господине, молюся тебе: что еси от него слышал словеса добры или худы, то, пожалуй, господине, отложи их от сердца своего и от уст твоих, якоже некое скаредие; несть с ними Бога, уже не действует Бог ими, ни на молитву их не внемлет: изриновени быша и не могут стати, якоже Давид глаголет... Тако и жидовское сокрушенье, встати им не мощно сокрушенным, и погребленным, и разметанным яко прах от лица ветра». И говорит далее: «Аще человек будет добр и украшен всеми добродетелями, и примесит к ним мало нечто жидовского семени, ино то все его житие не потребно перед Господом и человеки, и Бог не стерпит ему и обличит его».

который нередко наезжал в Валахию, а в 1483 году стал московским послом при Дворе Стефана III.

За великокняжеской невесткой последовала часть придворных, вознамеривавшаяся использовать новую веру во внутренней борьбе за власть. Даже сам Иван III временно «склонил слух» к ереси: впрочем, как это убедительно показал американский историк Александр Янов, царь проводил тогда политику конфискации монастырских земель, и критика «стяжателей» лила воду на эту его мельницу...

В течение семнадцати лет еретики, число коих, по некоторым подсчетам, умножилось до полутора тысяч (!), якобы ухитрились держать свое учение в тайне, пока об их «кознях» не проболтался спьяну «жидовствующий» поп Наум. Тогда-то, в 1487 году и забил тревогу истый ревнитель православия Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов). Он направил государю извет, писанный совместно с помощником Дмитрием Герасимовым и католическим монахом обители св. Доминика Вениамином, в котором изобличил все «тягчайшие» вины «кощунников». При этом был противником всяких диспутов с еретиками, но призывал созвать церковный собор, чтобы «их казнити – жечи да вешати». Ему не давали покоя лавры ревнителя веры Христовой, испанского короля с его инквизиторскими аутодафе, о необходимости коих он и сигнализировал в Первопрестольную. Призывал последовать примеру «Шпанской земли», где еретиков «казнили многими казнми и многими ранами, да и сожгли... Да мучили их многими разными муками, да и пережгли всех... а животы (собственность) их и имения на короля поймали... А слава... и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латинской вере, что на лихих крепко стоит»³.

Новгородский владыка при всей своей пылкости и прямолинейности был удручающе непрозорлив. Надо же было понимать, что великий князь был непримиримым борцом с латинством. А Геннадий в своем обличении еретиков прибегал к помощи прелата и с воодушевлением возносил хвалу «шпанскому» королю. С точки зрения Москвы, восторги, расточаемые еретикам-католикам, были столь же неуместны, как и их жертвам. Из-за этой его связи с папистами энергичная деятельность Геннадия не могла иметь желанного успеха. Мало того, совершенно неожиданно для сего неистового обличителя некоторые из еретиков открыто выступили против него. Так, новгородский чернец Захар, пользовавшийся большим влиянием в псковском Немчинове монастыре, повел решительное наступление на владыку, рассылая по городам грамоты с «лайбою» (бранью), обвиняя самого его в ереси. И покровительство ему оказывал не кто иной, как сам великий князь! Когда Геннадий попытался выслать дерзкого чернеца вон, в пустынь, сам Иван Васильевич вступился за Захара и отослал назад, в Немчинов. Этот Захар поставил Геннадия в положение обороняющегося: «Зовет мя еретиком, а яз не еретик», – робко оправдывался он. Видно, что Геннадий принужден был не столько «растерзать утробы» своих врагов, сколько защищать свою собственную особу. Дело дошло до того, что в результате опалы он какое-то время даже не мог выехать в Москву.

Не удивительно поэтому, что Державный отнесся к доносу Геннадия прохладно. Его инквизиторское усердие не встретило поощрения в Кремле. Разногласия в сем вопросе между Новгородом и Москвой были столь значительны, что владыке стало казаться, будто

³ В 1483 году в Кастилии был создан инквизиционный трибунал, который возглавил исповедник королевской четы Томас Торквемада. За 18 лет, что он находился на сем посту, было убито и сожжено, по разным источникам, от полутора до восьми тысяч «неверных», в основном, мусульман и евреев. По некоторым данным, 10220 жертв было сожжено живьем, а еще 97321 человека подвергнуто опозоренью, конфискации имущества, пожизненному тюремному заключению и исключению из службы на общественных и почетных должностях. Общй итог этих варварских казней доводит число навсегда погибших семейств до 114401. 31 марта 1492 года под нажимом Торквемады король и королева Испании Фердинанд и Изабелла издали декрет об изгнании всех евреев из Испании. При этом христианам запрещалось укрывать иудеев в своих домах после этого срока под угрозой тех же наказаний. Эта мера заставила покинуть Испанию до 800 тыс. евреев.

«Новгород с Москвою не едино православие». Из всех преступлений, инкриминируемых еретикам Геннадием, государь признал только обвинение в иконоборстве и, скрепя сердце, дал ему разрешение «обыскать» и в случае необходимости «понаказать» еретиков. Однако наказанию подверглись лишь несколько (третьестепенных по значению) участников движения, виновных в открытом иконоборстве. Наиболее же видные еретики, так или иначе связанные с великокняжеской властью, никак не пострадали и всемерно противодействовали уничтожению секты.

Но ревнители Христовой веры шли в решительное наступление, и тучи над новгородцами сгущались. В 1489 году новым митрополитом Руси стал Симоновский архимандрит Зосима, которого ортодоксы тут же окрестили «вторым Иудой» за то, что тот не был склонен к жестокой расправе над еретиками. На церковном соборе 149^о года (под водительством того же Зосимы) ересь подверглась осуждению, а ее сторонники были названы «сущими прелестниками и отступниками». Еретики упорно отрицали свою вину, но собор лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил на заточение. Многих из них отправили к Геннадию в Новгород, и архиепископ распорядился за чинимые святотатства «бить их кнутом», а также встретить их за сорок верст от города, надеть на них вывороченную одежду, шлемы из бересты с мочальными кистями и соломенные венцы с надписью «се есть сатаниново воинство». Их сажали на лошадей лицом к хвосту, а народу было велено плевать на них и улюлюкать: «Вот хулители Христа, враги Божий!». Затем на головах «поганых» зажигали шлемы из бересты...

Для борьбы с «неверными» были наново прочитаны основные церковные книги, и все чуждое православной традиции из них нещадно изымалось. По инициативе неистоцимого Геннадия была полностью переведена на русский язык Библия (с изобретением книгопечатания она потом будет напечатана в Остроге в 1580-1582 гг.), а также некоторые полемические сочинения. Свою роль в идейной борьбе с «еретиками» сыграли и составленные преподобным Нилом Сорским Жития Феодора Студита и Иоанна Дамаскина, где открыто осуждалось иконоборчество.

Тема отступничества стала особенно актуальной в 149² году, когда, согласно христианскому исчислению, окончились семь тысяч лет от сотворения мира. Час пришел, а предсказываемый конец света почему-то не наступал, что дало повод к еретическим мыслям, сомнениям в вере, превратным толкованиям Библии. «Если бы Христос был Мессией, – говорили сектанты православным, – то почему же он не является в славе, по вашим ожиданиям?» Понятно, что это было весомым аргументом в пользу учения еретиков.

Изображение семьи Ивана III на шитой пелене того времени

Наиболее ярким, сильным и неустрашимым противником ереси стал игумен Волоцкого монастыря Иосиф (Санин), возгласивший: «Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его мать». Наиболее полно критика сектантов изложена в его сочинении «Просветитель». Он вопиял: «С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси. В домах, на дорогах, на рынке все, иноки и миряне с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении о вере пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников Христа: с ними дружат, пьют и едят и учатся у них жидовству». Примечательно, что, составляя сию «книгу на еретиков», преподобный Иосиф был весьма тенденциозен. Он всячески стремился слить воедино «ересь Алексея» и «ересь Федора Курицына», изобразив их единой жидовской ересью, сиречь чистым иудаизмом. Понятно, что обвинение в жидовстве крылось в обычной манере средневековой полемики обвинять своих противников в наиболее зловредных с христианской точки зрения взглядах.

Между тем, его предшественник Геннадий уличал в этом лишь некоторых новгородцев. Что до московских еретиков, то их в «жидовстве» не обвинял никто. Да и трудно было отыскать черты иудаизма в похвалах «апостольских и евангельских», вышедших из под пера Федора Курицына и его товарищей. К тому же, многие факты, приводимые Волоцким, в пользу «жидовства» своих противников, оказывались голословными и доверия не вызывали. Откуда, к примеру, ведомо было, что они хулу на евангельские и апостольские писания изрыгали, если делали это, только встретив кого «из простых», причем с глазу на глаз? Озадачивало и то, почему у этих самых жидовствующих не было малейших признаков иудейской обрядности? Иосиф утверждал, что так повелели сами жидаы, дабы держать в тайне свое учение, но было совершенно непонятно, отчего русские вольнодумцы так слепо и безропотно им подчинились. Чтобы доказать свое в ход шли сомнительные, не поддававшиеся проверке факты: якобы Ивашка Черный и Игнат Зубов пустились в бега за море и перед тем обратились в жидовство.

Дальше – больше. Преподобный Иосиф убеждает духовника государя Нифонта открыть глаза Ивану Васильевичу, очистить церковь от неслыханного доселе соблазна и свергнуть митрополита Зосиму. И тот отлучается от метрополии, вроде бы «за страсть к вину и нерадение к церкви» (на самом же деле – за мягкотелость и потворство «кошунникам»). Казалось бы, победа, но поверженные добиваются назначения архимандритом Юрьева монастыря, что в Новгороде, монаха Кассиана, тоже тайного еретика. Последний вновь устраивает свои «злбесные» сборища. И вновь сие «осоное гнездо» уничтожает бдительнейший архиепископ Новгородский Геннадий!

Но даже и после этого ересь не ослабела. Как отмечает «Еврейская энциклопедия», ее позиции даже усилились, когда сын тайной сектантки княгини Елены Волошанки царевич Дмитрий был объявлен наследником престола и в 1498 году в Успенском соборе Кремля торжественно венчан шапкой Мономаха. Тогда в опалу попала Софья Палеолог, ибо открылось, что по ее наущению Дмитрия пытались отравить. По счастью, меры безопасности в Кремле были тогда усилены, и знахарки, доставлявшие яды Софье, были схвачены и утоплены в Москве-реке.

Но что не смог сделать яд – сделала ловкая византийская интриганка. Уже с августа 1501 года великим князем всея Руси и соправителем отца именуется ее сын Василий Иванович. Какое-то время Дмитрий и Елена продолжали жить в Кремле, но вскоре государь их «посадил в камень и железа на них положил». На настойчивые расспросы о причинах смены наследника Державный отвечал уклончиво: «Который сын отцу служит и норовит, отец того боле и жалует, а который не служит и не норовит, того за что жаловать?». Впрочем, историки связывают сию опалу не только с каверзами Палеолог. Виной тому и международная обстановка: Иван, воевавший с Польско-Литовским государством, был заинтересован в поддержке духовенства Западной Руси – с этой точки зрения его связь с еретиками была неблагоприятным фактом; кроме того, отец Елены Стефан III перестал быть военным союзником Москвы. Мало того, он в 1501 году задержал у себя русских послов во главе с Дмитрием Ралевым, что было расценено как акт откровенно враждебный. Важно и то, что Василия Ивановича очень поддерживал Иосиф, требовавший самых крутых мер против еретиков.

Державный несколько раз приглашал преподобного к себе для беседы. Известно, что Волоцкий говорил с ним о «конечной муке» для всякого «начальника», знавшего о еретиках и не «предавшего» их. И монарх сознался, что «ведал ересь» и просил простить ему его прегрешения. Можно понять, как много значила эта уступка для великого князя, который еще недавно «во всем послушаша» Курицына. Однако ценой уступок, ценой почти унижительного разговора с главным «обличителем», суровый прагматик Иван хотел спасти то, что, по-видимому, больше всего привлекало его в ереси: идею полной или хотя бы частичной конфискации монастырских вотчин. «Государь, – парировал Иосиф, – подвинься только на

нынешних еретиков, а за прежних тебе Бог простит». Когда же Иосиф стал высказываться в пользу жестокого наказания, Иван резко прервал беседу. Он стоял на том, что надобно искоренять разврат, но без казни, противной духу христианства. Так что, «многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверием государя и был употребляем в делах посольских».

И когда в августе-сентябре 1503 года в Москве был созван собор, Иван намеренно не включил вопрос о ереси в его повестку, но сосредоточился на вопросах упразднения церковного землевладения и церковных поборов (за что как раз ратовали еретики). И хотя соборяне вопреки его воле высказались в защиту монастырских вотчин, Иван добился отмены оплаты за поставление священнослужителей.

Примечательно, что первой жертвой сего постановления стал обличитель ереси Геннадий, который, вернувшись из Москвы в Новгород «начал мзду брать с священников за ставление и еще больше прежнего» вопреки обещанию, данного на соборе, и в результате «оставил свой престол неволею». Едва ли причиной удаления сего пастыря стали происки «покровителей жидовства», его оклеветавших, как полагал биограф Петр Градницкий. Геннадий был пойман с поличным. Потому-то великий князь и митрополит свели его с престола и заключили под арест: «владыку Геннадия взяли, и казны попечатали и поехали к Москве». Он был помещен в Чудов монастырь, где и кончил свои труды и дни. Впрочем, некоторые историки видят в этой опале и низложении руку Ивана III, не простившего Геннадию его слишком усердную борьбу с еретиками.

А преподобный Иосиф сокрушался бездействием Ивана Васильевича: «Уже тому другой год велика дни настал, а он государь не посылывал, а еретиков умножилось по всем городом, и христианство православное гинет от их ересей». Он гремел красноречием, грозно обличая жидовствующих, и требовал для них самой лютой казни, для чего объявил сектантов отступниками, ибо, согласно традиции, казни подвергались не еретики, а именно отступники от истинной веры. И неважно, что многие из них покаялись: раскаяние, вынужденное пылающим костром, настаивал преподобный, не есть истинное и не должно спасти их от смерти, потому они «огнем сожжены бысть»⁴. Забавно, что в качестве примера Волоцкий приводил примеры казней преимущественно из Ветхого Завета, в приверженности к которому он как раз обвинял еретиков. На это потом прямо укажет преемник вождя нестяжателей Нила Сорского старец Вассиан. Он выступит против суровой расправы с покаявшимися еретиками, а Иосифа едва ли не самого заклеймит жидовствующим: «Аще же ты повелеваеши брата брату согрешивша убити, то вскоре и субботство будеть и вся ветхого закона».

Наконец, зимой 1504 года «Иван Васильевич и сын его Василий Иванович с отцом своим Симоном митрополитом всея Руси и со епископы со всем собором обыскаша еретиков и повелеша лихих смертною казнию казнити. И сожгоша их в клетке 27 декабря 1504 года». А вот другое летописное свидетельство: «Того же лета князь великий Иван людей жег ересников развратников веры христианския многих».

Некоторые российские историки, по существу, оправдывают эту варварскую казнь. По их разумению, «лжеучение» еретиков, суть не что иное, как «идеологическая диверсия», «опаснейшая угроза самому бытию Руси», и для устранения этой самой опасности все средства хороши. В этой связи вызывает интерес позиция Николая Карамзина, который хотя и признает, что «сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели Верою христианскою», тем не менее, оставляет последнее слово за Иваном III: «Если явный дерзостный соблазн угрожает церкви и государству, коего благо тесно связано с ее невредимостью: тогда не митрополит, не духовенство, но государь может справедливым образом казнить

⁴ Первое известие о сожжении в клетке на Руси относится к январю 1493 года, что явилось влиянием испанской инквизиции.

еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по градскому закону». Историограф добавляет: *«Великий князь решил быть строгим, опасаясь казаться излишне снисходительным в деле душевного спасения»*.

На самом деле, это решение претило великому князю, так долго и отчаянно сему противившемуся. С его стороны оно было вынужденной уступкой – ревнителям веры и примкнувшим к ним сыну Василию. Как точно сказал историк, «наконец, Иван III сдался». При этом государь тяжело переживал эту свою духовную капитуляцию. Иные исследователи говорят даже о резком переломе, произошедшем тогда в сознании Державного.

Характерно, что на смертном одре Иван Васильевич решил покаяться перед «жидовствующим» Дмитрием. За день до своей кончины, когда церковь праздновала память великомученика Дмитрия Солунского – небесного покровителя великокняжеского внука, он «приказал привести к себе Дмитрия и сказал: «Дорогой внук, я согрешил против Бога и тебя тем, что заточил тебя в темницу и лишил наследства. Поэтому я молю тебя о прощении. Иди и владей тем, что принадлежит тебе по праву». Государь получил от внука желанное прощение, что вызвало у присутствующих слезы умиления. Однако когда Дмитрий вышел, его, по приказу уже нового великого князя Василия, тут же схватили и бросили в тюрьму.

По мнению писательницы Алины Ребель, ересь жидовствующих стала одним из разрушительных факторов в отношениях между славянами и евреями, которые поплатились за безрассудство исторически недалёковидных сектантов. Есть, однако, и полярно противоположные оценки: ересь будто бы имела важное просветительское значение для русской цивилизации и культуры. Исследователи Лев и Наталья Пушкаревы отмечают высокую интеллектуальность сектантов, способствующих русскому духовному возрождению. А корифей исторической мысли Сергей Платонов подчеркивал, что созданное еретиками настроение критики и скепсиса в отношении догмы и церковного строя не умерло в России. Академик Дмитрий Лихачев резюмировал: «Движение жидовствующих имело серьезное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в круг образованности новые книги, создав в конце XV – начале XVI века большое умственное возбуждение». В этом контексте расправа над еретиками толкуется уже как акт воинствующего мракобесия.

Существенно то, что именно с тех самых пор, как запылали костры, в которых сжигали жидовствующих, евреев на Руси начали воспринимать как «антихристов», квинтэссенцией зла и извращенности. Русский посол в Риме Дмитрий Герасимов (в прошлом сподвижник Геннадия Новгородского) заявил в 1526 году: «Евреи для нас отвратительнее всех, даже простое упоминание их имени внушает нам отвращение; мы не позволяем им приезжать в нашу страну, поскольку это мерзкие и злобные люди». Своего апогея антисемитская истерия достигнет в Московии при внуке Ивана III, деспотичном Иване Грозном, о коем писали: «Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и ненавидел никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьем, либо вешал и бросал в воду». Но Иван Васильевич уходил из жизни, не ведая о сих мрачных последствиях: он не запирали от иудеев рубежей, продолжал вести переписку с надежным «жидовином» Кокосом и получил, наконец, благословение от несправедливо обиженного им внука.

Тишайший прозелит Алексей Михайлович

Во времена Тишайшего царя всея Руси Алексея Михайловича (1629-1676) был чрезвычайно популярен сюжет из библейской «Книги Есфирь» о чудесном спасении евреев от гибели, замышленной высшим сановником персидского царя Артаксеркса, злокозненным Аманом. Хвалебные вирши во славу защитницы своего народа Есфири слагали многие российские пииты. Известный вития русского XVII века Симеон Полоцкий возглашал:

Есфирь подобие есть спасительница,
Яко бе рода си заступница,
Меч отвративши, уже изошрённый,
На исаилтян главы извлечённый.

Однако некоторые юдофобствующие церковники толковали историю Есфири на свой лад. Архимандрит Черниговского Елецкого монастыря Иоанникий Галятковский (ок. 1617-1688) очень даже сочувствовал антисемиту Аману и назвал его «несчастливым», убитым коварными жидами. Этот выпускник Киевской коллегии испытал на себе заметное польское влияние и не только проникся фанатическими воззрениями католиков, но и перенял у них приёмы изошрённой юдофобии. В своём трактате «Мессия правдивый» (Киев, 1669), посвященном царю Алексею Михайловичу, этот, как он себя называет, «недостойный иеромонах», пожалуй, впервые в православной литературе излагает «свидетельства» осквернения еврейскими просфоры, убийства христианских младенцев в ритуальных целях, заражения колодцев и тому подобные претензии, характерные для польских источников. И подобно «несчастному» Аману, Иоанникий требует истребить всех евреев: «Мы, христиане, должны ниспровергать и сжигать Жидовские божницы, в которых вы хулите Бога; мы должны вас, как врагов Христа и христиан, изгонять из наших городов, из всех государств, убивать вас мечем, топить в реках и губить различными родами смерти». Вызывает удивление, что авторитетный историк Николай Костомаров, отметив, что Иоанникий вознамерился побудить царя «принять надлежащие меры против иудейских козней», умолчал о призыве архимандрита к геноциду.

При этом Галятковский объявлял царя своим ревностным единомышленником: «Яко Христос ненавидит жидов неверных, в некрестии затверделых, врагов и злобонцов своих... так и Ваше Пресветлое Царское Величество, наследующи Христа Царя Славы, ненавидишь жидов неверных... не позволяешь [им] меж верными христианами в земле Твоей и царстве Твоём житии». И в этом утверждении «недостойный иеромонах» не одинок. Историк Александр Пятковский, а следом за ним и современный публицист-почвенник Анатолий Глазун сводят политику царя к тотальному изгнанию иудеев из городов и весей Московии, да и всех завоёванных земель. Самого же Тишайшего они объявляют таким же отчаянным врагом иудеев, как и свирепый Иван Грозный, который, как известно, объявил: «Жидам ездити в Россию непригоже, для того, что от них многие лиха делаются», а при взятии Полоцка приказал всех евреев, не пожелавших креститься, утопить в Двине.

Действительно, царствование Алексея Михайловича иногда ассоциируется с Хмельнитчиной, названной евреями «гзерот тах» («Господни кары 54°8 (1648)») – эпохой бед и зверской жестокости. Тогда в погромах, учиненных в Украине и Молдавии казаками гетмана Богдана Хмельницкого, погибло более 100 тысяч человек, около четверти местного еврейского населения. «Не приказывал я убивать невинных, а только тех, которые не хотят пристать к нам или креститься в нашу веру», – говаривал гетман-изувер после очередного погрома и совершал новые – в Немирове, Тульчине, Яссах. Но православный царь Алексей

за ту кровавую вакханалию никак не в ответе, ибо казаки Хмельницкого не находились под российским владычеством, не подпадали под действие русских законов. И, что ещё более важно, геноцид никак не сопрягался с национально-религиозными принципами русского государства, с благочестием самого Тишайшего государя.

Царь Алексей Михайлович

Такое прозвание он получил, поскольку обладал замечательно мягким, добродушным характером, был, по словам беглого дьяка Григория Котошихина, «гораздо тихим». Современники отмечали набожность и глубокую религиозность Алексея Михайловича. Очень точную и ёмкую характеристику дал ему историк Сергей Платонов: «Религиозным чувством он был проникнут весь. Он много молился, строго держал посты и прекрасно знал все церковные уставы. Его главным духовным интересом было спасение души... Средство к спасению души царь видел в строгом последовании обрядности и поэтому очень строго соблюдал все обряды... Религия для него была не только обрядом, но и высокой нравственной дисциплиной... Он ревниво оберегал чистоту религии и, без сомнения, был одним из православнейших москвичей... Ко всему окружающему он относился с высоты религиозной морали, и эта мораль, исходя из светлой, мягкой и доброй души царя, была не сухим кодек-

сом отвлечённых нравственных правил, суровых и безжизненных, а звучала мягким, прочувствованным, любящим словом, сказывалась полным житейского смысла тёплым отношением к людям». Монаршая порфира воспринималась Алексеем как власть, установленная Богом, назначенная для того, чтобы «рассуждать людей вправду» и «беспомощным помогать». И слова, сказанные им князю Григорию Ромодановскому: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать людей своя на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду», – стали смыслом и целью его державных полномочий, постоянной твёрдой формулой государевой власти.

Приём в Кремле 27 мая 1661 г. Первый в группе стоящих бояр с шапкой в руке – Алмаз Иванов

Конечно, царь Алексей был воспитан в духе святоотеческой традиции с её воинствующим анти-иудейским пафосом. Конечно, филиппики «богоубийцам-жидам, которых всем христианским людям ненавидеть должно», были дежурными на официальных дипломатических приёмах в Кремле, а некоторые иноземцы утверждали, что в Московии к дикарям-самоедам, поклонявшимся идолам и солнцу, относятся куда терпимее, чем к монотеистам-иудеям.

И всё же образ порфириносного антисемита под воздействием фактов рассыпается, ибо в нём наличествует весьма существенный для гонителя евреев «дефект» (именно это слово употребил применительно к царю Анатолий Глазунов): дело в том, что в узаконениях того времени запретов иудеям на пребывание и жительство в России не находится. И де факто евреи приезжали и жили в стране без всякой утайки. Да и невозможно было им скрыть свой характерный племенной тип, отказаться от национальной одежды, потому даже при тогдашнем неустройстве полицейского надзора сыны Израиля были легко узнаваемы. А это означает, что они пользовались *правом* жить в России. И конкретная миграционная политика царя это право как раз подтверждала. Более того, к последней трети XVII века пребывание иудеев в Московии стало тогда столь обычным явлением, что «Новоуказные статьи» 1669 года, устанавливая казни за соращение христиан в другую религию, упоминали особо о евреях: «аще жидовин или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней; а аще жидовин христианина раба имый и обрежет его, да отсекут ему голову». Из сих строк можно сделать заключение, что еврейское население было представлено свободными обывателями, которые могли даже пользоваться трудом христиан.

Впрочем, и ранее, при царе Михаиле Федоровиче, правительство против жительства евреев решительно ничего не имело. Так, в результате Поляновского мира 1634 года иудеи,

как и прочие пленные, были разосланы по отдалённым местностям страны; разделяя общую судьбу, они были сосланы в города «в службу» и в деревни «на пашню». При этом было специально оговорено, что не крестившимся должно быть дано столько же хлеба, сколько обращенным.

Можно определённо сказать, что и в годину царя Алексея иудеи, как правило, разделяли участь прочих пленнх, литовцев и поляков. Обратимся к фактам. Государева грамота от 27 июля 1656 года Гродненскому воеводе повелевала: «А которые Жиды придут в Гродно и учнут нам, великому государю, бить челом, чтоб их под нашу Царского Величества высокую рукою, и ты бы тех Жидов принимал и к вере *по их закону* приводил, и велел им жить в Гродне по-прежнему». А когда после трёхмесячной осады в 1655 году пал Витебск, царь распорядился поступить со всеми «полоняниками» (включая и евреев) по справедливости. Значительное еврейское население осталось и в Смоленске и после сдачи его русским в 1655 году. Да и в Договоре о перемирии между государствами Российским и Польским, учиненном в деревне Андрусово (1667), утверждалось безусловное освобождение еврейских пленнх и разрешение им остаться в России.

Между тем, иные историки говорят о лютой нетерпимости Тишайшего к евреям, и именно ею объясняют изгнание иудеев из завоёванных русскими Могилёва (1654)¹¹ Полоцка (1658). На самом же деле, государь здесь был вынужден подчиниться многочисленным ходатайствам местных жителей, которые, в свою очередь, ссылались на старинные привилегии и статуты, так называемое Магдебургское право, основанное на недопущении евреев в эти города. Правда, из-за алчности и непомерной жестокости казачьего полковника Константина Приклонского (между прочим, только присягнувшего царю) в Могилёве не обошлось без кровопролития. Евреи, вынужденные спешно покинуть город, были обманом согнаны частью на Печёрское поле, частью – на равнину у городской дороги, и перебиты все без остатка. Очевидец, игумен Орест, сообщал в своих «Записках», что смертоубийства учинили покорыстовавшиеся еврейским добром мародёры-казаки. Но избиение евреев вызвало гнев в Москве, так что мещане города вынуждены были оправдываться и «сложили эту *вину* на казаков Поклонского», о чём пишет историк Сергей Соловьёв.

И примечательно, что власти всегда проявляли внимание к евреям-изгнанникам, направляя их в российские города в сопровождении стрельцов и за казенный счёт. Как отмечает историк Юлий Гессен, когда благодаря военным действиям в московском государстве появились пленнх евреи, к ним относились никак не хуже, чем к прочим пленным. Иудеи, попавшие в Московию во время русско-польских войн 1654-1667 гг., переводились из одного города в другой для приискания им надлежащего жилья. Документы Разрядного приказа указывают на обширную географию миграции иудеев. В одном из указов говорится об отправке нескольких сотен человек из Калуги в Нижний Новгород, причём «проводящих дать Калужских стрельцов 20, а государева жалования [им] в дорогу на корм велено дать на месяц, семейным по шти денег, одиноким по четыре деньги человеку на день». Есть сведения, что другие партии евреев из Новгорода были перевезены в Ярославль, а затем отправлены в Казань. Большинство же иудеев было расселено в Поволжье, на Урале и в Сибири и постепенно растворилось в окружающем населении.

Царь всемерно поощрял переход пленнх евреев на русскую службу, особенно если те были изрядными мастерами. Известно, что после Андрусовского перемирия 1667 года Пушкарский приказ хлопотал о неотпущении на родину могилёвского еврея Исачки, поскольку тот «научен огнестрельным и гранатным делам, стрелять гранаты умеет; да ему ж дана для ученья огнестрельных и гранатных дел и для всяких тайных промыслов немецкого языка печатная книга». Вполне вероятно, что евреями были живший с 1654 года в Москве «в пушкарях» изготовитель пороха Ивашка Григорьев родом из Дубровны; Гришка Мотовицкий из Полоцка, определившийся «в Оружейную палату в кормовые мастера»; а также отданный

«на кормление частному лицу» пленный из Литвы некто Мосейка. Документ 1659 года упоминает ещё ряд московских обывателей-евреев: некий Марка с женой, торговец ветошью; Оспа с женой и сыном, занимавшийся «черной работой»; Якубка Израилев, который «пёк на торг хлебы»; Моска Марк, торговец мясом и т. д.

Вообще же, как свидетельствуют документы, в Москве могли селиться преимущественно крещенные евреи. Некоторые оказались в московской Немецкой слободе, где жили лютеране и католики, и среди них Марко Яковлев с женою Дворкою из Горок (Белоруссия), девушки Ганка и Рыся, дочери Меоровы и Эстерка Юдина (все из Мстиславля), Махля из Горок, Марчко-Захар Яшев из Дубровны. Немало евреев обосновалось и в московской Мещанской слободе, образованной выходцами из западного края, что отражено в списках лиц, живших там своими домами и снимавших в наем клетки (относительно некоторых есть отметки «еврей», «еврейской породы», «родины еврейские»). Кое-кто из них весьма преуспел и, освободившись от тягла и личной повинности, выбился в купеческий класс. При этом некоторые евреи скоро достигли видного положения среди московского купечества. Так, Федор Григорьев и Афанасий Самойлов в апреле 1659 года были «выборными»: их подписи имеются в «протоколах» мирских сходов того года. Историк-краевед Владимир Снегирев указывает на значительную еврейскую популяцию и называет среди жителей Мещанской слободы будущего видного деятеля петровской эпохи, вице-президента Главного магистрата Илью Исаева, а также Федора Иевлева, Давида Тимофеева, Владимира Израилевича Елисеева, Ивана Константинова, Якова Самойлова, Семёна и Ивана Яковлевых, их зятя Павла Степанова и других. Мещанскую слободу называли ещё «слободой перекрестов», ибо там могли жить лишь лица, обращенные в православие. Их имена и фамилии становились не отличимыми от русских.

Здесь необходим краткий экскурс об общей религиозной политике царя, напрямую связанной с судьбами российского еврейства. Истый ревнитель православия, Тишайший был сторонником деятельного прозелитизма среди иноверцев. Причём к крещению их нередко побуждали самыми жёсткими мерами. «Немцам» было законодательно возбранено носить русскую одежду и селиться в тех местах, где проживали москвиты. Иногда прибегали к вероломству, пуская в ход облыжные обвинения. Так, на шотландца-полковника Александра Лесли донесли, будто они с женой «заставляли русских слуг есть в пост собачье мясо» и над святыми иконами ругались, после чего их взяли под стражу. Тогда-то боярин Илья Милославский ненавязчиво предложил «проштрафившемуся» католику обратиться в православие, что тот, понятно, и свершил, и сразу же был помилован, произведён в генералы и пожалован угодьями и подарками на сумму три тысячи рублей. На миссионерской ниве немало усердствовал духовник царя Стефан Вонифатьев, который в 1652 году просил Его Величество не стеснять его в действиях, и тогда все служилые иноземцы обратятся в праведную веру. Как отмечал американский историк Джозеф Фурман, «государь надеялся показать русским ортодоксам, что убеждение и щедрая награда вызовут огромный приток обращенных, ибо иноземцы скоро поймут все преимущества и выгоды крещения в православную веру». Неофит, помимо прочих наград, получал ещё и дворянство «по московскому списку». Всё же крещение не приобрело тогда массового характера среди «немцев».

Зато обращение татар и мордвы проводилось столь энергичными темпами, что вызывало даже вооружённые протесты басурман. Архиепископ Рязанский Мисаил, успевший окрестить в Шацком и Тамбовском уездах более четырёх тысяч иноверцев, был затем атакован толпой из пяти сотен бунтовщиков, которые «учинились сильны и непослушны и во крещение не пошли», и некто мордвин Гаречишка «устрелил» святого отца насмерть. Но настойчивый прозелитизм ничуть не утишился. За неофитами были законодательно закреплены всяческие привилегии: им надлежало незамедлительно выдать 15 рублей; предоставлялось право пожизненного и наследственного владения своими поместьями; после смерти

феодала-мусульманина его поместье переходило к любому, даже дальнему, крещеному родственнику, невзирая на претензии более близких наследников-мусульман. Иногда татары крестились из-за боязни царского гнева. Рассказывают, что представитель средней ветви известного княжеского рода Юсуповых, Абдул-Мирза Секшевич, принимая в своём доме патриарха Никона, по незнанию православных норм, угостил его гусем, приготовленным «под рыбу». Проведав о том, что его обманом накормили скоромным, Его Святейшество пожаловался государю, и тот так разъярился, что наложил на Абдул-Мирзу опалу. Чтобы сохранить за собой свои имения, испуганный князь решил принять православие и умило-стивить тем царя и патриарха, и судя по всему, в этом преуспел.

Был, однако, богослов, который возвысил голос против политики обращения иноземцев в православие, осуществляемой государем. То был униат и панславист, серб Юрий Крижанич (ок. 1617-1683), сосланный в 1661 году за свои «крамольные» писания в неблизкий Тобольск. В главном своём труде, трактате «Политика», он изображает инородцев ненавистными поработителями славян: «Затопило нас множество инородников; они нас дурачат, за нос водят, больше того – сидят на хребтах наших и ездят на нас, как на скотине, свиньями и псами нас обзывают». И провозглашает, что первейшее благо для России есть «запертие рубежей» (говоря современным языком, «железный занавес») и «гостегонство» (непринятие и изгнание всех иноземцев). Такую изоляционистскую политику он объявляет «палладиумом» (щитом) для государства, обуславливающим самую возможность его политического существования. Указав на примеры такого «гостегонства» в Польше, Германии, Испании, Франции и даже Китае, он желает, чтобы и Московия последовала сему «благотворному» историческому опыту. Крещение иноверных он решительно порицает, более того, предостерегает: «Если Русское царство когда-нибудь погибнет, то оно примет гибель от перекрестов и их потомков». При этом метит, прежде всего, в протестантов-немцев, но питает недобрые чувства даже к единоверцам – православным грекам, которых корит за плутовство в торговле. Убеждённый шовинист, он пышет злобой ко всем, кто только не русский и не славянин. А уж представителей таких «скитальческих народов», как цыгане и жида, по Крижаничу, и на пушечный выстрел к Святой Руси подпускать не следует.

Между тем, обращение иудеев в православие не только поощрялось, но было возведено в ранг государственной политики. Сохранились четыре челобитные «старозаконных» жителей города Бреславля (Силезия) на имя царя и три записи их о крещении в «православную христианскую веру». Польские жида Азик, Хоньш, Монка, Маер и Ицко со своими женами и детьми, а также вдова Биска в разгар русско-польской войны подают прошение о принятии православия. Известно также, что там же, в Бреславле, они представили свои «заручные челобитные» российскому посланнику в Силезии Л.И. Писареву, который, получив от царя указ с «пожалованием» евреев, передал его для исполнения священникам Архангельского собора и Успенской, Никольской и Воскресенской церквей Москвы. Крещение евреев стало семейным делом: «с женишками и с детишками».

Но, как отметил историк Дмитрий Фельдман, добровольность обращения по существу оказывалась вынужденной. В противном случае местом проживания еврея могла стать какая-нибудь сибирская глухомань, где успешная продуктивная деятельность на любом поприще была крайне затруднена. Среди выкрестов мы находим немало смекалистых и предприимчивых. Вот «Матюшка Григорьев – еврей», родом из Мстислава, попал с семьёй в русский плен в 1655 году. Был отправлен в Москву, где жил у некоего Кирилла Волосатого из гостинной сотни, на которого гнул спину полтора десятка лет. Но подфартило – смышлёного юношу заметил один важный боярин, и именным указом царя освободил его от ярма. Поселился Матюшка сначала в Новомикинской, а затем перебрался в Мещанскую слободу, где бойко торговал в овощном ряду. Благодаря оборотистости и изрядным способностям этот еврей был и сам взят в гостинную сотню. При Петре Великом он учредит первую в Рос-

сии мебельную фабрику, наладит широкую торговлю с Персией и Китаем. Сын же его Яков получит фамилию «Евреин», впоследствии «Евреинов» и станет при императрице Елизавете президентом Коммерц-коллегии. А их потомкам – уже «благородным» дворянам Евреиновым – суждено будет оставить заметный след в российской истории и культуре.

Можно назвать и других перекрестов, ставших родоначальниками славных российских дворянских фамилий – Шафировых, Веселовских, Копиевых, Аршеневских, Вистицких. Павел Шафир, пращур баронов Шафировых, дед знаменитого вице-канцлера при Петре I Петра Шафирова; Павел Веселовский, выходец из местечка Веселово, оказавший русским крупную услугу при осаде Смоленска; Степан Копиев, дед знаменитого комедиографа XVIII века; Николай Аршеневский, вступивший после крещения на русскую военную службу и ставший подполковником; братья Петр и Самуил Вистицкие, тоже пленённые под Смоленском (они фигурировали в бумагах того времени как «дети боярские», и сохранился документ с подписью «Шмула Вистицкий» на древнееврейском языке).

Среди евреев, достигших высоких степеней, выделяются потомки принявших крещение при прежних государях. Род с говорящей фамилией Жидовиновы, которые владели поместьями ещё при Иване Грозном. В одном историческом документе за 1551 год поименованы Фёдор Евстафьевич, Кузьма Фёдорович и Семён Федорович Жидовиновы как помещики в Твери. Жидовиновы Иван Тихонович, Иван и Роман Васильевичи в 1658 году названы московскими дворянами. А Богдан и Дементий Андреевичи Жидовиновы в 1652 году владели вотчинами – деревнями Боблово и Залужье в Воскресенской трети и деревней Андрушино в Корнской волости Вологодского уезда. Но особенно поднялся Василий Степанович Жидовинов. В 1627 году он значился дворянином и смоленским помещиком, затем был русским послом в Кахетии, позднее продолжал служить по дипломатической части и был царским приставом. Иноземец Андрей Роде рассказывает, как сей пристав, уже «человек преклонных лет», привечал в Московии датское посольство Ганса Ольделанда. Сын же этого Жидовинова, Иван Васильевич, занимал ещё более высокую должность – был главой московских стрельцов (по современным понятиям, это никак не ниже начальника московского военного округа).

Говорящей оказывается и фамилия Юдины, генеалогию которой израильский историк Савелий Дудаков возводит к крещёному еврею Афанасию Юдину, что вёл крупные торговые дела в царствование Ивана Грозного. Во времена же царя Алексея мы находим несколько дьяков Юдиных: дьяк Сибирского приказа Никита Юдин; дьяк Серебряной палаты Андрей Семенович Юдин; дьяк Алексей Никитич Юдин и другие. А другой Алексей Юдин, раскольник, выборный Выробины полка, станет потом правой рукой мятежного князя Ивана Хованского, начальника Стрелецкого приказа, и примет, как и князь Хованский, мученическую смерть.

Но наиболее впечатляющей в XVII веке была карьера человека по имени Алмаз с парадоксальной для еврея фамилией Иванов (1669)⁵. Он происходил из семьи вологодского торговца, посадского человека, и, по-видимому, был крещён при рождении и наречён Ерофеем, но его называли Алмазом даже в официальных документах.

Сызмальства он проявил интерес к торговле и, как отмечают очевидцы, занимался ею весьма успешно. В составе купеческих караванов и торговых судов Алмаз немало поколесил по свету и выучил в чужих краях турецкий и персидский языки. В 1639 году он целиком сосредоточивается на государственной службе, получив назначение на должность дьяка Казенного приказа; участвовал в отборе подарков, вручавшихся знатным иноземцам, контролировал ведение специальных книг посольских расходов. В 1646 году Иванова по настоянию царя переводят в Посольский приказ. Как сказал о нём посол Священной Римской империи

⁵ Следует, однако, отметить, что еврейство Алмаза Иванова оспаривается публицистом Виктором Остерцовым.

барон Август Мейерберг, «при исполнении многих посольств [Алмаз] столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом царства, за иностранными послами и докладчика их посольств». А, по словам проницательного голштинца Адама Олеария, Иванов – «человек тонкий, способный, одаренный ясным умом и твердой памятью». Неудивительно, что в 1653 году его возводят в чин думного дьяка, то есть назначают главой Посольского приказа. Это был, между прочим, первый случай в российской истории, когда этнический еврей стал главой всего дипломатического ведомства державы (напомним, что впоследствии, уже в советской России, наркомы иностранных дел также будут евреи Лев Троцкий и Максим Литвинов).

Алмаз прослыл тонким знатоком русского дипломатического искусства и придворного этикета. На многих аудиенциях монарха, данных иноземным послам, Иванов неизменно представлял, выполняя по существу обязанности церемониймейстера. Трудно переоценить роль Иванова в решении украинского вопроса. В Золотой палате Кремля он торжественно принимал депутацию Богдана Хмельницкого. В документе той поры читаем: «И указал государь думному посольскому дьяку Алмазу Иванову посланникам объявить свое государево жалованье, что гетмана Богдана Хмельницкого и войско Запорожское пожаловал, велел их принять под свою государеву высокую руку». Что должен был испытывать еврей Алмаз, когда привечал погромщика Хмельницкого, на чьих руках была кровь десятков тысяч его соплеменников? Об этом история умалчивает...

В 1653 году востребованными оказались и коммерческие способности бывшего купца Иванова. Под его руководством был разработан и введен новый Торговый устав. Историки отмечают ревностную приверженность Алмаза царю и православию. Богомольность Иванова подтверждают и его многочисленные вклады в монастыри (в основном это были книжные пожертвования). И, что еще более важно, этому еврею было не только позволено, но и вменено в обязанность (нет, не вступать!) – врваться в самые заповедные области русской церковной жизни. Дьяк был уполномочен царем вести такое тонкое и деликатное дело, как переговоры с поляками об отмене Зборовской унии между католиками и православными, что потребовало от него недюжинных богословских познаний. И разве не удивительно, что царь, желая подчинить церковников своей судебной-гражданской власти, именно Алмаза назначил главой Монастырского приказа?! Ему было поручено чинить «суд во всяких истцовых исках на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей, на монастыри и т. д.». Так перекрест вершил судьбы всего православного клира России.

И среди пастырей Русской церкви того времени можно было заметить этнических евреев. Одним из них был просветитель, переводчик греческих и латинских церковных книг, составитель славянолатинского лексикона иеромонах Арсений Грек (ок. 1610 – ок. 1666). Уроженец города Трикала, он был крещен при рождении. Вознамерившись обучаться философии, врачебному делу и богословию в Падуанском университете в Риме, Грек был вынужден принять католичество, но затем, вернувшись на родину, громогласно проклял римскую веру. В 23 года он принял монашеский постриг, но жажда знаний привела его в Киевскую Академию, пользовавшуюся тогда славой цитадели славянского образования. Там молодого студияозуса завидел патриарх иерусалимский Паисий и в январе 1649 года взял его с собой в Москву. Арсений был удостоен должности «патриаршего уставщика» и одарен «царским жалованием», как вдруг открылось нечто ужасное: оказалось, что он обрезан, стало быть, принял басурманскую веру. За такое отступничество полагалась казнь смертная. Но Арсений заявил, что якобы «обусурманен неволею», потому был пощажен и сослан на три года на Соловки, старался смиренным поведением расположить к себе монашескую братию.

Из ссылки его вызволил новый патриарх Никон. Он остро ощущал нужду в образованных людях и поручил ему заняться «риторским учением», наставлять юношество и исправлять богослужебные книги. С именем Арсения Грека связывают учреждение в 1653 году

первой в России школы с преподаванием греческого и латинского языков. Человек просвещённый, «многим языкам искусный», Арсений в то же время слыл человеком нетвёрдой морали, менял друзей, да и религиозные убеждения, исходя из удобства момента. Так, привеченный Никоном, он не преминул отвернуться от него, когда тот потерял власть и силу. Впрочем, конформизм Грека не уберёг его от конфликтов с высшими иерархами церкви: по некоторым сведениям, с 1662 по 1666 годы он вновь находился в ссылке в Соловках. И среди старообрядцев и раскольников о нём сложилось мнение: «волхв, еретик, звездочетец, исполнен скверны и смрада езувитских ересей».

Английский историк Джон Клиер обратил внимание на то, что оба вождя церковного раскола в России имели контакты с евреями. И в самом деле, лидер старообрядцев протопоп Аввакум участвовал в дискуссии в доме боярина Фёдора Ртищева, на которой присутствовал некий «еврей Бацка», позднее обвинённый в пропаганде ереси жидовствующих. А низложенного патриарха Никона, находившегося в заключении в Воскресенском монастыре, с разрешения властей посещали «иноземцы, поляки, черкесы, белорусы и крещёные немцы с евреями».

Между прочим, скандальную известность получили дворовые слуги опального Никона, перекресты «Демьянка жид» и «жид Мишка» (Демьян Иванович Левицкий и Михаил Афанасьев). Последний в октябре 1666 года известил «государево дело», вследствие чего против Никона было учинено локальное следствие, которым руководил архимандрит Московского Чудова монастыря Иоаким. Никон узнал об извете на него только спустя пять лет и, конечно же, стал задним числом хулить доносчика и прочих своих супостатов: «Да у меня же в Воскресенском монастыре были два жида крещёных и, оставя православную веру, начали они старую жидовскую держать и молодых чернецов развращать. Я, сыскав об этом подлинно, велел жида Демьяна посмирить и сослать в Иверский монастырь, а Демьян другому жида, Мишке, сказал: не пробывать тебе без беды, беги в Москву и скажи за собою государево слово; тот так и сделал... а в это время молодые чернецы, бывшие в жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тем жидам помогали, да им же помогал архимандрит Чудовский». За совращение в жидовство, по законам того времени, преступника надлежало сжечь заживо. А здесь бывший патриарх сигнализировал о целом гнезде «жидовских еретиков» и покровительствовавшем им церковном иерархе. Но государь не внял словам Никона: евреев не наказал, а архимандрита Иоакима впоследствии возвёл на престол московских патриархов.

Среди мастеров иконописи второй половины XVII века мы находим недюжинные еврейские таланты. Известный живописец Иван Башмаков прослужил в Оружейной палате шесть лет. По-видимому, фамилию он получил при крещении от своего приемника, думного дворянина и печатника Дементия Башмакова. Сохранилась челобитная Ивана от 23 марта 1672 года, а также указ государя о том, что ему, Башмакову, дадено «на кафтан сукна кармазину, шапка, 4 чет. муки ржанья для того, что он, Ивашко, оставя жидовскую веру и крестился в православную христианскую веру и отдан для иконного учения иконописцу Симону Ушакову».

Познанский В. Богоматерь «Умягчение злых сердец». 1682 Крестовоздвиженская церковь. Кремль

Подлинных вершин искусства иконного писания достиг Василий Познанский. Как отмечают исследователи, в историю русской культуры он вошел как «единственный известный нам художник, который разрабатывал в станковых произведениях сложную технику аппликации, соединения живописи и ткани, технику, которую применяли до него только в произведениях прикладного искусства». Он поступил в Оружейную палату двенадцатилетним отроком и искусился в «живописном деле» под руководством знаменитого Ивана Безмина. Известно, что в 1672 году Познанский «писал и золотил» царский дворец Коломенское. Позднее «написал вновь золотом и серебром знамя полковое по тафте лазоревой, с оба лица по кресту о пяти степенях, около крестов написано солнце да месяц с звездами, по каймам написаны травы золотыя с серебром, – в поднос великому государю недели святыя Пасхи». А в 1678 году числился уже в списке жалованных живописцев Оружейной Палаты.

А Иосиф Познанский, по-видимому, отец Василия, еврейский выходец из Смоленска, тоже замечательный иконописец, был учеником немца Иоганна Детерса. Интересно, что Иосиф принял православие только 1691 году, то есть на склоне лет. Стало быть, долгое время святые лики для божьих храмов было дозволено писать некрещёному еврею (?!).

Примечательна личность и судьба придворного царского доктора Даниила, или Стефана фон Гадена (1682), которого величали на русский манер Даниил Жидовин или Степан Фунгаданов. «По происхождению еврей, по вере москвит, который пользуется необыкновенным расположением царя и один свободно посещает внутренние покои дворца (так как вместе с тем был и старшим спальником)», – говорили о нём современники. А некоторые из них прямо утверждали, что доктор внушал царю терпимость к народу Израиля.

Сын «дохтура Итальянские земли жидовские веры», он родился и жил в Бреславле, науке врачевания обучался в Польше. Отличался честолюбием и со свойственной ему изворотливостью устранял любые препятствия на пути к своей карьере: в Бреславле, где большинство населения исповедовало лютеранство, становится лютеранином; оказавшись же в католической Польше, – принимает католицизм. Определяется врачом к польскому гетману Николаю Потоцкому, но армия поляков терпит поражение, и Даниил попадает в татарский плен в Крыму. Там его продают в рабство османам в Константинополь, откуда он бежит с

помощью одного еврейского купца и оказывается в Каменец-Подольском, где лечит поляков, сражавшихся с казаками под водительством сына гетмана Богдана Хмельницкого, Тимофея. Жительствует в живописном Черткове, близ Тернополя, где также практикует медицину. Там-то и настигли его в 1656 году русские, взявшие Чертков штурмом. Даниил попадает в Киев, в полк воеводы Василия Бутурлина, и столь же ревностно, как он лечил поляков, врачует украинцев и великороссов. «И лечил государевых ратных людей, – вспоминал он впоследствии, – а излечил государевых ратных людей сто двадцать пять человек».

Бутурлин был самым тесным образом связан с боярином Артемоном Матвеевым (1625-1682), бывшим тогда начальником Малороссийского и одновременно Аптекарского приказа. О нём надо сказать особо. Сын дьяка Посольского приказа, Матвеев двенадцатилетним отроком был зачислен «жильцом» в военную службу; в 1642 году пожалован в стряпчие и приставлен к Алексею Михайловичу; в 1654 году получил назначение стольником и полковником; в 1671 году он стал ведать и Посольским приказом. Артемон слыл истым западником и национальными фобиями не страдал: среди его дворовых находились Иван-еврей с женой. Он женился на шотландке Гамильтон из Немецкой слободы, которую на русский манер стали звать Авдотья Григорьевна. При ней состояла и воспитывалась Наталья Кирилловна Нарышкина, будущая жена царя Алексея, что ещё более сблизило Матвеева с царём.

Именно Матвеев способствовал тому, чтобы Гадена перевели на службу в Москву. Даниил был принят цирюльником (фельдшером) в Аптекарский приказ – образованное в 1620 году учреждение, ведавшее управлением всей врачебной деятельностью державы. Благодаря уму и таланту Даниил добился того, что стал едва ли не самым авторитетным эскулапом при Дворе. Но на это ушли долгие годы. Звание доктора, самое высокое в медицинской иерархии страны, он получил только в 1672 году, когда крестился по православному обряду. Один только перечень подарков, полученных им от Алексея Михайловича по сему случаю, занял бы несколько страниц печатного текста. В числе прочего – золото, серебро, дорогие меха, шелка, бархат и т. д. Вместе с Даниилом принял православие и его сын Михаил и сразу же был пожалован царёвым стольником. Впрочем, историк Илья Берхин полагает, что принятие Гаденом греческой веры было только казовым, «внешним, каковые примеры нередки в средневековой еврейской истории». Знаменательный факт – его мать осталась правоверной иудейкой и жила в Смоленске, и царь не только позволял Даниилу ездить к ней на побывку, но однажды послал ей в подарок богатые меха.

А.С. Матвеев

Отметим, что добившись высокого положения, еврейский доктор использовал его во благо своим соплеменникам. Английский врач Самуэль Коллинс свидетельствовал: «Жиды с недавнего времени очень размножились в городе и при Дворе: им покровительствует лекарь-жид (почитаемый за лютеранского перекреста)». Это очень точное слово – «покровительствует»! Действительно, этот «перекрест» принимал под свой кров не только родственников, но и евреев, едва ему знакомых. Они часто гостили в его доме, и доктор добивался, чтобы при отъезде им давались казенные подводы и подарки – пушниной и деньгами. При нём был врач-ассистент Ян Гутменш (фамилия которого в переводе с идиш означает – «хороший человек»), также, по-видимому, еврейского происхождения. По словам историка Юлия Гесена, вокруг Гадена в Москве образовалась целая колония иноземных евреев. Способствовал он и тому, чтобы, несмотря на все строгости тогдашних законов, иудейские купцы приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссию от Двора. Так, согласно Новоторговому уставу (1667), в Москву пропускались только те иноземные купцы, у которых были государевы жалованные грамоты с красной печатью. И это благодаря Гадену иудеи могли добыть себе такие грамоты. Известно, что в 1672 году шкловские евреи Самуил Яковлев с товарищами отпущены были за рубеж для покупки венгерского вина.

Конец Даниила Гадена, как и его патрона Артемона Матвеева, был трагическим. Оба они в 1682 году были подвергнуты мученической казни, ибо «царевны Софьи Алексеевны стороне противны и подозрительны были». Причём еврейского доктора объявили первоста-

тейным злодеем, якобы уморившим царя Федора Алексеевича ядовитым кушаньем. Обвинение странное, если принять во внимание, что все лекарства и блюда, прежде чем попасть к царю, непременно дегустировались челядью и врачами. Современник свидетельствует: «Разыскивали и лекаря жида Даниила, но не нашли его, потому что он, переодевшись в страннические одежды, пробрался на Кукуй [Немецкую слободу – Л.Б.]. Но был узан, схвачен и приведен на пытку в Константиновский застенок. Поэт Сильвестр Медведев так описывает зверства заплечных дел мастеров: «Доктора Даниила фон Гадена, родом Жидовина, выдали им предати ругательной смерти. Ох, беды, увы, жалости!.. Крепко пыташа, биша и огнём жгоша и потом такожде выведше на Красную площадь, иссекоша на мелкие части». С Гаденом вместе были умерщвлены его сын Михаил, доктор Ян Гутменш, которых «с красного крыльца сверху бросили на землю и, на земле такожде наругательно убив, иссекли, и нагих на ту же площадь выволокли», а заодно и слуги – пятьдесят человек простого люда. О том, как оплакивали Гадена его соплеменники, говорится в респонсах люблинского раввина Мордуха Зискинда Ротенберга, где приведено свидетельство о его погребении: «Я приехал в Москву через три или четыре дня после погрома... Даниил был изрублен на куски: отрублены были одна нога и одна рука, тело проколото копьем, а голова разрезана топором. Я и другие анусим [насильственно крещёные евреи – Л.Б.] похоронили Даниила и его сына... в поле...».

Но то будет спустя годы, а пока веселы и бодры православный государь Алексей Михайлович и его придворный эскулап Даниил Гаден. Царь спешит отметить рождение у своей молодой жены Натальи Кирилловны сына Петра, будущего великого преобразователя России, доселе небывалой у нас потехой. Получив добро на такую новину от своего духовника, он поддался, наконец, на уговоры своего ближнего боярина Артемона Матвеева:

Комидия в иных землях ведётся,
На свете нам немало образцов,
И стало быть, то недурное дело,
Когда она угодна государям
Таких земель, которым свет ученья
Открыт давно. И в нашем государстве
Комидию заводит царь великий
На пользу нам: народ её полюбит
И доброго царя добром помянет.

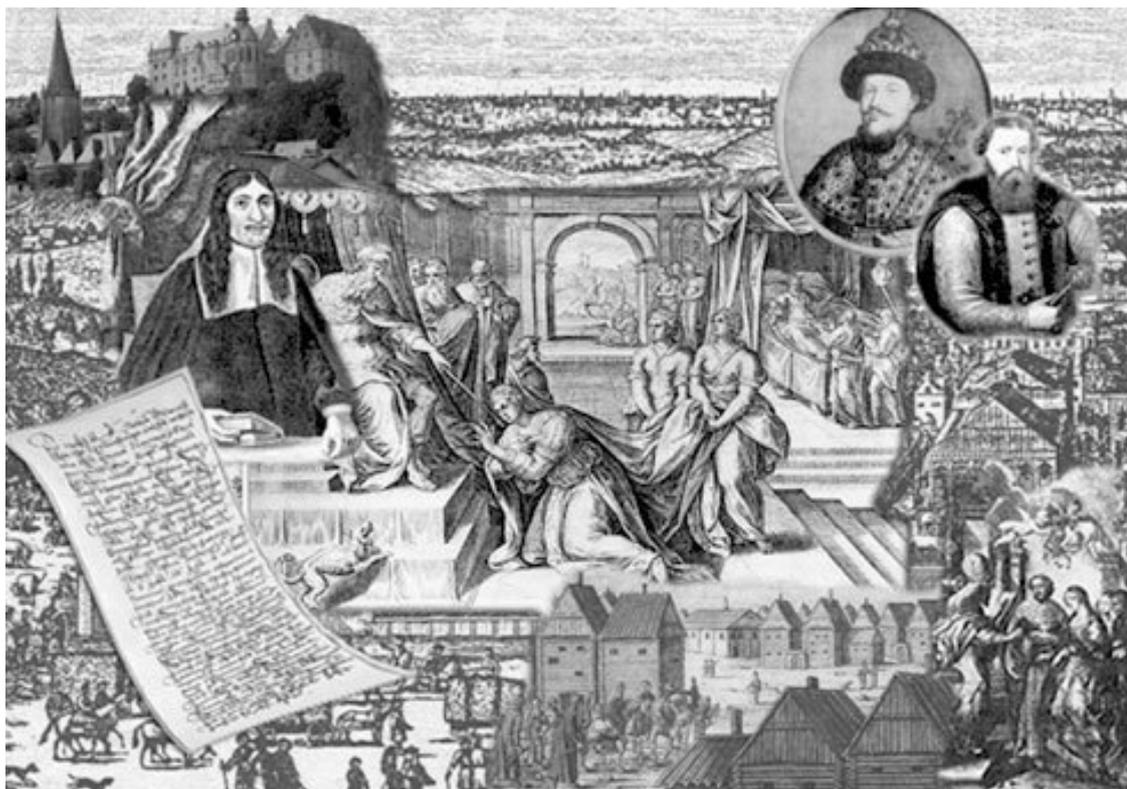
(Островский А.Н. «Комик XVII столетия»)

Было решено представить на публике «комидию» по мотивам «Книги Есфирь». Надо сказать, что сюжет этой ветхозаветной книги с его сценичностью, конфликтностью, а также придворным характером действия как нельзя лучше подходил для яркого театрального представления. Ранее, в «политичной» Европе, по мотивам «Книги Есфирь» ставились и пользовались неизменным успехом пьесы Ганса Сакса (1536, 1559), Вальтена Войта (1537), Андреаса Пфейлшмидта (1555), Жозефа Мурера (1567), Маркуса Пфедфера (1626), а впоследствии и Жана Расина (1689). Вот и пастору Немецкой слободы Иоганну Готфриду Грегори поручили написать пьесу о Есфири и набрать группу актёров для обучения.

Наконец, в ноябре 1672 года в селе Преображенском была сооружена «комедийная хранина». Там и состоялось представление «Артаксерксово действо», в коем были заняты 64 человека – дети разных служилых и торговых иноземцев, а также дворовые Матвеева. Вот что сообщает современник: «В комидии с государем была царица, царевичи и царевна – всё семейство, а также бояре, окольниковые, думные бояре, думные дьяки, ближние люди, стольники и всяких чинов люди. Тешили государя и публику немцы да люди боярина Матвеева –

и в органы играли и на фиолях и в страменты и танцевали». Государево место, выступавшее вперед, было обито красным сукном, а для царицы и царевен устроили особые места вроде лож с частой решёткой, сквозь которую они смотрели на сцену, оставаясь невидимыми (Домострой того требовал!) для остальных зрителей, сидевших на деревянных скамьях.

На сцене строил ковы и каверзы вероломный Аман, убеждая царя персов Артаксеркса истребить евреев и, прежде всего, советника государя, иудея Мардохея, не пожелавшего идти против своей веры и воздать ему, первому сановнику, божеские почести. А мудрый Мардохей возглашал, что это ему да молодой жене Артаксеркса Есфири вверена судьба еврейского народа. Слышалась горячая молитва евреев об освобождении от врагов:

Ярхо В. Театр пастора И.Г. Грегори

Подаждь же нам, да ты узрим
Израиля в возношении,
Врагов же в сокрушении!..
Исраиль да радуется,
Усердно да веселится,
Бог ещё бо живёт прежний,
Иже ты спасёт от скорби.

Некоторые стихотворные монологи герои произносили на неведомом царю Алексею древнееврейском языке, придававшем «действию» особую торжественность. Видно, что над ними немало потрудились еврейские обитатели Немецкой слободы, не забывшие своего рода-племени. И радость спасённых евреев сопрягалась с весельем нынешних москвитян:

Радуйся ты с ними,
исраилские граждане,
Прийде, да попирай выю твоего врага...

Все глаголют:
Ей, ей, ей, ей!
Великая Москва с нами ся весели!

Алексей Михайлович смотрел пьесу с жадностью, не сходя с места, целых десять часов (!) кряду. Он остался весьма доволен увиденным и щедро наградил пастора Грегори. Государя впечатлила представленная здесь яркая картина придворной жизни с возвышением и падением всевластных фаворитов; вызвала сочувствие судьба народов, зависящая от каприза очередного временщика; тронул сердце и трагический образ нежной Есфири, выступившей в защиту своего гонимого племени. Близка и понятна была основная идея пьесы, её моралистическая сентенция, изложенная в прологе: *«гордость сокрушается, и смирение венец приемлет»*.

Примечательно, что «Артаксерксово действие» обнаруживало разительные параллели с российской действительностью. Артаксеркс непосредственно сравнивался с царем Алексеем Михайловичем, а его супруга Наталья Нарышкина – с иудейкой Есфирью. Но вряд ли потому, что прадедом её был караим (то есть этнический еврей) Нарышко (об этом едва ли кто помнил) – Наталья, московская Есфирь, так же, как и ветхозаветная, происходила из незнатного рода, была второй женой царя и притом сияла молодостью и ослепительной красотой. Сопоставление же её родственника и опекуна, ближнего боярина Тишайшего Артемона Матвеева с советником царя персов Мардохеем тоже было весьма прозрачно.

Едва ли сочувствие к богоспасаемым персидским евреям («людям божьим») распространялось зрителями, да и самим царём на реальных современных «жидов», получивших после распятия Спасителя имя «богоубийц». О какой-либо преемственности между ними и древними их пращурами говорить здесь трудно. И слова Артаксеркса: «жиды безо всякой злобы и вреда поживут», обращались в метафору. Лютеранский пастор и его единоверцы-актёры проводили тогда иную очевидную аллюзию: как Артаксеркс некогда избавил от гибели израильтян, так и Алексей приютил в Москве протестантов. А на некоторых изображениях XVII века герои истории Есфири представлены в традиционных русских одеждах. Как будто вовсе не об иудеях шла здесь речь. А смысл в том, что в России под скипетром Тишайшего прозелита, царя всея Руси Алексея Михайловича, «безо всякой злобы и вреда поживут» православные христиане.

Импульсивный прагматик Пётр I

Пожалуй, нет кроме Петра Великого ни одного монарха в России, чье отношение к иудейскому племени толковалось бы столь неоднозначно и противоречиво. Характеристики поражают своей полярностью. Почвенник Анатолий Глазунов утверждает, что сей император «жидов не терпел» и считал их «нежелательным элементом». А израильский писатель Давид Маркиш, напротив, говорит о завидной веротерпимости Петра и вкладывает в его уста такие обращенные к иудеям слова: «Что ж это, вы тут гуляете, Пасху свою жидовскую празднуете, а меня и пригласить забыли!.. Мне на вашу Пасху поглядеть весьма любопытно и даже полезно для общего знания» (и в довершение сего царь надевает на голову ермолку). Парадокс, однако, в том, что для этих взаимоисключающих (и с явным перехлестом) оценок есть свои резоны, ибо великий реформатор России в разных жизненных ситуациях вел себя по-разному, демонстрируя то благодушие к народу Израиля, то нескрываемую антипатию. Возникает вопрос, где же истинный Пётр Алексеевич: когда он кривил душой, а когда прямо выказывал то, что было на сердце? Да в том-то и дело, что сей самодержец, натура импульсивная, взбалмошная, был искренен во всех своих проявлениях – и когда честил иудеев, и когда защищал их...

Пётр I

Но разговор этот логичнее всего начать с курьеза, а именно со спекуляций по поводу этнических корней самого царя. В последнее время на интернетовских порталах и сайтах нередко стали появляться реплики, иногда весьма едкие, о том, что государь-то батюшка, оказывается, по материнской линии «хазарин», «караим», «еврей». Причем ревнители чистоты русской крови прямо указывают на то, что он был «жгучим брюнетом», и «лицо Петра Первого – это явно не славянское лицо». Поиски инородческого следа в происхождении императора получили особенно сильный импульс после выхода в свет двух книг американского литератора Р.И. Слободчиковой: «Романовы, Нарышкины и их потомки» (2007) и «Не родись красивой, или Заложницы судьбы» (2008). Их автор, потомок рода Нарышкиных, к коему принадлежала мать Петра Наталья Кирилловна, воссоздала его генеалогию и отметила, что основателем династии был крымский караим Нарышко, принявший православие и ставший окольничим московского князя Ивана III. Род Нарышкиных, давший Отечеству немало замечательных государственных, военных, политических деятелей, дипломатов, ученых, литераторов, был разветвленным и многочисленным. Однако то, что восходит он к караимам, отнюдь не было открытием Америки. Об этом писали и прежде многие видные российские историки, среди них Н.М.Карамзин, В.О.Ключевский, В.В.Нехлюдов, М.А.Миллер, М.И.Артамонов, так что в который раз новое оказывается хорошо забытым старым.

Занимались сим вопросом и исследователи-караимы М.С. Шапшал и М.М. Казас. А известный меценат, основатель «Караимской народной энциклопедии», академик М.С. Сарач утверждал, что Романовы знали о своем караимском происхождении и чтили память своего предка Нарышко, чем он объясняет и благожелательность к караимам всей царской династии. Однако нет решительно никаких данных о том, что Петр подозревал о своем караимском, а соответственно, еврейском пращуре (ведь, согласно господствующей версии, караимы – этнические евреи). К тому же родство это было столь отдаленным (Нарышко приходился ему прапрадедом), что совершенно невозможно судить по нему о национальной принадлежности матери царя и тем более самого Петра Алексеевича. И вполне очевидно, что это, в глазах антисемитов, «сатанинское семя» в родословной царя никак не могло повлиять на его отношение к иудеям.

Но Петра Великого уличали в еврействе не только бдительные интернетовские информаторы, но и его современники – противники его грандиозных реформ. И это, по мнению историков, оказало на позицию Петра I по сему вопросу самое непосредственное воздействие. Староверы с целью дискредитации ненавистного им монарха объявили его Антихристом, который «соберет всех жидов, поведет их в Иерусалим и будет там царствовать над ними». Примечательно, что и об упразднении Петром патриаршества и учреждении Святейшего Правительствующего Синода будут говорить: «Вместо него жидовский синедрион учредил, еже есть духовный синод». А предпринятую по инициативе царя всеобщую перепись жителей России станут сравнивать с переписью населения, проведенной в Иудее Октавианом Августом в начале новой эры.

Досужие толки «супротивников» по сему поводу воссозданы в III части трилогии Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»:

«– А что, правда ли, слыхала я давеча... государя же нынче на Руси нет, а который и есть государь – и тот не прямой, природы не русской и не царской крови, а либо немец, либо швед обменный?»

– Не швед, не немец, а жид проклятый... – объявил старец Корнилий...

– Я, батюшки, знаю, все про государя доподлинно знаю, – подхватила Виталия, – ... как де был царь наш благочестивый Петр Алексеевич за морем в немцах и ходил по немецким землям, и был в Стекольном, а в немецкой земле стекольное царство держит, и та девица, над государем ругаючись, ставила его на горящую сковороду, а потом в бочку с гвоздями заковала, да в море пустила.

– Нет, не в бочку, – поправил кто-то, – а в столп закладен.

– Ну, в столп ли, в бочку ли, только пропал без вести – ни слуху ни духу. А на месте его явился оттуда же, из-за моря же, некий жидовин проклятый из колена Данова, от нечистой девицы рожденный. И в те поры никто его не познал. А как скоро на Москву наехал, все стал творить по-жидовски: у патриарха благословения не принял; к мощам московских чудотворцев не пошел, потому что знал – сила Господня не допустит его, окаянного, до места свята... Да он же, проклятый жидовин, с блудницами немками всенародно пляшет; пьет вино не во славу Божию, а некак нелепо и безобразно, как пропойцы кабацкие, валяясь и глумясь в пьянстве: своих же пьяниц одним святейшим патриархом, иных же митрополитами и архиереями называет, а себя самого протодиакonom, всякую срамоту со священными глаголами смешивая, велегласно вопия на потеху своим немецким людям, паче же на поругание всей святыни христианской».

Стоит ли говорить об абсурдности отождествления еврейства и оргий Всепьянейшего Собора? Нелепость и вздорность таких инвектив не мог не понимать и сам Петр. Тем не менее, он стремился избежать упрека в «жидовском» характере своих реформ. И, как отмечает историк, подобные разглагольствования «могли повлиять на решение Петра не пригла-

шать евреев в Россию... Во всяком случае, в своем манифесте за 1702 год о приглашении в Россию «искусных» иностранцев Петр I сделал оговорку: «кроме евреев».

Следует признать, что к евреям как к этносу он относился без особых симпатий. И, запрещая им селиться в России, он, конечно, не мог не принять в расчет нетерпимость к иудеям православных церковников, взгляды коих достаточно красноречиво выразил ректор Киевского духовного коллегиума Иоанникий Галатовский: «Мы, христиане, должны ниспровергать и сжигать еврейские божницы, отнимать синагоги и обращать их в церкви, изгонять [иудеев] из городов, убивать мечом, топить в реках». Как заметил историк И. Зайдман, в Великороссии не было евреев, «потому что в ней веками существовал антисемитизм – несмотря на отсутствие евреев, в то время был старый добрый [религиозный] антисемитизм».

Однако во взглядах Петра можно усмотреть и влияние протестантизма. Ведь известно, что еще в юности царь пропал в Немецкой слободе, где усвоил протестантскую религиозность и начала европейского мировоззрения. Монарх объявил себя учеником Запада и не расставался с портретом М. Лютера, автора антисемитского трактата «Против евреев и лжи» (1543), осуждавшего иудаизм и призывавшего изгонять евреев, разрушать их жилища, конфисковать их священные книги. И многие протестантские пастыри в Европе (не говоря уже о католических прелатах) проповедовали с амвона презрение и ненависть к народу Израиля. И то были не только слова! Сколько дискриминационных инструкций и предписаний измыслили для евреев досужие бюрократы-иудофобы! Очень поднаторел в этом «сумрачный германский гений», воплотившийся, впрочем, во вполне конкретном драконовском законодательстве. Вот муниципалитет Франкфурта-на-Майне заставляет иудеев носить отличительный знак, запрещает бродить по улицам без цели и во время христианских праздников, гулять вдвоем, отовариваться на рынке раньше, чем это сделают христиане, попадаться на глаза владельческому герцогу. А крючкотворы из Гамбурга регламентируют количество гостей за еврейским столом, виды подарков, а также разрешенные блюда. Но всех переплюнули австрийские кувшинные рыла: для сокращения популяции нехристей они издают закон, согласно которому только старший сын в каждой еврейской семье имеет право вступать в брак (остальные должны холостяками век вековать). И ведь закон сей действовал и в Богемии, и в Моравии, в Пруссии, Палатинате, Эльзасе!

Судьба большинства иудеев во многих европейских странах была весьма незавидной. В то время как горстка их утопала в роскоши, служа факторами и банкирами при дворах королей, герцогов и курфюрстов, еврейские же массы были заперты и отгорожены от мира стенами гетто, нередко подвергались нападкам агрессивной черни, науськанной на погромы «христолюбивыми» церковниками. Во Франции, например, где существовал эдикт об изгнании евреев (подтвержденный в 1615 году Людовиком XIII), сыны Израиля находились фактически на полулегальном положении. Кстати, попытки изгнания евреев предпринимались в Европе и после Петра I. Так, в 1744 году это учинила в Богемии императрица Мария-Терезия, громогласно объявив: «Впредь ни один еврей, независимо от того, кто он такой, не будет оставаться здесь без моего письменного разрешения. Я не знаю никакой другой злополучной чумы внутри страны, как эта раса, которая разоряет народ хитростью, ростовщичеством, одалживанием денег и занимается делами, отгалкивающими честных людей».

Отсюда ясно: европеизм и протестантская ориентация Петра не только не исключали враждебности к евреям, а, напротив, ей способствовали. Так что, с какой стороны ни посмотри (с западной или с доморощенной, российской), антисемитская тенденция все равно выплывает наружу. То было знамение времени, и Петр Великий был у этого времени в плену.

Впрочем, была в ту пору страна со свободой вероисповедания и общинной автономией, куда стекались иудеи со всех концов Европы – Голландия. В 1698 году к Петру в Амстердаме

обратился бургомистр города Н. Витсен с просьбой разрешить въезд в Россию еврейским купцам. «Мой друг, – ответил ему царь, – вы знаете нравы и обычаи евреев, а также знакомы с русскими. Я также знаю и тех, и других, и поверьте мне: еще не пришло время для встречи этих двух народов. Скажите евреям, что я благодарю их за их предложения и понимаю ту выгоду, которую мог бы извлечь...»

Прервем пока цитату. Видно, никакой религиозной подкладки в ответе царя нет. Примечательно и то, что Петр говорит о своем знании нравов и обычаев иудеев (не вполне, правда, понятно, сколь глубоки сии знания, понаслышке ли или из первых рук получены, и где он их приобрел). Но интерес царя к еврейству очевиден, и когда у писателя Д. Маркиша Петр заявляет о полезности знания религиозных обрядов евреев, он говорит сущую правду, ибо верен своему реальному прототипу. Важно и то, что царь говорит об очевидной выгоде, приносимой евреями державе. Далее следует замысловатый отказ царя. Почему? «Мне было бы их жаль, – говорит Петр о евреях, – если бы им пришлось жить среди русских». В другом варианте эта фраза продолжена: «Хоть и говорят, что жида в торговле всех надувают, но не думаю, чтобы они провели моих русских»⁶.

Может показаться, что Петр печется здесь не столько о русских, сколько о еврейских интересах. Ан нет! Это лишь дипломатическая увертка, ибо в другом месте царь говорит недвусмысленно: «Народ мой и без того плутоват, а дозволю переселиться евреям, они окончатательно его развратят». И категорично заявляет: «Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не располагаю. Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том они ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают». Нельзя не сказать, что в подобной оценке сказались заскорузлые представления той эпохи о коммерции и ростовщичестве, коими было дозволено заниматься евреям и в чем они преуспели, как о махинациях жульнических и презренных (сейчас это называется бизнесом и никакого отторжения не вызывает).

Примечательно, однако, что Петр не изгонял иудеев из областей, ранее относившихся к Речи Посполитой и присоединенных к России при его отце, «Тишайшем» Алексее Михайловиче. Кроме того, как отмечает исследователь А. А. Мялеховецкий, он «вполне благожелательно относился к евреям новоприобретенных областей Прибалтики». При этом подчеркивал, что там, где евреи водворены, следует, не изгоняя их, стараться извлечь из них возможную пользу для Отечества.

Известно, что царь был резок и невоздержан на язык. С его уст нередко слетали слова, что евреи, дескать, «подлая орда» и «бездельные люди». На практике же он нередко вникал в жизнь этих людей и даже оказывал им посильную помощь. Известно, что в 1708 году во время пребывания в Мстиславле Петр посетил городскую синагогу, интересовался вопросами веры и долго расспрашивал о житье-бытье местных иудеев. Когда же узнал от них, что его русские солдаты мародерствуют и чинят насилие, приказал вздернуть на виселицу 13 виновных. Вот что повествует об этом Кагальная книга города «на память грядущим поколениям»: «28 элула 5468 года пришел Кесарь, называемый царь Московский, по имени Петр сын Алексея, со всей толпой своей – огромным, несметным войском. И напали на нас из

⁶ Любопытно, что те же забавные аргументы приводит секретарь посольства императора Леопольда I к Петру I И.Г. Корб: «В Московии некрещенные евреи жить не могут, потому, как говорят Москвитяне, что было бы странно, если бы от них, Москвитян, религией отличались те, в нравах и поведении которых оказываются не менее замечательная хитрость и способность к обману» (Корб И. Г. Дневник поездки в Московское государство... М., 1867, с. 281). Австрияка И. Г. Корба можно было бы, конечно, обвинить в русофобии, но он ссылается на мнение самих москвитян, а это уже заставляет задуматься. Примечательно, что нечто подобное высказал ранее секретарь голштинского посольства при царе Михаиле Федоровиче Адам Олеарий в книге «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1656): «Многие из [русского] купечества довольно похожи на жидов». Интересно, что впоследствии классик марксизма Ф. Энгельс заметит: «После русского купца трем евреям делать нечего»

его народа грабители и разбойники, без его ведома, и едва не дошло до кровопролития. И если бы Господь Бог не внушил царю, чтобы он самолично не зашел в нашу синагогу, то наверное была бы пролита кровь. Только с помощью Божьей спас нас царь и отомстил за нас, и приказал повесить немедленно тринадцать человек из них, и успокоилась земля». Так Петр I лично встал на защиту евреев.

В другой раз царь примерно наказал рейтара Карпа Кизилова, который в 1701 году «местечка Белогородки у жителя еврейна деньги и всякую рухлядь крал, и в этой покраже был пытан и бит кнутом». Сообщалось, что «покраденные деньги и рухлядь сысканы и отданы истцу».

Впрочем, далеко не всегда монарх оказывал иудеям внимание. Рассказывают, что, когда Петр в 1706 году был проездом в Могилеве и «евреи могилевские пришли встретить его хлебом и живого осетра в чане принесли государю; но государь на них и не взглянул, только хлеб велел от них принять».

Порой импульсивный царь делал заявления многообещающие, но безответственные: «Для меня все едино, был ли человек крещен или обрезан, лишь бы отличался порядочностью и хорошо знал дело». На деле же некрещеные евреи при Петре в Россию, как правило, не допускались. Отдельные исключения подтверждают правило. Это царский фактор Израиль Гириш и его сын Зундель, торговец Самсон Соломон, аптекарь Абрам Рот, купец Леви Липман и откупщик Борух Лейбов.

Но знаменательно, что, когда российские войска занимали города, где проживали иудеи, Петр не только не гнушался сотрудничеством с ними, но иногда отдавал им предпочтение перед местным христианским населением. В «Листе Его Величества Петра Алексеевича войску», датированном 27 мая 1707 года, он приказал, чтобы никто препятствий не чинил «стражнику гродненской коморы, еврею Мовшу Шмойловичу», на коего возлагалась ответственная канцелярская работа. Отметим и царский указ фельдмаршалу Б.П. Шереметеву от 28 января 1707 года об учреждении почты в Мозыре (этот город относился тогда к Речи Посполитой, и в нем закрепились русские). «А почту положить на жидов, – распорядился монарх, – а где нет (жидов), на жителей тамошних». Интересно, что почин проницательного Петра использовать евреев как почтарей будет подхвачен в России. В войне с Наполеоном неоценимую помощь русской армии окажет так называемая «жидовская почта», созданная еврейскими торговцами (почтовыми станциями служили корчмы) и передававшая информацию с невиданной в то время быстротой.

Но в чем великий реформатор был действительно революционером – он впервые и единственный раз в истории России – до реформ Александра II – ввел в высшие коридоры российской власти значительную группу евреев крещеных. Если учесть, что православная церковь традиционно относилась к таким выкрестам подозрительно (как об этом писал ортодокс Юрий Крижанич: «Если Русское царство когда-нибудь погибнет, то оно примет гибель от перекрестов и их потомков»), решение это действительно может показаться беспрецедентно смелым. Существенно, однако, заметить, что и при отце Петра, Алексее Михайловиче, иные выкресты занимали важные государственные посты; и сей царь всемерно поощрял крещение евреев (напомним, когда его придворный врач Даниил фон Гаден принял православие, то был осыпан дорогими подарками, один перечень коих занял бы несколько страниц). Однако при Петре число выкрестов во власти столь возросло, что количество переходит в качество. И в этом может быть усмотрена и смелость, и широта мышления великого реформатора, впрочем, вполне согласные с его программной установкой выдвигать человека «по годности», а не по происхождению.

П.П. Шафиров

Вот наиболее приметные из крещеных евреев – надежная опора царю в проведении модернизации страны. Фактическим главой дипломатического ведомства был вице-канцлер П.П. Шафиров, кавалер ордена Андрея Первозванного, спасший Отечество в 1711 году от унижительных условий мира с Османской Портой. Первым обер-полицмейстером Петербурга был выходец из Голландии А.М. Дивьер, заслуги коего перед северной столицей неоспоримы. А первым почт-директором был Ф.Ю. Аш – он проработал на сем ответственной посту 67 лет! Пригодились России и братья Веселовские, двое из которых стали видными дипломатами, а третий обучал русскому языку великого князя Петра Федоровича. Нельзя не упомянуть и камердинера царя П. Вульфа, дослужившегося до высокого чина тайного советника, начальника тайного сыска А. Вивьера и т. д.

Замечательную роль играл при дворе и любимый шут императора Ян Лакоста, которого Петр пожаловал потешным титулом самоедского короля и подарил ему остров Соммерс в Финском заливе. Этот крещеный еврей цитировал наизусть целые главы из Священного Писания.

Ян Лакоста

Некоторые выкресты прямо ходатайствовали перед царем за своих соплеменников, пытаясь примирить национальное чувство с интересами империи. Так, резидент посольства в Лондоне А.П. Веселовский убеждал Петра I принять на российскую службу иудеев-врачей, поскольку страна остро нуждалась в квалифицированных медиках. П.П. Шафиров занимал для императора большие деньги у евреев-банкиров и испрашивал у царя разрешения открыть еврейские торговые конторы в России, на что, кстати, получил согласие (сделка сорвалась по иным причинам).

С каждым из верноподданных, близких к трону, у императора складывались свои особые отношения, в коих национальность едва ли играла заметную роль. Когда влиятельный гоф-хирург, француз И.-Г. Лесток, соблазнил дочь шута, еврея Яна Лакосты, царь наказал обидчика, сослав его под крепкий караул, без права переписки в Казань, где тот провел в ссылке долгие пять лет! Однако руководствовался Петр исключительно чувством справедливости, и никакой национальной подоплеки здесь нет и в помине. Показательно, что на род-племя соратников Петра обращали внимание разве что сторонние наблюдатели. Так, один шведский дипломат писал в депеше от 21 декабря 1716 года из Амстердама, где находилось тогда русское посольство, что Петр «окружен совершенно простым народом; в числе его перекрещенец еврей» (речь, по-видимому, идет о П.П. Шафирове).

Могут сказать, что с некоторыми придворными евреями царь обошелся весьма жестоко. Тот же вице-канцлер П.П. Шафиров был приговорен к смертной казни и уже положил голову на плаху, когда услышал «милостивое» петровское повеление о том, что он, лишаясь всех чинов и орденов, отправляется с семьей в ссылку и на содержание им отпущено аж 33 копейки в день. А братья А.П. и Ф.П. Веселовские, ожидая расправы, убоялись вернуться в Россию и стали первыми дипломатами-невозвращенцами. Однако никакой анти-семитской подоплеки в действиях Петра не было, ибо точно таким же образом поступал император и с провинившимися коренными русаками. Шафирову, к примеру, вменялось в вину казнокрадство, завышение почтовой таксы, укрывательство беглых крепостных; А.П. Веселовскому (правомерно ли или нет) потворство бежавшему в Австрию от Петра I царевичу Алексею, а резиденту Ф.П. Веселовскому – сокрытие в Англии его опального брата. Как говорил Петр, «чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину впадет».

А.П. Веселовский

Уместно обратиться к мотивам поступков ближайшего сподвижника Петра А.Д. Меншикова. Сын конюха, светлейший князь, которого называли левой, «сердечной» рукой царя, был в сердце, в отличие от Петра, откровенным антисемитом. Когда А. М. Дивьер стал просить руки его сестры, Меншиков пришел в такое неистовство, что нещадно отлупцевал жида, и только усилиями Петра этот «неравный» брак стал возможен. Однако после кончины императора Меншиков поквитался и с ненавистным шурином (упек его в Якутскую глухомань), и с ослушницей-сестрой, которую сослал с детьми-жиденятами в дальнюю деревню. Именно Меншиков инициировал в Сенате обвинение П.П. Шафирова в сокрытии своего еврейского происхождения и покровительстве «жидовской родне». Когда же Петр I находился в беспмятстве на смертном одре, светлейший 26 января 1725 года дал ему на подпись указ о лишении евреев откупов на Смоленщине, который царь подмахнул. Полагают, что именно Меншиков стоял за указами Екатерины I от 14 марта 1727 года о высылке евреев из Смоленского края за рубеж и от 20 апреля 1727 года об изгнании всех иудеев из Российской империи. А при императоре Петре II, на заседании Верховного Тайного Совета, именно Меншиков бросил фразу, которую сегодня охотно цитируют «патриоты»: «Жидов в Россию ни с чем не впускать!»

Убежденный антисемит, Меншиков может быть противопоставлен Петру I, который к евреям относился без особых предубеждений. Однако известен случай, когда на одной из ассамблей дочь барона Шафирова отказалась от предложенной царем чарки водки. «Я тебя выучу слушаться, жидовское отродье!» – прорычал взбешенный монарх (а в гневе он был невозддержан и крут!) и отвесил стропливой девице две увесистые пощечины.

Но таковы были реалии той эпохи: хоть и твердили, что человек ценится по заслугам, а не по породе, на евреев сие правило распространялось далеко не всегда. «Жидовская порода» считалась чем-то постыдным. Вот, к примеру, гетман И.С. Мазепа узнает, что императору из Полтавы поступил донос от Петра Яценко с обвинением его, гетмана, в государственной измене. Но Мазепа-то калач тертый, знает, как очернить изветчика половчее. Он сразу же берет быка за рога и в письме от 24 февраля 1708 года пишет царю: «Человек худородный, с Жида перехрист, прозываемый Петр Яценко... В Ахтырском полку промыслами, по обыкновению жидовскому, арендовыми упражняющийся... подал за рукою своею все лжи превосходящую сказку, будто я Вашему Царскому Величеству неверен». То, что Яценко, «по обыкновению жидовскому», не «сказку» баял, а чистую правду говорил, выяснится позднее. Петр повелит отчеканить для предателя специальный орден Иуды, которым

вознамерится наградить Мазепу перед повешением. И если бы не скоропостижная смерть гетмана в турецких Бендерах, висеть бы ему, как Иуде, на осине, да еще в придачу с презренным наградным знаком в петлице. Но в рассматриваемое нами время вероломный гетман оправдался перед царем, а его разоблачители (В.Л. Кочубей, Искра) подверглись мучительным казням; «худородный» же П.Я. Яценко был допрошен с пристрастием, а потом сгинул бесследно, быть может, повторив участь своих злополучных сотоварищей.

Говоря об Украине, нельзя не упомянуть указа Петра 1708 года о дозволении еврейским купцам въезжать только в Киев и продавать там товары оптом, а также его распоряжений о высылке с левобережья Днепра и из Киева всех находившихся там иудеев (помещики и казацкие старшины, понимая пользу иудеев, саботировали эти решения). Однако меры эти были вызваны экономическими резонами, а именно борьбой с контрабандной торговлей, и распространялись, конечно, не только на евреев...

Хотя взгляды Петра на еврейский вопрос отличает непоследовательность, а его поступки противоречивы, все же невозможно согласиться с антисемитами, объявившими великого реформатора России своим ревностным единомышленником. Тот же А. Глазунов заявляет: «Как православный, русский император, он не мог относиться к жидам благожелательно. Жиды были для него – враги Христовы. Жиды были для него – враги русского народа. Жиды были для него – враги Православной Российской империи». На самом же деле император благожелательно относился ко многим евреям, которых возвел на высшие должности Российской империи, и хотя считал, что время для исторической встречи русского и еврейского народов еще не настало, понимал выгоды от сотрудничества с иудеями на благо своих соотечественников. В этом вопросе он, несомненно, был прагматиком, а учитывая его взрывной характер и непредсказуемость поведения, Петр Великий вполне может быть назван импульсивным прагматиком. Но он всегда действовал в интересах государства и народа России.

Карманная императрица Екатерина I

На излете царствования Екатерины I Алексеевны грянули два монарших указа, направленные на полное и безусловное изгнание из России всех иудеев. Надо сказать, что и ранее, при Петре Великом, отношение к евреям было трудно назвать благосклонным: им возбранялось не только жить в России, но и въезжать на территорию империи (исключение делалось лишь для иудеев из свиты герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского и австрийского графа Шато де Бюсси-Рабутина). Но на ослушников при Петре иногда смотрели сквозь пальцы, и для них находились законодательные послабления.

Ж.М. Натъе. Портрет Екатерины I 1717 г.

Показательно в этом отношении дело откупщика и предпринимателя Боруха Лейбова из сельца Зверовичи на Смоленщине, о чем мы подробно расскажем в главе «Казнить смертью и сжечь». Здесь же лишь отметим, что, несмотря на требования недоброхотов, в Петровское время этого проштрафившегося иудея никто не стал выселять из родных пенатов. Сенаторы сослались на узаконения Тишайшего царя Алексея Михайловича о том, что всем лицам, проживавшим в присоединенных от Польши областях (и евреям в том числе), разрешено оставаться на прежнем месте. При этом и иудеи, осевшие там ранее, не подвергались ограничениям в правах жительства, торговли и промыслов в России. Потому донос, в коем говорилось о якобы незаконном их пребывании в крае, заключал в себе одну только ябеду на власти и в расчет принят не был.

Но с восшествием на престол Екатерины все круто переменилось, и для сынов Израиля наступили самые лихие времена. Преданное, казалось, забвению дело еврейского откупщика снова вышло наружу и решилось наново, и крайне неблагоприятным образом, причем не только для него одного. Монарший указ от 14 марта 1727 года повелевал выслать всех иудеев за рубеж из сельца Зверовичи, а «сборы отдать на откуп всем, кроме жидов». Мало того, новая метла вымела евреев из всех сопредельных городов и селений.

Новация заключалась в том, что если ранее, при Петре, присутствие иудеев было терпимо на Смоленщине, да и на Украине, то теперь известие об их проживании в империи стало восприниматься в штыки и побуждало Петербург к строжайшим репрессивным мерам. Как отметил историк Юлий Гессен, именно «в связи со смоленскими событиями было решено удалить евреев и из других областей». И действительно, не прошло и двух месяцев после выселения Лейбова со товарищи, как последовал другой именной указ императрицы, относящийся уже ко всем без исключения представителям еврейского племени: «Сего 20 апреля Ее Императорское Величество указала: жидов, как мужеска, так и женска пола, которые обретаются на Украине и в других Российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под какими образы в Россию не впускать и того предостерегать во всех местах накрепко». Евреев стали повсеместно выселять из России. При этом все их серебряные и золотые монеты принудительно менялись на медные.

Что же одушевляло антисемитское законотворчество Екатерины? Виной ли тому свойственная ей религиозная нетерпимость, или же своим рьяным усердием на ниве борьбы с иноверцами она рассчитывала снискать популярность и любовь подданных? Так или иначе, придется выяснить, насколько самостоятельна была она в своих действиях и к чьим советам прислушивалась. И разговор следует начать с ее происхождения и воспитания, дающих ключ к пониманию личности будущей первой российской императрицы.

Придворные панегиристы тщились навести тень на плетень и облагородить пращуров этой монархини, приписывая ей дворянскую кровь хотя бы со стороны отца, коим объявляли то подполковника шведской армии Розена, то полковника Иоганна Рабе, то лифляндского дворянина Афендаля, якобы согрешившего с простолюдинкой. Однако происхождения она была самого низкого. Родителем ее был Самуэль (Самуил) Скавронский – крестьянин-католик, уроженец Минска, обосновавшийся в Лифляндии. Некоторые биографы аттестуют его «ливонским обывателем», но большинство сходятся на том, что он был крепостным и занимался преимущественно земледелием, хотя время от времени пробавлялся ремеслом (не гнушаясь и приработком гробокопателя). По одной версии, первой его супругой была Доротея Ган, которую иногда называют матерью нашей героини и ее двух сестер и трех братьев. Согласно другим данным, в 1680 году вдовый Скавронский в Якобштадте (ныне Екабпилс) обвенчался с Елизаветой Мориц, и не исключено, что все эти дети – от второго брака.

Достоверно известно: будущая российская императрица родилась в городке Ринген (Ливония) 5 (15) апреля 1684 года и была наречена Мартой. Ей не исполнилось и трех лет, как семью стали преследовать жестокие несчастья. От морового поветрия, свирепствовавшего в Лифляндии, умерли ее отец, а затем и мать. Девочка-сирота была взята в Круспилс, к родной тетке Катерине-Лизе, бывшей замужем за курляндцем, лютеранином Яном Василевским. Но жить там ей довелось недолго: после кончины кормильца и добытчика Василевского в 1691 году, ее тетке пришлось избавляться от лишнего рта, и Марту отдают на воспитание сначала к роопскому пастору Дауту, а затем в приют Николая Экка при рижской церкви св. Иоанна. Можно предположить, что именно здесь, в Риге, она впервые увидела иноземцев с пейсами, в широкополых круглых шляпах и черных одеждах. То были заезжие еврейские купцы, прибывшие в портовый город лишь на время, по торговым делам; останавливаться же им дозволялось на особом еврейском подворье. Когда такой странноватый индивид проходил мимо, слышалось неодобрительное шушуканье, а самые дерзкие мальчишки-сорванцы улюлюкали ему вслед что-то бранное. Причины этой стойкой враждебности девочка понять еще не могла, но вид чужака-инородца едва ли вызывал у нее теплые чувства.

В рижском приюте ее заметил пастор Иоганн Эрнст Глюк (1654-1705) и взял к себе в Мариенбург (ныне Алуksне, Латвия, на границе с Эстонией). Сейчас трудно сказать, почему этот выдающийся миссионер, просветитель и культуртрегер, переведший Библию на латышский и русский языки и открывший впоследствии в Москве, на Покровке, одну из первых в России светских школ, не научил Марту элементарной грамотности (она всю жизнь даже не могла подписать свое имя). Нет сомнения, что он воспринимал ее лишь как помощницу по хозяйству и уходу за детьми. Правда, преподобный Глюк иногда вел с Мартой душеспасительные беседы, читал вслух лютеранский катехизис и настоял на том, чтобы она, рожденная в католичестве, перекрестилась в протестантскую веру. Он наставлял ее в духе учения Мартина Лютера, который считал иудеев наследниками Иуды Искарота, народом «злокозненным», чьи моленные книги надобно конфисковать и сжечь, жилище их разрушать, а самих гнать в шею. Сомнительно, что ветреная Марта глубоко вникла в сию проповедь, но осадок брезгливого неприятия у нее, несомненно, остался, узелок на память завязался, хотя занимали нашу героиню в ту пору совсем иные предметы.

Имеются сведения, что повзрослев и превратившись в прехорошенькую девушку, она проявляла излишнюю благосклонность к сильному полу. Рассказывали, что от одного из домочадцев пастора Марта даже родила дочь, умершую через несколько месяцев. Подобное, как говорили тогда, «рассеянное» поведение заставило Глюка немедленно выдать замуж свою семнадцатилетнюю воспитанницу за шведского драгуна Раабе (по другим сведениям, Крузе), который то ли накануне, то ли сразу после свадьбы отбыл на войну.

При взятии Мариенбурга русскими войсками 24 августа 1702 года Марта попала в плен. Сначала она стала наложницей одного русского унтер-офицера, который избивал ее; затем к ней воспылал страстью генерал от кавалерии Родион Боур; после него – генерал-фельдмаршал Борис Шереметев, и, наконец, в 1703 году она попала в дом Александра Меншикова, где, между прочим, стирала белье (сколько раз она потом будет шутить о себе как о бывшей «портомое»!). Здесь-то и пленился ею Петр Великий, бывавший запросто в доме своего «Данилыча». А в 1705 году Марта была уже дважды беременна от царя – у нее родилось двое сыновей, впрочем, вскоре умерших. Тогда же она приняла православие, и ее нарекли Екатериной Алексеевной. Между прочим, в одной собственноручной записке Петр называет ее «Василевской», и историки гадают, происходит ли эта фамилия от мужа ее тети или дана по имени крестившего ее архимандрита Варлаама, в миру *Василия* Высоцкого.

А.М. Дивьер

Какое-то время Екатерина жила в доме Меншикова вместе с его сестрой Анной, наложницами Дарьей и Варварой Арсеньевыми и Анисьей Толстой. Они представляли своего рода общий гарем Петра и Меншикова. К ним зачастил тогда и генерал-адъютант Антон Дивьер, ладно сбитый мускулистый красавец-сефард, веселый, обходительный, галантный. Меншиков смотрел на Дивьера свысока и однажды в сердцах назвал «жидом». Услышав такое, Екатерина очень удивилась: щеголеватый Антон ей очень нравился, и статью своей, и бравостью, и лицом точеным. Не было в нем ничего отталкивающего, что о породе иудиной от пастора слышала. Да и Петр всегда был рад его появлению и, хотя евреев не жаловал и называл «плутами и обманщиками», нахваливал Антона за его смышленность, бескорыстие и неутомимость.

И надо же было Дивьеру влюбиться в сестру своего супостата – Анну Меншикову, женщину яркую и эмансипированную (она залихватски ездил верхом, была, в отличие от брата, грамотной и говорила на нескольких языках). Антон сделал ей предложение руки и сердца, но тут в дело вмешался «полудержавный властелин». Вознесенный из грязи на вершины российского Олимпа, он ответил еврею категоричным отказом. И если бы не Петр,

который сразу же взял сторону генерал-адъютанта и буквально обязал Меншикова выдать за него сестру, счастливой свадьбы бы не случилось.

О свадьбе мечталось и нашей героине, но никаких решительных перемен в жизни Екатерины долго не происходило. Кроме нее, у Петра были и метрессы на стороне. Но и позднее, живя во дворце царя, Екатерина ни разу не упрекнула его за внимание к другим женщинам. Петр заставлял ее не только снисходительно относиться к его мимолетным связям, но и слушать собственные откровения о своих интимных забавах с девками, а также – это кажется сейчас невероятным! – принуждал ее саму подыскивать ему метресс. А среди них были и ее потенциальные «совместницы» (так называли тогда конкуренток). И особенно опасны они были на раннем этапе, когда Екатерина была еще Петру никакая не жена, а только мать двух его незаконнорожденных дочерей Анны и Елизаветы (1708 и 1709 годов рождения).

Семья Петра Великого. XVIII век

Но тревога была напрасной. Никакие фаворитки уже не могли заменить царю «свет-Екатеринутпки». Приворожила она Петра и тем, что была «телесна, во вкусе Рубенса, и красива», и своим неиссякаемым весельем, а главное – редким качеством: сочувствием ко всем его делам и заботам. А еще она обладала природным умом, глубоким пониманием мужчин и владела искусством обходиться с ними. Она одна умела успокаивать царя в минуты нервных приступов, которые сопровождались дикими головными болями. В такие моменты все в ужасе прятались от монарха. Только Екатерина подходила к нему, заговаривала с ним своим особым языком, и это действовало успокаивающе. Затем она ласкала и гладила голову Петра, и он засыпал у нее на груди. И дорожа благотворным воздействием сна на государя, она долго сидела неподвижно, пока Петр не проснется. И царь просыпался свежим и бодрым.

Она нечасто расставалась с Петром: сопровождала супруга повсюду, даже будучи беременной. Выдающуюся роль Екатерина сыграла в 1711 году в Прутском походе, когда русскую армию, возглавляемую царем, окружили втрое превосходившие по численности турки и крымские татары. В русском лагере началась общая паника – на исходе было продовольствие и запасы питьевой воды, не было корма лошадям. Даже Петр потерял самообладание, но Екатерина сохранила присутствие духа. Любительница роскоши, она в этот судьбоносный момент, казалось, забыла об этом своем пристрастии – и все имевшиеся у нее драгоценности пожертвовала на подкуп турецкого паши, командовавшего вражескими войсками. В этом деле ей споспешествовал искусный дипломат и переговорщик, вице-канцлер Петр Шафиров. Это был еще один приметный еврей, вызвавший ее глубокое уважение. Даже внешность его располагала: вице-канцлер был «малого роста, чрезвычайной толщины и едва передвигал ноги, но соединял ловкость в поступках с великою приятностью в лице». О нем говорили: «жидовская порода», хотя перекрестом не называли, ибо он был крещен при рождении. Шафирова ценили за недюжинный и цепкий ум, хитрость, изворотливость и особое обаяние силы, свойственное лишь натурам энергичным, волевым. Его неоспоримые заслуги отметил даже известный историк-почвенник Вадим Кожин: «[Он сумел] в очень трудной ситуации заключить необходимый для России мирный договор с Турцией. Еврей Шафиров стал одним из самых знатных лиц в России». Человек нетерпеливый и пылкий, он должен был по требованию врага два с половиной года томиться в турецком плену в качестве заложника. «Держат нас в такой крепости, – писал он оттуда в Петербург, – что от вони и духа в несколько дней вынуждены будем умереть». И ведь выдюжил, устоял, за что и награжден был по-царски!

Тогда же Петр, в ознаменование «вечной памяти знаменитого освобождения армии, царя и царицы у реки Прут» учредил орден Святой Екатерины, которым награждались самые заслуженные женщины России, и первой из них была сама Екатерина. По его словам, в то опасное время она «не как жена, но как мужская персона видима была». А в 1713 году царь спустит на воду бо-пушечный фрегат «Святая Екатерина».

В 1712 году состоялось бракосочетание Петра I с Екатериной Алексеевной. Несмотря на то, что царь вновь подчеркнул при этом заслуги своей избранницы перед государством и армией, в народе распространялись «неудобь сказаемые толки» против новой жены: «Не подобает Катерине на царстве быть: она не природная и не русская... Она с Меншиковым его величеством кореньем обвели». Надо сказать, что Екатерина и Меншиков и впрямь были очень дружны. По степени близости к ней Данилыч был вне конкуренции, ибо, прежде всего, ему безродная Марта Скавронская была обязана тем, что стала супругой императора. И она не раз выручала светлейшего из беды, то и дело оказывавшегося в немилости у Петра, который грозил лишить его богатства, чинов и званий. Да и Данилыч всячески потрафлял своей коронованной подруге: первейший поклонник роскоши в Петровскую эпоху, он баловал ее то драгоценностями, то отрезом на модное платье. Словом, Меншиков – бесстыдный, дерзкий, решительный – имел на Екатерину огромное влияние.

Но как же непохожи были эти двое, из коих светлейший всегда задавал тон, а Екатерина довольствовалась ролью ведомой! Мемуарист свидетельствовал: «Она не была ни мстительна, ни злопамятна, чем сильно отличалась от своего друга и советчика Меншикова, всегда мстительного и непреклонного». Кроме того, Данилыч был антисемитом самого непримиримого свойства. Лютая враждебность к евреям, причем, не только религиозная, но и расовая, носила подчас столь необузданный характер, что даже Петр, как в случае с Дивьером, вынужден был остужать его юдофобский пыл.

И еще один еврей удостоился симпатии Екатерины: ее весьма забавлял любимый шут Петра Ян Лакоста. Человек неистощимого остроумия, он не лез в карман за словом, был широко образован, знал наизусть Священное писание и вел с царем бесконечные богословские дебаты. К тому же он носил потешный титул самоедского короля. Лакоста называл вора вором, без обиняков высмеивал пороки и злоупотребления придворных, а когда те жаловались царю на бесцеремонное поведение шута, тот невозмутимо отвечал: «Что вы хотите, чтобы я с ним сделал? Ведь он дурак!». Меншиков сразу же возненавидел вертлявого паяца-жиди и пригрозил ему виселицей. Лакоста пожаловался царю, Петр рассердился и сказал, что скорее повесит самого Меншикова. Находчивый Лакоста и тут пошутил: «Сделайте это раньше, чем он повесит меня!» Меншиков вынужден был отступить, затаив злобу и жажду мести.

И когда в 1722 году в Сенате схлестнулись интересы Меншикова и уважаемого Екатериной Шафиров (они не поделили барыши от совместной беломорской компании), она не приняла сторону своего благодетеля. Тогда вице-канцлера обвинили во многих тяжких грехах. При этом антисемитизм явственно присутствовал и воодушевлял враждебно настроенных сторонников Меншикова. Клеврет светлейшего Григорий Скорняков-Писарев, уличив вице-канцлера в казнокрадстве и незаконной выдаче жалования брату, члену Берг-коллегии Михаилу Шафирову и в прочих злоупотреблениях, присовокупил к сему еще сокрытие им своего еврейского происхождения. В последнем пункте Шафирову как раз удалось оправдаться: он сослался на знакомство государя с его крещеным отцом, который получил дворянство еще при царе Федоре Алексеевиче. По поводу же других его «вин» (казнокрадство, завышение почтовой таксы, укрывательство беглых крепостных и т. д.) Петр грозно повелел: Шафиров «казнен будет смертию без всякия пощады и чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину впадет».

Екатерина присутствовала на той утренней казни в Кремле, 15 февраля 1723 года, где в прошлом блистательный дипломат, спасший Россию от позора и поражения, являл собой зрелище самое жалкое. Осужденного в простых санях привезли из Преображенского приказа; при прочтении приговора сняли с него парик и старую шубу и взвели на эшафот, где он несколько раз перекрестился, стал на колена и положил голову на плаху. Топор палача уже взвился в воздухе, но ударил по дереву: тайный кабинет-секретарь Алексей Макаров провозгласил, что император в уважение заслуг Шафирова заменяет смертную казнь ссылкой в Сибирь. Шафиров поднялся на ноги и сошел с эшафота со слезами на глазах. Царь смилостивился (если, конечно, можно назвать милостью лишение чинов, орденов, титулов, всего движимого и недвижимого имущества): он даровал Шафирову жизнь и заменил ссылку в Сибирь на Новгород. Ссылный содержался там «под крепким караулом», где ему со всей семьей отпускалось на содержание всего 33 копейки в день. А Меншиков праздновал победу над поверженным евреем. Екатерина явно не сочувствовала столь суровому наказанию, и впоследствии, вступив на престол, она помиловала Шафирова и вернет его в Петербург.

Как только в опалу попал Шафиров, Меншикову удалось поквитаться и с Лакостой. С его подачи против шута были выдвинуты нешуточные обвинения, и главное из них – тайная встреча с осужденным на смерть «государственным преступником» Шафировым накануне казни. За сии предерзкие проступки Лакоста был сослан в Сибирь, в село Воскресенское,

недалеко от озера Байкал. И опять-таки, стараниями Екатерины, ставшей самодержавной императрицей, он будет потом освобожден из северного плена...

А Данилыч все продолжал улаживать Екатерину дорогими модными вещицами, понимая, что только ими можно задобрить лакомую до роскоши мариенбургскую пленницу. Она так любила блистать в обществе, подчеркивая высокий сан исполина Петра – хозяйина великой империи! Очень точно охарактеризовал ее А. С. Пушкин: «Чудотворца-исполина чернобровая жена». Екатерина облачалась то в новомодные французские одеяния, то в испанские робы, то в щеголеватые немецкие платья, блистая дорогим атласным нарядами, расшитыми серебряным шитьем, великолепнейшими костюмами. Поистине неподражаема была она на ассамблеях и, по словам современника, «танцевала чудесно и выполняла артистически самые сложные пируэты, в особенности, когда сам царь был ее партнером. Ее низкое происхождение не смущало ее».

Однако плебейство Екатерины сразу же бросалось в глаза придворным, искусственным в политесе. Сохранился отзыв маркграфини Байрейтской Вильгельмины о приезде царской четы в Берлин в 1719 году: «Царица была мала ростом, толста и черна; вся ее внешность не производила выгодного впечатления... Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено на рынке; оно было старомодного фасона, и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку. На ней был пояс, украшенный спереди вышивкой из драгоценных камней, очень оригинального рисунка в виде двуглавого орла, крылья которого были усеяны маленькими драгоценными камнями в скверной оправе. На царице были навешаны около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и, когда она шла, все звенело, словно прошел наряженный мул». Впрочем, раздавались и иные голоса. Другой иностранный дипломат заметил, что «несмотря на неизвестность ее рода, Екатерина вполне достойна на милости такого монарха», и дал весьма лестное описание ее наружности: «Она имеет приятную полноту, цвет лица ее бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у нее черные, маленькие, волосы у нее такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное».

После кончины императора Екатерина I, возведенная на престол усилиями соратников Петра – Александра Меншикова, Петра Толстого, Павла Ягужинского, а также покорной им гвардии, процарствовала лишь 26 месяцев. Ее царствование было неярким. Отбыв положенный траур, императрица пускается во все тяжкие: утопает в праздности и удовольствиях («повседневных пиршествах и роскошах», как говорит князь Михаил Щербатов). Казалось, этим неразборчивым и безудержным стремлением к наслаждениям она желала вознаградить себя за то постоянное напряжение, в котором жила при Петре. Кутежи, возлияния, развлечения проходили при Дворе ежедневно.

Проявила императрица и свою неукротимую любовь к мужскому полу, особенно к щеголям. Среди ее амантов называют Рейнгольда Левенвольде, красавца, франта, дамского угодника и альфонса; молодого польского графа Петра Сапегу, отчаянного модника, так и сиявшего парчою и бриллиантами. Мемуаристы говорят и о романе Екатерины с щеголеватым Антоном Дивьером, к которому она давно благоволила.

И жаловала императрица своих любовников прямо-таки по-царски – Левенвольде был произведен в графы (с привилегией носить на шее ее, Екатерины, портрет); Дивьер тоже стал графом и генерал-лейтенантом; Сапега к своему графскому титулу добавил высокий чин генерал-фельдмаршала вкупе с орденом св. Андрея Первозванного – высшей наградой Российской империи.

Дни правления сей монархини, говорит биограф, «были преступным образом принесены в жертву эгоизму, сладострастию, корысти и властолюбию». Пристрастившись к выпивке еще во времена Петра, Екатерина совсем распустилась после прихода к власти, и

все ее царствование, как говорят историки и иностранные посланники при русском Дворе, превратилось в сплошную попойку.

Екатерина не обладала ни государственным умом, ни самостоятельным мышлением и всегда была зависима от чужих мнений. Раньше она была тенью Великого Петра. Вступив на престол, она проявила добрую волю, вернув из ссылки Лакосту и Шафирову. Но вскоре правителем империи фактически становится Меншиков, все более и более захватывавший власть в свои руки, и Екатерина по существу выступает в роли его карманной императрицы. Именно Меншиков был виновником и вдохновителем дискриминационных антисемитских указов, которые за безграмотную Екатерину подписала ее дочь Елизавета (заметим в скобках, подписала, видимо, не без удовольствия, поскольку впоследствии станет коронованной юдофобкой). О том, что именно Меншиков был инициатором этой антисемитской кампании, свидетельствуют его слова на заседании Верховного тайного совета в 1727 году: «Жидов в Россию ни с чем не впускать!»

Надо отметить, что, как у всякого антисемита, у светлейшего был «свой жид». Это был некрещеный еврей, предприниматель Леви Липман, получивший право на жительство в России как лицо из свиты герцога Голштинского. Но интерес к нему Меншикова был небескорыстным: тот заказывал у него ювелирные изделия самой высокой пробы (сохранился подписанный им указ «об уплате еврею Липману шести тысяч рублей за сделанные три кавалерии [ордена – Л.Б.] Святой Екатерины с бриллиантами»). Впрочем, Липман – исключение, которое лишний раз подтверждало правило, от которого светлейший не отступал.

Накануне кончины императрицы светлейшему удалось, наконец, добиться, невозможного: отомстить ненавистному шурину Дивьеру, хотя тот был явным фаворитом Екатерины, ею обласканным и облагодетельствованным. Пользуясь тем, что воля монархини была уже полностью парализована, он составил от ее имени документ, в коем Дивьера обвиняли в «предерзости», непочтительности к монархине, и даже в вертопрашестве (что обычно так импонировало коронованной распутнице Екатерине). Будто бы юному великому князю Петру Алексеевичу Антон «напоминал, что его высочество сговорился жениться, а они за его невестой будут волочиться, а его высочество будет ревновать».

Дивьер был бит кнутом, а затем сослан в холодную Якутию, в Жиганское зимовье, что на пустынном берегу Лены, в 9000 верстах от Петербурга и в 800 верстах от Якутска. В этой забытой Богом глухомани он остался без самого необходимого, питаясь одним хлебом и рыбой. Не пощадил Меншиков и собственную сестру Анну, повелев ей вместе с малолетними детьми безвыездно жить в дальней деревне...

На этом можно было бы завершить наш рассказ, если бы не опубликованная в блоге «Семь искусств» претенциозная, бьющая на сенсацию заметка, буквально взорвавшая русскоязычный интернет. Более того, 17 января 2013 года она была размещена и в блоге «Эха Москвы» под заглавием «Первая императрица России была еврейкой». Автор ее, Юрий Магаршак, делает поистине ошеломляющее заявление: «У всех русских царей – потомков Петра Великого, от Елизаветы до Николая Второго, русских генов столько же, сколько еврейских». Надо заметить, что версия о еврействе Екатерины I не нова. Впервые подобное высказала русско-американский литератор Алла Кторова (В.И. Кочурова); ее горячо поддержал Григорий Фридман в статье «На троне великой державы» на форуме портала «Заметки по еврейской истории» (6.6.2010); затем, правда, с некоторыми оговорками – историк Савелий Дудаков в книге «Петр Шафиров и другие» (М., 2011).

Но не будем корить Юрия Магаршака за подражательность. Нет, аргументы этого автора более чем оригинальны. Так, доказывая еврейское происхождение Самуила Скавронского, он риторически вопрошает: «Много ли Вы, высокочтимый читатель, знаете литовцев, латышей, эстонцев, белорусов, имя которого [так!] Самуил?». И сам же отвечает: «Уверен, что ни одного. В истории этих стран таковых и не было». Но самоуверенность здесь пло-

хой помощник, ибо Самуил, равно как Самуел, Самуеле, были и есть имена латышские и эстонские, а близкое по звучанию Самойло – белорусское. Или еще такой перл: «Изменение отчества Первой Русской Императрицы с Самуиловны на Алексеевну было первым в русской истории прецедентом присвоения [так!] нового отчества. Противоречащим не только русской традиции, но и основополагающим принципам христианства». На самом же деле, общепринятая православная традиция как раз и состояла в том, что неофит получал отчество по имени своего крестного (вспомним хотя бы знаменитого арапа Петра Великого, нареченного при крещении Абрамом Петровичем по имени крестившего его царя). Так что, сенсации – увы! – не получается.

Но самый важный пункт для доказательства еврейства Екатерины, на котором сходятся и другие авторы, это якобы ее родство с крещеными евреями Веселовскими. Некоторые публицисты пишут, что Екатерина им покровительствовала, а ее собственные братья и сестры будто бы состояли с этими евреями в браке. И неистощимый фантазер Юрий Магаршак даже уточняет: «Над еврейскими родственниками Екатерины... хихикал весь Петербург». Отмечалось уже, что Ян Василевский (а не Веселовский) в кровном родстве с Екатериной не состоял, а был мужем ее тети, то есть ее свойственником. Никакими брачными узами Веселовские с прочими родственниками Екатерины – Скавронскими, Гендриковыми, Ефимовскими связаны не были, ни малейшей протекции императрица им не оказывала. Напротив, именно в царствование Екатерины, в 1727 году, Петербург домогался от Англии немедленного ареста и выдачи России беглых братьев-дипломатов Авраама и Федора Веселовских. Знаменательный факт – престарелый Авраам Веселовский, взявшийся, по предложению Ивана Шувалова, «вспомогать» Вольтеру писать «Историю Российской империи при Петре Великом», ни полслова не обмолвился о связи своего семейства с первой русской императрицей. А ведь старец находился в богоспасаемой Швейцарии, зоне полной безопасности, и кривить душой ему не было никакого резона.

Еще один аргумент – Екатерина якобы и внешне походила на дочь Израиля. Впрочем, некоторые авторы лишь допускают такое сходство и говорят о нем с осторожностью. «Антропологические данные смуглой и черноглазой Екатерины не противоречат ее принадлежности к «дому Якова», – замечает Григорий Фридман. «Круглое лицо и жгучая брюнетка – первое, что бросается в глаза», – вторит ему Савелий Дудаков. А вот пылкий Юрий Магаршак без экивоков и околичностей заявляет об этом резко и прямолинейно в обращенном к читателю страстном монологе: «Вглядитесь-ка в это лицо. В эти глаза. В эти губы. В этот нос (на официальных портретах спрямлявшийся, как только возможно, – и все же). На кого похожа Российская Государыня: на прибалтийку (как учат выводы комиссию по определению ее происхождения)? На польку? На белоруску? Или на еврейку? Видели ли вы прибалтиек, полек или же белорусок с такими формами? С такими пышными грудями? С таким носом, глазами, волосами? А среди евреек – типичнее не бывает... Знаете на кого похожи портреты Марфы [?] Самуиловны Романовой больше всего? На Элину Авраамовну Быстрицкую».

Следуя логике Юрия Магаршака, мы бы охотно признали Екатерину не только вылитой еврейкой, но и пращуром Элины Быстрицкой. Только вот незадача, к императрице всегда было приковано всеобщее и самое пристальное внимание современников, но никто из них нигде ни разу(!) не указал на такое сходство. А ведь россияне XVIII века были очень неплохими физиономистами. Уж Меншиков-то «жидовскую породу» за версту чуял, да и сам царь Петр с евреями многожды встречался и дома, и за границей, и распознавать их умел.

Надо сказать, наружность жены Петру очень импонировала, и почему-то с еврейским племенем никак не ассоциировалась. Царь не мог нарадоваться на «свет-Екатериноушку» и заказывал ее портреты самым искусным художникам – Иоганну Генриху Ведекинду, Карелу де Моору, Григорию Мусикийскому и др. Но далеко не все портреты принимались

с восторгом и благодарностью. Вот французский живописец Людовик Каравакк возомнил, что полнота – достоинство русской женщины, а потому на его портрете дородность Екатерины нарочита и переходит в излишество. Или голландец Карел де Моор живописал царицу как грубоватую, не слишком молодую для своих тридцати трех лет даму. А вот ее парадный портрет, выполненный в Гааге в 1717 году французским рисовальщиком Жаном-Марком Наттье, – совсем другое дело! Монархиня предстает здесь в платье из серебряной парчи; на ней горностаевая мантия, крытая малиновым бархатом, лента и звезда ордена Святой Екатерины; на темных волосах золотая диадема с крупным жемчугом и рубинами. Здесь искусно скрыта излишняя полнота, которой отличалась Екатерина, зато подчеркнуто присущее ей обаяние и миловидность. Неудивительно, что портрет очень понравился Екатерине, и она тут же отослала его Петру, который был настолько очарован, что сразу же заказал с него копии лучшим голландским и французским граверам.

Нелишне также отметить, что серьезные историки говорят о смешанном прибалтийско-славянском этническом типе внешности Марты-Екатерины. Американский исследователь Фил Стонг аттестует ее натуральной блондинкой (волосы она потом чернила), невысокого роста, широкоплечей, полной, коренастой, с широко расставленными глазами.

Любой портрет, каким бы точным он ни казался, – это, в отличие от фотографии, всегда преображение и украшение оригинала, который сокрыла от нас завеса столетий. Но Юрий Магаршак пишет так, будто Екатерину видел живьем и лично наблюдал, как злонамеренный художник – лакировщик действительности – изменил черты ее якобы семитического лица. Как иначе следует понимать слова автора о том, что на официальных портретах нос императрицы «спрямлялся»? Откуда сведения, что Марта-Екатерина горбоносая? Из каких исторических источников почерпнуто? Да нет таковых! Интересно, что тонкий знаток русского XVIII века, историк-документалист Михаил Семевский дает такое описание внешности царицы: «Роскошная черная коса убрана со вкусом; на алых полных губах играет приятная улыбка; черные глаза блестят огнем, горят страстью; *нос слегка приподнятый*; высоко поднятые брови; полные щеки, горящие румянцем, полный подбородок, нежная белизна шеи, плеч, высоко поднятой груди». И становится ясно, что горбоносой первая русская императрица становится исключительно по прихоти Юрия Магаршака. Уж очень ему хочется, чтобы она была еврейкой – любой ценой! В данном случае, путем вымысла и весьма сомнительных доказательств. Тем печальнее, что абсурдную версию о еврействе Екатерины I повторил 24-11.14 президент Института Ближнего Востока авторитетный Евгений Сатановский в телеэфире программы «Познер». Но может быть, довольно объявлять евреями всех, кого ни попадя?! Тем более что коронованная щеголиха Екатерина, женщина малообразованная и распутная, никакому народу славы не прибавит. Да и не нужна вовсе еврейскому народу чужая слава.

Анна Иоанновна и евреи

I. Бироновщина или липмановщина?

Царствование императрицы Анны Иоанновны (1730-1740), племянницы Петра Великого, называют иногда временем засилья инородцев. Процитируем Василия Ключевского: «Немцы посыпались в Россию, как сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении... Бирон с креатурами своими ходил, крадучись, как тать, позади престола». С легкой руки словесников XIX века правление Анны получило название – Бироновщина, по имени фаворита императрицы. И хотя видные российские историки (Сергей Соловьев, Александр Каменский, Евгений Анисимов) убедительно показали, что никакой особой «немецкой партии» при Дворе вовсе не существовало, тезис о злокозненных русофобах продолжает муссироваться.

Однако некоторые исследователи считают, что ту эпоху следовало бы именовать не Бироновщина, а Липмановщина, поскольку среди лиц, приближенных к фавориту, находился влиятельный еврей-банкир Леви Липман. По версии Александра Солженицына, изложенной в его книге «Двести лет вместе», Бирон якобы «передал ему [Липману – Л.Б.] все управление финансами» и «обращался к нему за советами по вопросам русской государственной жизни». Иные мемуаристы идут еще дальше, утверждая, что и Бирон, а заодно и покровительствовавшая ему Анна Иоанновна, были марионетками в ловких руках сего кукловода, который-то и правил Россией. Спорное, мягко говоря, утверждение! Нам остается, следуя историческим фактам, показать действительное положение дел.

Вортман А.Х. Портрет императрицы Анны Иоанновны. 1740 г.

Анна была дочерью старшего брата Петра, слабоумного Ивана. Воспитывалась она в подмосковном Измайлово. Ее мать, богомольную царицу Прасковью, отличала неукротимая тяга к роскоши. При ней одних только стольников было 263 человека, а многочисленная челядь из нищих молебщиков и калек, одетая из рук вон плохо, особенно ярко подчеркивала пышность наряда царицы и ее ближнего круга (Петр I в сердцах назвал ее Двор: «гошпиталь уродов, ханжей и пустословов»). И в родительском дворце в Петербурге (на его содержание выделялось ежегодно 24,5 тысяч рублей), куда семейство вдовой Прасковьи переехало в 1708 году по настоянию Петра, Анна везде была окружена сказочным богатством. Ей, одной из последних царевен, были свойственны и суеверие, и набожность, и патриархальные старомосковские привычки, правда, в значительной мере смягченные новшествами царя-реформатора Петра. Анна стала первой в чреде августейших невест, сочетавшейся по государственным конъюнктурам династическим браком с «полезным» иностранцем – герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом. Свадьбу закатили знатную – в роскошном дворце светлейшего князя Александра Меншикова. Звенели задравные кубки, гремели пушки после каждого тоста, горели над фейерверками слова, обращенные к молодым: «Любовь соединяет!»

Но молодой муж в январе 1711 года скоропостижно скончался от перепоя, и Анна, теперь новоиспеченная герцогиня Курляндская, переселилась в Митаву. «Любит пышность до чрезмерности», – говорили о ней. И Анна бомбардировала Петербург письмами, вопия о скудости материальных средств. Среди адресатов были и Петр, и Меншиков с домочадцами, и влиятельный вице-канцлер Андрей Остерман. Но более всего курляндская вдова одолевала просьбами «матушку-тетушку» царицу Екатерину Алексеевну: «Принуждена в долг больше входить, а, не имея чем платить, и кредиту не буду нигде иметь».

Анна лукавила: как заметил Сергей Соловьев, на самом деле, «в Курляндии жаловались на сильную роскошь, которою отличался Двор герцогини-вдовы». Фридрих Вильгельм Берхгольц в 1724 году зафиксировал, что каждую неделю у Анны бывают по два куртага; Двор же ее состоит из обер-гофмейстера, шталмейстера, двух камер-юнкеров, русского гоф-юнкера и многих придворных служителей. Между прочим, царь посчитал придворный штат герцогини «весьма раздутым» и дал нагоняй обер-гофмейстеру Петру Бестужеву, повелев очистить Курляндский Двор от «дармоедов».

Недоброхоты говорили, что Анна излишне толста и «престрашного вида». Но даже если они и сгустили краски, ясно, что не на ее женские прелести, а на герцогскую корону и курляндскую роскошь позарился в 1726 году известный ловелас и авантюрист, незаконный сын короля польского Августа II Мориц Саксонский, искавший ее руки. «Война и любовь», – говорит о нем историк Петр Щербальский, – сделались на всю жизнь его лозунгом, но никогда над изучением первой не ломал он слишком головы, а вторая никогда не была для него источником мучений: то и другое делал он шутя, зато не было хорошенькой женщины, в которую бы он не влюбился бы мимоходом». Этот галантный повеса и сердцеед, скитавшийся по европейским дворам, сумел тогда обаять не только курляндское шляхетство, но и вдовую герцогиню. Анна настолько им пленилась, что «умоляла с великою слезною просьбою... [исходатайствовать] у императрицы утверждение Морица герцогом и согласие на вступление с ним в супружество».

Тогда-то в Митаве и состоялась встреча герцогини с эмиссаром Екатерины I, «крещеным жидом» обер-полицмейстером Антоном Дивьером, вызвавшим у нее самые враждебные чувства. Дивьер был направлен туда с важной миссией – убедить местное дворянство отказаться от избрания Морица герцогом, что было противно государственным интересам империи. И Антон в точности исполнил монаршую волю. Он отправился в Митаву сразу же после возвращения оттуда Меншикова, чья миссия в Курляндии с треском провалилась: восхотев сам стать герцогом, светлейший действовал оскорблениями и угрозами, чем восстановил против себя всю местную знать. Потому, дабы исправить положение, Дивьеру надлежало действовать тонко и умно. Мориц Саксонский предложил ему десять тысяч экю за содействие его браку с Анной. «Все мое предшествующее поведение может служить доказательством, что я неспособен не только за несколько тысяч рейхсталеров, но и за сокровища всего света сделать хотя самое малейшее отступление от поручения, возложенного на меня инструкцией моей всемилостивейшей государыни», – с достоинством отвечив Дивьер. Этот еврей проявил себя как талантливый дипломат, что в сочетании с его бескорыстием оказало неоценимую услугу российской короне. Но, конечно, Анна затаила на человека, который разлучил ее с женихом, жгучую бабью обиду. Впоследствии, став императрицей, она ему это припомнит.

Почвенник Анатолий Глазунов утверждает, что в Курляндии Анну окружали лишь «немцы да жида». Что до евреев, то публицист явно преувеличивает. В окружении новоиспеченной герцогини иудеев не обнаруживается вовсе. Да и откуда было им взяться? Еврейская община возникла в Митаве только в начале XVIII века, и сыны Израиля проживали в крае на полуполюгальном положении. Местные ландтаги то и дело издавали постановления об изгнании их из Курляндии под страхом внушительного штрафа. Но знать и бюргеры саботи-

ровали исполнение указов, ибо были крайне заинтересованы в евреях, которые продавали их сельскохозяйственную продукцию, поставляли им предметы роскоши, гнали водку и арендовали корчмы. В результате к 1730 году в городе проживали несколько сот иудеев, и даже было учреждено погребальное общество «Хевра Кадиша». Однако низкий социальный статус евреев никак не располагал к общению с ними, и едва ли таковое было возможно.

Впрочем, из всякого правила есть исключение: ее камер-юнкер и сердечный друг Эрнст Иоганн Бирон, желая потрафить охочей до роскоши Анне, в бытность в Петербурге по делам герцогства свел знакомство с финансовым воротилой, некрещеным евреем Леви Липманом. Он был придворным евреем герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха – отпрыска шведских королей. Хотя еврейская община в Голштинии была не слишком многочисленна и не все города проявляли к иудеям одинаковую толерантность (в Киле и Любеке, к примеру, евреям жилось хуже, чем во Фридрихштадте, Глюкштадте и Ренсбурге), сам Карл Фридрих национальными и религиозными фобиями не страдал и услугами евреев-финансистов пользовался охотно.

Да что Карл Фридрих! Без придворных евреев не обходился тогда ни один европейский венценосец. Сыны Израиля занимали высокие посты и рядились в пышное платье, словно опровергая слова из известной песни Александра Галича: «Ах, не шейте вы евреи, ливреи!». Обладая аналитическим умом и предприимчивостью, «еврей в ливрее» обычно служил своему государю как финансовый агент, поставщик драгоценностей и ювелирных изделий, главный квартирмейстер армии; он начальствовал над монетным двором, открывал новые источники дохода, заключал договоры о займах, изобретал новые налоги и т. д. При этом еврей-финансисты Вены, Гамбурга и Франкфурта были тесно связаны с банкирами и агентами Амстердама, Гааги, Лондона, Парижа, Венеции, Рима, Варшавы и т. д.

Соколов И. А. Портрет герцога Э.И. Бирона

Что до Карла Фридриха, то император Петр Великий связывал с этим претендентом на шведский престол, насущные геополитические интересы империи, прочил ему в жены свою дочь, а летом 1721 года радушно принимал его в России. Его высочество прибыл в Московию со своей свитой, в коей были и придворные Моисеева закона, получившие специальное (!) разрешение въехать в страну как сопровождающие такую августейшую особу. Первое упоминание о Леви относится именно к этому времени. Голштинский камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Берхгольц в своем «Дневнике» от 23 июня 1721 года сообщает о своей остановке на пути в Петербург в известном трактире Красный Кабачок, что в 15 верстах от города. «Вскоре после меня, – продолжает он, – приехал туда же с почтою из Ревеля *наш еврей* Липман и немедленно отправился дальше». Пребывание герцога в России затянулось на долгих шесть лет: он сочетался браком со старшей дочерью императора, цесаревной Анной Петровной, стал членом Верховного тайного совета. И именно благодаря своему патрону Липман обрел в этой стране полезные связи.

Когда со смертью Екатерины I поддержка притязаний Карла Фридриха на шведский престол ослабела, он утратил какое-либо влияние в России и был вынужден летом 1727 года убраться восвояси в свою Голштинию, Леви заслужил благосклонность императорского Двора и остался в Петербурге. Примечательно, что согласно указу, подписанному Меншиковым 26 июня 1727 года, «еврею Липману» было выплачено бооо рублей «за сделанные три кавалерии (ордена) Святой Екатерины с бриллиантами». Через Липмана юному Петру II и его августейшей сестре Наталье Алексеевне доставлялись баснословно дорогие перстни и «разные золотые и серебряные с бриллиантами вещи». Леви признавали и авторитетным

знатоком ювелирных изделий: после кончины цесаревны Натальи Алексеевны именно ему было поручено оценить все оставшиеся после нее драгоценности.

Историк Мендель Бобе в книге «Евреи Латвии» (2006) утверждает, будто бы Липман достиг у Анны такого фавора, что «управлял всеми финансами герцогства». Более логичной представляется нам версия авторитетного историка Юлия Гессена: герцогиня тогда сильно нуждалась в деньгах, а Липман имел возможность быть ей полезным. Ублажая курляндскую вдовушку, он пустил в ход все мыслимые и немыслимые связи в денежном мире, целую сеть финансовых агентов Старого Света; баловал ее, чем мог – перстнями и ожерельями из Голландии (там его соплеменники монополизировали гранение и торговлю бриллиантами), золотыми и серебряными украшениями. Встречи с ним были Анне в радость.

Во время пребывания в Северной Пальмире, куда Анна нередко наезжала из своего медвежьего угла Европы, она свела знакомство еще с двумя приметными крещеными евреями. И оба они под конец царствования «батюшки-дядюшки» Петра I подверглись жестокой опале по наветам Меншикова. Вице-канцлер Петр Шафиров, блистательный дипломат, сумевший в очень трудной ситуации заключить необходимый для России мирный договор с Турцией и ставший одним из самых знатных лиц в империи, был, тем не менее, лишен имущества, чинов и орденов и приговорен к казни, замененной «смилоствившимся» царем ссылкой в Новгород. Там он содержался под «крепким караулом», и ему со всей семьей отпускалось на содержание всего 33 копейки в день.

Еще один знакомец Анны – «португальский жид» Ян Лакоста, любимый шут Петра, немало ее забавлявший. Нравились его комичные ужимки, как рожи корчил и в оленьи шкуры облачался, играя роль самоедского короля. Но злость ее брала, когда тот нахально дерзил, резал правду-матку, пытался образованность свою показать, ведя с государем скучные богословские дебаты. Вот кабы она была царицей, то вразумила бы дурака, научила, как правильно шутить надобно. Впрочем, Лакоста дошутился до того, что был обвинен в «преступной связи» с вице-канцлером Шафировым и в 1723 году сослан в сибирское село Воскресенское (ныне Каслинский район Челябинской области). По счастью, и Шафирова, и Лакосту вернула из ссылки вступившая на престол «тетушка» Екатерина I. Шафирову были возвращены регалии и часть конфискованного имущества, в 1725-1727 гг. он (хотя и был понижен в чине) занимал пост президента Коммерц-коллегии. Вдобавок ко всему, по проiscaм того же Меншикова, был бит кнутом и отправлен в холодную Якутию, в Жиганское зимовье, что в 9000 верстах от Петербурга, «разлучник» Антон Дивьер. Он продолжал томиться там и в царствование Петра II. Не у дел при этом малолетнем императоре оказался не только Шафиров, но и Лакоста, имени которого мы не встречаем ни в одном из документов того времени.

После скоропостижной смерти юного Петра II Анна, призванная на царство решением Верховного тайного совета, приехав в Москву, тут же порвала подписанные ранее ущемлявшие ее власть «Кондиции» и стала самодержавной российской императрицей. Князь Михаил Щербатов дал ей такую характеристику: «Ограниченный ум, никакого образования, но ясность взгляда и верность суждения; постоянное искание правды, никакой любви к похвале, никакого высшего честолюбия, поэтому никакого стремления создать великое, сочинять новые законы; но определенный методический склад ума, любовь к порядку, забота о том, чтобы не сделать что-нибудь слишком поспешно, но посоветовавшись со знающими людьми; желание принять самые разумные меры, достаточная для женщины деловитость и любовь к представительству, но без преувеличения».

Бытует мнение, что Анна испытывала к иудеям стойкую неприязнь. Однако подтверждений сему не находится, хотя воспитанная в догматах св. Предания, эта цесаревна, казалось бы, не могла не испытывать брезгливый страх перед басурманами, а уж тем более – перед «врагами Христовыми», об изуверстве и каверзах коих только и вещали святые отцы

Церкви. Не знаем, насколько глубоко сии проповеди укоренились в ее душе, но вот затейливые сказания бахарей, кликушества юродивых и прорицателей были затвержены Анной еще с детства, протекшего под сенью подмосковного Измайлова.

И по отношению к евреям на раннем этапе царствования Анна ставит во главу угла экономические интересы страны, потому проводит политику скорее осторожно-прагматичную, не столь суровую, как в прежние времена. Достаточно обратиться к постановлениям той поры, чтобы увидеть тенденцию к ослаблению законодательных препон для евреев. При фактическом всевластии Меншикова въезд в Россию иудеям был заказан; в 1728 году, при Петре II, было разрешено «допущение евреев в Малороссию, как людей, полезных для торговли края», правда, с оговоркой, «лишь на время», и что они могут торговать только оптом («гуртом»). При Анне же это право в 1731 году было распространено на Смоленскую губернию. А в 1734 году вышли еще два «мягких» именных указа о разрешении евреям торговать и в розницу на ярмарках, по причине малочисленности «купецких людей» в Слободских полках и Малороссии. Речь опять шла о «временном посещении» евреями России, но, как отметил Александр Солженицын, «конечно, временное посещение стало превращаться в постоянное пребывание», и власти фактически закрывали на это глаза.

Приветила императрица и нескольких выкрестов, которых приблизила к себе. Вновь востребованным оказался Петр Шафиров. К его помощи прибегают для создания анти-турецкой коалиции. Он получает назначение в Персию в качестве полномочного посла (1730-1732), где подписывает так называемый Рештский договор между Россией и Персией о совместных военных действиях против Оттоманской Порты. В 1733 году он пожалован в сенаторы, опять назначен президентом Коммерц-коллегии и оставался на этом посту до конца жизни; в 1734 году участвует в заключении торгового договора с Англией, а в 1737 году – Немировского трактата.

Анна страсть как любила шутовство и приобрела Яна Лакосту к команде своих придворных забавников. В новых условиях престарелый паяц, однако, был вынужден мимикрировать. Ведь если при Петре шутам поручалось высмеивать предрассудки, невежество, глупость (а подчас они обнажали тайные пороки придворной камарильи), то у Анны они стали просто бесправными потешниками, которым запрещалось кого-либо критиковать или касаться политики. Теперь вся шутовская кувыр-коллегия подчеркивала царственный сан своей хозяйки – ведь шуты выискивались теперь все больше из титулованных фамилий (князь Михаил Голицын, князь Никита Волконский, граф Алексей Апраксин), а также из иностранцев (Педрилло, он же Пьетро Мира). Остроты шутов отличались редким цинизмом и скабрешностью. Монархиня забавлялась, когда они, рассевшись на лукошках с куриными яйцами, начинали по очереди громко кукарекать. Ей были любы самые низкопробные выходки придворных паяцев – чехарда, идиотские гримасы, побоища. «Обыкновенно шуты сии, – писал мемуарист, – сначала представлялись ссорящимися, потом приступали к брани; наконец, желая лучше увеселить зрителей, порядочным образом дрались между собой. Государыня и весь двор, утешаясь сим зрелищем, умирали со смеху».

Впрочем, Лакоста, этот любимый шут Петра I все равно выделялся на фоне других забавников Анны Иоанновны: как отмечал ученый швед Карл Верк в своих «Путевых заметках о России», среди всех шутов монархини «только один Лакоста – человек умный». И он, надо думать, весьма потрафлял императрице – недаром был награжден специальным шутовским орденом св. Бенедетто, напоминавшим своим миниатюрным крестом на красной ленте орден св. Александра Невского. Орден сей «был покрыт красной эмалью с маленькими отшлифованными драгоценными камнями вокруг». В конце концов, Лакоста стал любимцем и императрицы Анны, и даже титул самоедского короля, пожалованный шуту Петром, она охотно подтвердила. А в 1735 году под водительством Лакосты состоялось карнавальное действие – «аудиенция самодей» у императрицы. Сообщается, что «шут Лакоста разыгры-

вал роль важной особы при представлении самоедских выборных и, выслушав их приветствие, в старинной одежде московского двора... сыпал серебро пригоршнями из мешка, с тем, чтобы для большей потехи государыни, смотревшей на шутовскую церемонию, самоеды, бросившись собирать деньги, потолкались и подрались между собою».

Монархиня распорядилась назвать именем Лакосты фонтан в Летнем саду и на фонтане установить каменную скульптуру любимого шута в натуральную величину. По сведениям петербургского археолога Виктора Коренцвига, строительство фонтана начал осенью 1733 года мастер Поль Сваль, а в 1736 году водомет уже задорно бил, омывая струями это изваяние. Что это как не знак особого благоволения! Фонтан этот будет разобран позже, уже в царствование Елизаветы.

И еще один еврей снискал милость Анны – в 1731 году, по рекомендации известного нидерландского врача Германа Бургаве, на русскую службу определяется потомок португальских марранов, доктор Антонио Нуньес Рибейро Санчес. Поначалу он обучал медицине русских фельдшеров, повитух и фармацевтов в Москве, а затем служил в военном ведомстве и «не малое время находился при войсках, с которыми неоднократно бывал в походах». Позже перебрался в Северную Пальмиру, где практиковал при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Талант и мастерство Санчеса обратили на себя внимание начальства, и Анна призвала его ко Двору и сделала своим лейб-медиком. Он часто пользовал императрицу, особенно во время ее обострившейся мочекаменной болезни.

Но жаловала императрица не всех крещеных евреев. Она помнила зло, и участь опального Дивьера, разрушившего ее брак с Морицем, облегчить не спешила. Лишь на закате царствования она смиростивилась и в апреле 1739 года издала указ о его назначении командиром вновь отстраивавшегося Охотского порта. И хотя сей новоявленный начальник, со свойственной ему энергией и порт достроил, и снаряжение экспедиции Витуса Беринга организовал, и мореходную школу, превратившуюся впоследствии в Штурманское училище сибирской флотилии, основал, из ссылки его вернет только императрица Елизавета в 1743 году.

А вот для некрещеного еврея Леви Липмана при императрице Анне, казалось, наступил звездный час. По-видимому, при всех ее недостатках, эта монархиня была памятлива и на добро. Как заметил датчанин Педер фон Хавен, «как скоро императрица достигла престола, то в особенности наградила очень щедро некоторых купцов, которые именно решались давать деньги в заем». Одним из них был Леви. И думается, не вполне правы те историки, которые полагают, что он – ставленник исключительно Бирона, а Анна Иоанновна была к нему благосклонна только потому, что будто бы не решилась перечить своему фавориту и возвысила его протезе. В действительности императрица была снедаема самыми противоречивыми чувствами: ее религиозный антисемитизм утишила благодарность к Леви за его прежние услуги, а нетерпимость к басурманам разбилась о неукротимое стремление не отставать в роскоши от Дворов политической Европы. Итак, чаша весов склонилась в сторону «полезного» еврея Липмана. «Ее Двор великолепием превосходит все прочие», – говорили знатные иноземцы. И никто лучше Липмана не мог угодить самым прихотливым вкусам лакомой до роскоши русской монархини. Уже в первые годы ее царствования Липману «за взятые у него к высочайшему Двору» алмазные вещи, перстни, ордена императрицей заплачено сотни тысяч рублей.

В 1734 году происходит важное в жизни Липмана событие – иудей становится поставщиком Двора не только де факто, но и де юре, получив официальную придворную должность обер-гоф-комиссара, а в 1736 году – камер-агента. Историк князь Петр Долгоруков отмечает, что должности эти «были созданы специально для Липмана». На самом же деле все как раз наоборот: это Липман был создан для должностей, в коих так нуждался новообразованный русский Двор.

Надо помнить, что Анна Иоанновна приучила русскую знать жить по-европейски. Утверждая придворный штат со множеством новых чинов, по примеру немецких венценосцев, она не могла не видеть, что в Вене, Гамбурге, Франкфурте и даже у мелких курфюрстов – везде в услужении находятся придворные евреи. А иные вознеслись так высоко, что отстроили себе великолепные хоромы, закатывали такие празднества, кои сами августейшие особы посещать не брезговали, держали дома открытые столы, ездили цугом с лакеями на запятках и т. д. И при этом имели должности гоф-фактора, гоф-комиссара, обергоф-комиссара, камер-агента, а кое-кто из них даже дворянский титул заполучил. Нет, в России, конечно, тому не бывать, ибо евреям тут не то что жировать, но и жить заказано, но – так и быть! – пусть будет при ее Дворе один такой придворный жид, чтобы злые языки на Западе не судачили: дескать, в этой варварской Московии все не как у людей. Тем более, Липман был личностью небезызвестной: по его вексялям платили и в Вене, и в Мадриде. Европейские его агенты Билленбах, Симон, Ферман, Вульф по первому требованию спешили исполнить его финансовые поручения.

И вот, как и его сотоварищи-банкиры, Леви стал обер-гоф-комиссаром, камер-агентом и выполнял сходную работу. Он занимался и ювелирным делом, и переводом денег русским дипломатам для чрезвычайных нужд, и финансированием российской армии за границей; торговал вином и поташом, и даже ведал переговорами о найме на службу иноземной театральной труппы и специалистов-врачей и т. д. Это Липман финансировал постройку величественных барочных дворцов в Митаве и Рундале по проекту знаменитого Бартоломео Франческо Растрелли. Двор отпускал ему суммы все более внушительные. Достаточно сказать, что в одном только 1734 году он получил 95 000 рублей!

Каким же был обер-гоф-комиссар Липман? Трудно отыскать в исторической романистике описание фигуры более отталкивающей. Достаточно обратиться к внешности Липмана, какой ее живописует Иван Лажечников в романе «Ледяной дом» (1835), чтобы читатель мог проникнуться омерзением к этому персонажу: «Вытянутая из плеч голова Липмана, с ее полудиском рыжих волос, разбежавшихся золотыми лучами из-под черного соболя шапки, с раскрытою пастью, с дозорными очами, как бы готовыми схватить и пожрать свою жертву... Глаза его вцепились, как когти дьявола в душу». У него «бледное вытянутое лицо, взоры, бросающие от себя фосфорический блеск», «двигающиеся назад и вперед орангутановы уши», и он так улыбается «огромными своими губами, что в аде сонм зрителей, конечно, рукоплескал этой художнической архи-дьявольской улыбке». Нам, однако, почему-то не хочется рукоплескать писателю, давшему волю своему воспаленному воображению: ведь портретов гоф-комиссара не сохранилось, потому живописать его с натуры автор никак не мог и оказался в плену навязших в зубах юдофобских клише. (О трафаретных изображениях евреев в русской словесности XIX века существует обширная литература; среди наиболее ярких работ – исследования Савелия Дудакова, Габриэлы Сафран, Михаила Вайскопфа).

«Интриганом и канальей прекомплектной», «христопродавцем» величает Липмана герой повести Василия Авенариуса «Бироновщина», который «при имени придворного банкира Липмана, бывшего в то же время шпионом, наушником и ближайшим советчиком Бирона, сердито поморщился». «Графский жид», продувная бестия, кровосос, пекущийся только о собственной выгоде и окружающий себя такими же отвратительными «жуликами без роду и племени, алкавшими сребра и злата от России», – таким предстает Леви в романе-хронике Валентина Пикуля «Слово и дело» (1971). При этом Бирон хотя и восторгается финансовым гением еврея, помнит будто бы о свойственном Леви корыстолюбии. «Подлый фактор, – говорит он Липману, – наверняка знаю, что тебе известны еще статьи доходов, до которых я не добрался! Ну-ка, подскажи...»

Однако эти голословные обвинения и оскорбления в адрес гоф-комиссара в прах рассыпаются при обращении к историческому материалу. Примечательно, что отличавшийся

юдофобией испанский посол, герцог Иаков Франциска Лириа-и-Херика (он считал иудеев «народом грязным и свинским»), назвал Липмана «честным евреем», а такая похвала дорогого стоит! И правда, Леви всегда был готов протянуть страждущему руку помощи. В критический момент он поддержал, причем совершенно бескорыстно, начинающего ювелира, швейцарца Еремея Позье, когда тот задолжал кому-то немалую сумму и вздумал бежать за границу. Леви не только ободрил его и убедил остаться в России, но погасил его долг и предоставил выгодные заказы. По словам Позье, Липман будто бы сказал ему, что в России тот может «честно заработать весьма приличные деньги». Благодаря Леви, молодой ювелир стал лично известен Анне Иоанновне, и дела у него пошли. Есть свидетельства, что Липман слово свое держал крепко, в делах был надежен, и – это знали все! – на него всегда можно было положиться. Он знал счет деньгам и работу свою выполнял безукоризненно и точно в срок.

Между прочим, в случае с Позье проявилось еще одно свойство Леви – проницательность, дар распознавать людей. Ведь он поверил в молодого швейцарца, угадал в нем будущего любимого ювелира русских императриц, «Фаберже XVIII века», как его потом аттестовали.

Спешил Липман делать добро и попавшим в беду единоверцам. В 1734 году у шкловского еврея Кушнеля Гиршова некий поручик Бекельман и солдат Иванчин украли малолетнего сына, Верка. И вот последовал именной указ императрицы от 19 ноября – вернуть сына отцу и наказать похитителей. Вдумаемся в сам факт: в России действует закон о недопущении иудеев жить в империи, а императрица вдруг озаботилась судьбой какого-то там еврея (да где? – в захолустном белорусском местечке) и приняла в нем участие. И это исключительно заслуга Липмана: именно ему была потом отослана копия этого указа. Можно только догадываться, сколько дипломатии, такта да и смелости, употребил Леви, чтобы побудить самодержицу российскую помочь его злополучным соплеменникам!

Он, как и его европейские сотоварищи, ходатайствовал перед троном за своих единоверцев, и часто ему удавалось кое-что сделать. По словам современника, он получил разрешение от императрицы «держат при себе евреев, сколько ему угодно, хотя вообще им запрещено жить в Петербурге и Москве». А историк Лев Тихомиров утверждает, что благодаря Липману в столицах прочно укрепилась целая еврейская колония. Факты свидетельствуют о том, что фигура Леви стала своеобразным центром жизни иудеев, как это было принято и в Европе, где вокруг придворных евреев обычно группировалась религиозная община. Липман поддерживал тесные отношения, и не только коммерческие, но и приятельские, с откупщиком Ворохом Лейбовым. Известно, что тот жил в Москве, в Немецкой слободе, в доме «у золотаря Ивана Орлета». При этом Лейбов и его зять Шмерль, также житель слободы, выполняли обязанности резников при Липмане и его слугах, как и Авраам Давыдов, который был на это «благословлен от синагоги в польском местечке Копуст». Давид Исаков и Авраам Самойлов состояли приказчиками, а некий Файвеш – писарем Липмана, и все они проживали «у иноземши Болденши» и не таясь разгуливали по улицам Первопрестольной в «жидовском платье».

Правда и то, что Липман лоббировал дерзкие проекты и своих европейских соплеменников. Благодаря его протекции, в сентябре 1736 года бывший голландский колониальный чиновник «жид Симон Абрагам» был впущен в Северную Пальмиру и подал доношение в Сенат «об обысканной им Америке против острова Допага земле, которая де и поныне ни под чьим владением, где возможно коммерцию производить и оную населить». Речь шла о колонизации русскими острова Тобаго и сопредельной с ним земли на Американском континенте, богатых золотом, серебром, дарами фауны и флоры. Там правил туземный князь Юпитер Таривари, очень расположенный к бледнолицым. Хотя идея создать российскую базу на Тобаго показалась сенаторам интересной, но они убоялись, что это вызовет неизбеж-

ный конфликт с главными колониальными державами – Испанией и Англией, посему от нее отказались. Между тем, колонии в той части мира основывали все, кому не лень, не только испанцы и англичане, но и шведы, голландцы, датчане и даже курляндцы, потому отказ от колонии некоторые историки считают промахом тогдашних властей России.

Некоторые историки утверждают, что Липман якобы «опутал империю грязными сетями»: «Самые высокопоставленные и влиятельные лица старались угодить этому фавориту [Бирона], который не раз отсылал людей в Сибирь по капризу. Он торговал своим влиянием, продавал служебные места, и не было низости, на которую он не был способен». Но подтверждений этому нет никаких.

Несомненно, однако, что еврейский вопрос был для Леви весьма чувствительным. О действительной же его роли в государственной политике можно судить по его влиянию Липмана на общее положение его единоверцев в России. Надо признать, что это влияние было очень не велико. Не говоря уже о том, что иудеям в то время возбранялось жить в России, в 1737 году произошло событие, крайне отяготившее положение всех сынов Израиля. Был дан ход делу о «сворачивании отставного капитан-поручика Александра Артемьева сына Возницына в жидовскую веру откупщиком Ворохом Лейбовым», возбужденному по доносу постылой жены Возницына, Елены Ивановны. Как мы покажем, на самом же деле «вина» Лейбова состояла лишь в том, что он, видя твердое желание Возницына принять еврейство, не отказал неопытному в настойчивой просьбе и помог совершить гиюр. Семидесятипятилетний иудей был обречен на мученическую смерть. Леви, конечно, не мог предотвратить казни, но сделал все возможное и невозможное, чтобы облегчить участь товарища и своего добился – избавил Лейбова от дыбы и пыток.

Как отметил авторитетный английский историк Джон Д. Клиер, паническая боязнь прозелитизма побудила российские власти теперь уже энергично, и без всякого снисхождения бороться с иудеями. По следам суда и казни над «преступниками» Сенат в 1739 году предписал выслать всех евреев из Малороссии, и только по представлению Генеральной Войсковой Канцелярии распоряжение это было отсрочено до окончания войны с Турцией. По окончании же войны, в июне 1740 года, последовала резолюция монархини о приведении в исполнение означенной меры, в результате чего с Украины приказали выдворить в общей сложности 573 евреев, проживавших в 130 частных поместьях.

Правда, и с сим распоряжением мешкали, и кое-кто из малороссийских евреев успел спрятаться и уцелел, в чем опять-таки видят руку «всесильного» Липмана. Но очевидно, что придворный еврей тут вовсе не при чем, а виной всему как головотяпство местных властей, так и заинтересованность помещиков в толковых арендаторах.

О том, что реальной силы и влияния в еврейском вопросе Леви не имел, свидетельствуют и действия Бирона в Курляндии, где он был «своя рука – владыка». Показательно, что 3 июля 1738 года, а затем 4 июля 1739 года последовали постановления о том, чтобы все без исключения евреи, уплатив налоги, покинули герцогство ко дню св. Иоанна, то есть к 8 марта 1740 года. А помещикам, укрывающим их у себя, пригрозили немалым денежным штрафом! И это в то время, когда Липман был фактическим министром финансов Курляндии! После этого как-то слабо верится в то, что Бирон «следовал только тем советам, которые одобрит жид Липман».

Утверждают, что Липман и Бирон были связаны самым теснейшим образом. Но близость их, на наш взгляд, не столь бесспорна. Ведь Леви был отнюдь не единственным кредитором герцога: Бирон испытывал постоянную нужду в деньгах и занимал их у кого угодно (даже у своего камердинера). И богатеи, к евреям никакого отношения не имевшие, ссужали временщика куда большими суммами, чем наш гоф-комиссар.

Едва ли Липман, как утверждается, сам был наушником герцога и дворец опутал сетью своих шпионов. Говорят, он предупредил своего патрона о готовившемся против

него заговоре и перевороте. Драматург Николай Борисов в своей исторической комедии «Бирон» (1899) рисует подобную сцену, где временщик отвечает на такое предостережение с ужасающим немецким акцентом: «Полни вздор болтай... Ах, Липман! У каво поднелсьи штоб рука на мой особ?» Однако подобная беспечность как-то не вяжется с приписываемыми герцогу излишней осторожностью и подозрительностью. Современники-мемуаристы свидетельствуют: когда ночью 9 ноября 1740 года 80 гвардейцев ворвались в опочивальню Бирона с целью его ареста, ошарашенный герцог истошно закричал: «Караул!» Ясно, что низложение регента явилось для того полной неожиданностью.

И вот еще что примечательно: после опалы Бирона его якобы ближайшего клеветника Липмана почему-то никто не тронул. Между тем, пришедшая на смену регента Бирона правительница Анна Леопольдовна расправилась со всем окружением герцога. Когда же в иностранных газетах появились вести об отставке финансиста, столичные «Санкт-Петербургские ведомости» от 13 января 1741 года их опровергли. «Обер-комиссар, господин Липман, – сообщила газета, – коммерцию свою по-прежнему продолжает и при всех публичных слушаниях у здешнего Императорского Двора бывает». Правда, некоторые историки говорят, что Леви якобы потому сохранил свое положение при регентше, что сообщил ей, где находятся капиталы низложенного Бирона. Но это явный абсурд, ибо известно, что сам Липман так и не смог получить от Бирона крупную сумму, которую тот ему задолжал. Причина «непотопляемости» Леви совсем в другом – венценосцы остро нуждались в его услугах. Достаточно сказать, что за год правления Анны Леопольдовны Брауншвейгская фамилия приобретает через посредничество еврея бриллиантов и ювелирных изделий на сумму более полторы сотни тысяч рублей.

К концу царствования Анны Иоанновны отношение ее к евреям стало настороженным и враждебным (хотя «дежурного еврея» Липмана она все еще терпела). Документальных свидетельств на сей счет не находится, но Валентин Пикуль, которому нельзя отказать в бытописательской точности, изображает выплеск ее юдофобских настроений весьма натурально. Лейб-медика Антонио Рибейро Санчеса она называет не иначе как «христопродавцем». «Ну, жид! – сказала ему Анна Иоанновна, до подбородка одеяла на себя натягивая. – Смотри мое величество... Но одеяла снять не давала: – Ты так меня... сквозь одеяло смотри... Твое счастье, что я больна лежу. А то бы показала тебе... Пиши рецепт, гутнявец такой!.. Чтобы я, самодержица всероссийская, тебе жопу свою показывала? Да лучше я умру пусть, но не унижусь!» Но униженным предстает здесь крещеный еврей Санчес, которому пеняли на его «иудину породу».

Свадебный кортеж направляется в Ледяной дом. Гравюра XVIII века

Апофеоз Аннинского царствования, его венец и слава – это свадьба шута Михаила Голицына и шутихи Авдотьи Бужениновой в знаменитом Ледяном доме зимой 1739-1740 годов. То было первое в истории России яркое красочное интернациональное празднество. Императрица повелела губернаторам всех провинций к этому событию прислать в Петербург по несколько человек «не гнусного вида» обоего пола. «Сии люди по прибытии своем в столицу были одеты на иждивении ее Двора каждый в платье своей родины». Посланцы населявших Российскую империю народов и племен ехали на санях, запряженных оленями, волами, свиньями, козлами, ослами, собаками и даже верблюдами. Они играли на народных «музыкалиях», а затем ели каждый свою национальную пищу и залихватски плясали свои туземные пляски. Этнографическая пестрота костюмов призвана была продемонстрировать огромность могущественной империи и процветание всех ее разноплеменных жителей. Пиит Антиох Кантемир назвал императрицу Анну «Матерью народов». А Василий Тредиаковский возгласил: «Торжествуйте все российские народы, у нас идут золотые годы!».

Но стоит ли удивляться, что «золотые годы» – это не про иудеев сказано, и в том шумном празднике племен не слышалось идишского говора, не было зажигательных еврейских танцев? А все потому, что евреев в России вроде бы как и не было вовсе, точнее, не надлежало быть. И неважно то, что и вид их был «не гнусен», и число их в империи значительно превышало количество аборигенов какого-нибудь северного племени – терпеть в Отечестве «врагов Христовой веры» строго возбранялось законом...

Совсем скоро истает Ледяной дом, отшумят бубны, цимбалы, гусли, бандуры, почит в Воле благонравная государыня Анна, и для иудеев в России под скипетром «веселой царицы Елизавет» наступят времена еще более лихие. Извлекут из архива и примут к руководству завет Меншикова: «Жидов в Россию ни с чем не впускать». Несмотря на всепоглощающую страсть к роскоши, прагматизм отступит, и все евреи будут заклеены «имени Христа Спасителя ненавистниками», получать «интересную прибыль» от которых новая монархиня объявит делом недостойным и презренным. Первым делом прогонят со Двора Липмана вкупе со всеми его финансовыми агентами, да и сами должности гоф-комиссара и камер-агента упразднят, потому как Ее Величество не соизволяет «иметь на Своей службе ни одного жида». А затем грянет указ о немедленном удалении из России всех иудеев.

А пока в веселой праздничной процессии шествовали «копейщик один, во образе воина, в самоедском платье», «самоеды, один мужского, а другой женского вида», и во главе

дикарей – отпрыск марранов Ян Лакоста, сокрывший свою «жидовскую породу» под оленьими шкурами.

II. «Казнить смертью и сжечь!»

Теплым петербургским летом 1738 года на фасадах домов и фонарных столбах города было заметно объявление: «Сего июля 15 дня, то есть в субботу, по указу Ея Императорского Величества имеет быть учинена над некоторым противу истинного Христианского закона преступником и превратителем, экзекуция на Адмиралтейском острове, близ нового гостиного двора. Того ради публикуется сим, чтоб всякого чина люди, для смотрения той экзекуции сходились к тому месту означенного числа по утру с 8 часа». «Преступником» был отставной капитан-поручик Александр Артемьевич Возницын (1701-1738), отрекшийся от православия, а «превратителем» – еврей-откупщик Борух Лейбов (1663-1738), якобы обративший его в иудаизм. И сих «беззаконников» надлежало «казнить смертью и сжечь».

Экзекуция состоялась в день Святого Владимира, когда дозволено миловать даже законенных убийц, но только не врагов Христовой веры. А для двоих приговоренных, дюжего русоголового мужчины и седовласого широкобородого старца, была Божественная суббота, а в этот день, как учит Тора, работать правоверным евреям возбраняется. Да и вообще (прав кенигсбергский раввин Лейб Эпштейн!), летом в этом Петербурге иудею жить просто невозможно – наступают белые ночи и поди попробуй разберись, когда утренняя, а когда вечерняя молитва. Однако ребе ни словом не обмолвился о том, позволительно ли еврею в сей Северной Венеции умирать! Вроде не упомянул об этом, а то, что прямо не запрещено, дозволяется. И вот сейчас, в субботу, они – слава Всевышнему! – заповеди не нарушают, ибо не трудятся вовсе, а только обреченно идут на эшафот, как на заклятие, под гиканье и улюлюканье толпы иноверцев. Причем русоголовый всячески ободряет широкобородого: «Борух, не торопись!» (на языке того времени это означало: не бойся, мол, Борух, не робей!).

Современный почвенник Анатолий Глазунов сетует на то, что рисунков сей казни не находится, и обвиняет русских художников в «постыдной трусости». По его же разумению, картина с изображением, «как сжигали жида-мясника и поганого капитана», должна быть вывешена на самом видном месте в Русском музее – на радость таким же, как он, лютым «патриотам» и в назидание всему крещеному миру! Однако в XVIII веке российские власти, хоть и относились к иудаизму несколько не лучше Глазунова, не пожелали громко заявить о предании огню «кошунников». Показательно, что газета «Санкт-Петербургские ведомости», внимательно читавшаяся при дворах Берлина, Парижа и Лондона, об этом скромно умолчала.

Некоторые историки пытаются представить аутодафе Возницына и Лейбова как беспрецедентный и чуть ли не единичный случай в России XVIII века. Между тем, в годы правления ортодоксальной Анны Иоанновны, строго каравшей всех религиозных отступников, сжигали заживо не столь уж редко. Так, в 1730 году сгорели «богохульники» солдат Филипп Сизимин и дворовый Иван Столяр; в 1736 году такой казни подвергся знахарь Яков Яров; а в одном только 1738 году в огне погибли 6 (!) человек. Оторопь берет от дела о сожжении татарина Тойгильда Жулякова, который, по словам доморощенных инквизиторов, «крестясь в веру греческого исповедания, принял снова магометанский закон и тем не только в богомерзкое преступление впал, но, яко пес, на свои блевотины возвратился и клятвенное свое обещание, данное при крещении, презрел, чем Богу и закону его праведному учинил великое противление и ругательство».

Чтобы представить себе, как сие могло произойти, перенесемся в Петербург 30-х годов XVIII века. До нас дошло описание одного аутодафе, свершившегося в 1736 году. Это свидетельство о сожжении двух злоумышленников оставил шотландский врач Джон Кук: «Каж-

дый мужчина прикован цепью к вершине большой, вкопанной в землю мачты; они стояли на маленьких эшафотах, а на земле вокруг каждой мачты было сложено в форме пирамиды много тысяч маленьких поленьев... Мужчины стояли в нижних рубашках и подштанниках. Они были осуждены на сожжение таким образом в прах... К пирамиде дров был поднесен факел, и поскольку древесина была очень сухой, пирамиды мгновенно обратились в ужасный костер... Мужчины умерли бы быстро, если бы ветер часто не отдувал от них пламя; оба они в жестоких муках испустили дух меньше чем через три четверти часа». Таков был обычный порядок.

Аутодафе на Руси. Гравюра

Какая же сила, какая злодейка-судьба раздула пламя костра, где погибли наши друзья-единоверцы? Как пришли они к смерти такой?

Они познакомились и душевно сблизились в 1736 году в Москве, где тогда жили, и часто вели жаркие споры о Боге и сотворении мира, обсуждали вечные вопросы смысла бытия. Ко времени судьбоносной для обоих встречи каждый из них прошел немалый жизненный путь.

Борух Лейбов был родом из Дубровны, польского местечка, что в 80 верстах от Смоленска, игравшего тогда заметную роль в общественной жизни евреев (здесь проходили совещания белорусского ваада). Он был успешным откупщиком, занимался в 1717-1722 годах таможенными и кабацкими сборами на Смоленщине, вел торговые дела в Москве, а также в Петербурге, частенько туда наезжая. Его поддерживал придворный еврей, финансист Леви Липман.

Израильский писатель Давид Маркиш в своей книге «Еврей Петра Великого, или Хроника из жизни прохожих людей» (2001) живописует Боруха тонким знатоком религиозных обрядов и ведущим пасхального седера. Он и в самом деле был вовлечен в жизнь религиозных евреев обеих столиц, вдохновителем и своеобразным центром которой был влиятельный «придворный жид Липман». Лейбов был весьма сведущ в духовной литературе, особенно в Торе, Талмуде и Махзоре. Кроме того, он выполнял обязанности шойхета (резника), что отчасти позволяет судить и о его моральных качествах: ведь согласно иудейской традиции, резник непременно должен быть человеком порядочным и богобоязненным.

г. Дубровна. Высокая синагога

Имя Лейбова встречается в русских документах с 1722 года. Именно тогда, 28 ноября, в Синод поступил извет от смоленских мещан Герасима Шилы и Семена Паскина. В нем говорилось, что со времени присоединения Смоленского края к России (а именно с 1654 года), «жидовская поганая вера искоренена была без остатка», но вице-губернатор князь Василий Гагарин самовольно допустил сюда евреев в кабацкие и таможенные откупа. Те размножились и «старозаконием своим превращают в жидовство христиан», заставляют их работать в воскресные дни и православные праздники, «отвращая от Церкви Божьей». Евреи будто бы продают мертвечину и «нечистые кушанья, не освященные молитвой», оскверняя тем самым простой народ. А один из супостатов, откупщик Борух Лейбов, ругался Христовой вере и до того обнаглел, что дерзнул построить в сельце Зверовичи «жидовскую школу» (синагогу) прямо рядом с церковью Николая Чудотворца. А когда тамошний священнослужитель отец Авраам «в строении школы в басурманской их вере укоризны чинил», Борух помянутого божьего пастыря «бил смертно и голову испроломил и, оковав, держал в железгах», а хотя потом и освободил, «от того жидова мучения священник одержим был болезнью, и, не освобождаясь от нее, умер».

В том же году был подан и другой донос на Лейбова, состряпанный отцом Никитой Васильевым и дьяконом Григорием Никифоровым, якобы жид Борух и его жена мучили булавками и иглами служившую у них крестьянскую девицу Матрену Емельянову, чтобы извлечь из нее «руды» – захотелось нехристям христианской кровушки!

Как отмечал историк Илья Оршанский, многочисленность преступлений, инкриминируемых Лейбову, «невольно вызывает сомнение в их действительности». И в самом деле, есть сведения, что служитель культа Авраам умер вовсе не от «жидова мучения», а от беспробудного пьянства. Что до прозелитской деятельности Боруха среди русских простолюдинов, то возможность ее исключает даже такой замшелый юдофоб, как Иполлит Люто-станский: «Религиозная пропаганда не слишком сродна и близка духу еврейского народа, – комментировал он этот эпизод, – непосредственное миссионерство чуждо иудеям». Обвинения же в кровавом навете и продаже мертвечины – это знакомые антисемитские клише,

заимствованные из соседней Польши и, по-видимому, приписанные доносчиками Лейбову, дабы отстранить от откупов удачливого конкурента.

Святейший Синод, между тем, отнесся к доносам самым серьезным образом и представил дело как крайне опасное. В этом может быть усмотрена традиционная вражда православного духовенства к иудеям – роду, по мнению многих попов, «строптивому и изуверному». Синод тут же распорядился построенную Борухом синагогу, «противную христианской вере», разорить до основания, а обретающиеся в ней «книги прелестного содержания» собрать и сжечь «все без остатку». Святые отцы обратились в Сенат, требуя расправиться со злокозненным Лейбовым, а также «разыскать со всяким прилежанием и истинно, какие противные благочестию от сих жидов пакости происходили». Настаивали они и на примерном наказании вице-губернатора Гагарина, который открыто сим «врагам Христовым» потворствовал. Старцы повелевали «учинить ко изгнанию из оной Смоленской провинции всех тамо обретающихся жидов за границы Российские», чтобы «никогда бы в тех странах, где православных жительство имеется, никакого пристанища и жительства им не было».

Сенат выполнил требование уничтожить синагогу и предать огню молельные книги (для сих целей в село Зверовичи был отряжен бравый капрал Степан Кочкин). Что же до пункта о поголовном выселении иудеев из Смоленска, то здесь сенаторы ослушались духовные власти и в деятельности вице-губернатора никакого криминала не усмотрели. Ведь еще царем Алексеем Михайловичем установлено было: всем лицам, в присоединенных от Польши областях проживавшим (и евреям в том числе), разрешено оставаться на прежнем месте. При этом и иудеи, осевшие там ранее, не подвергались ограничениям в правах жительства, торговли и промыслов в России. Потому донос, в коем говорилось о якобы незаконном их пребывании в крае, заключал в себе одну только ябеду на власти и в расчет принят не был.

Сам же обвиняемый Лейбов нашел себе защитника в лице влиятельного генерал-рекет-мейстера (он «ведал управлением дел челобитчиковых») Матвея Воейкова. Тот заявил, что Лейбов ему ведом, поскольку еврей этот приезжал иногда по важным казенным делам в Петербург. Воейков настолько расположился к Боруху, что взял его на поруки и тем самым спас от преследования.

Упоминают указ от 26 января 1725 года за подписью императора Петра Великого о лишении евреев откупов на Смоленщине. Однако подлинник этого указа не обнаружен; кроме того, даже если таковой и был, то подписан за два дня до кончины Петра, когда царь был уже прикован к постели и вполне очевидно, что за подобным указом стоял «полудержавный властелин» Александр Меншиков, антисемит самого непримиримого свойства.

Вполне вероятно, что именно Меншиков был вдохновителем дискриминационных анти-еврейских мер, предпринятых во времена правления Екатерины I. Кстати, именно по ее монаршему повелению от 14 марта 1727 года, из сельца Зверовичи предписывалось выслать всех иудеев, в том числе и Лейбова, за рубеж, а «сборы отдать на откуп всем, кроме жидов». Через полтора месяца последовал и другой ее именной указ от 20 апреля 1727 года об изгнании всех иудеев из Российской империи.

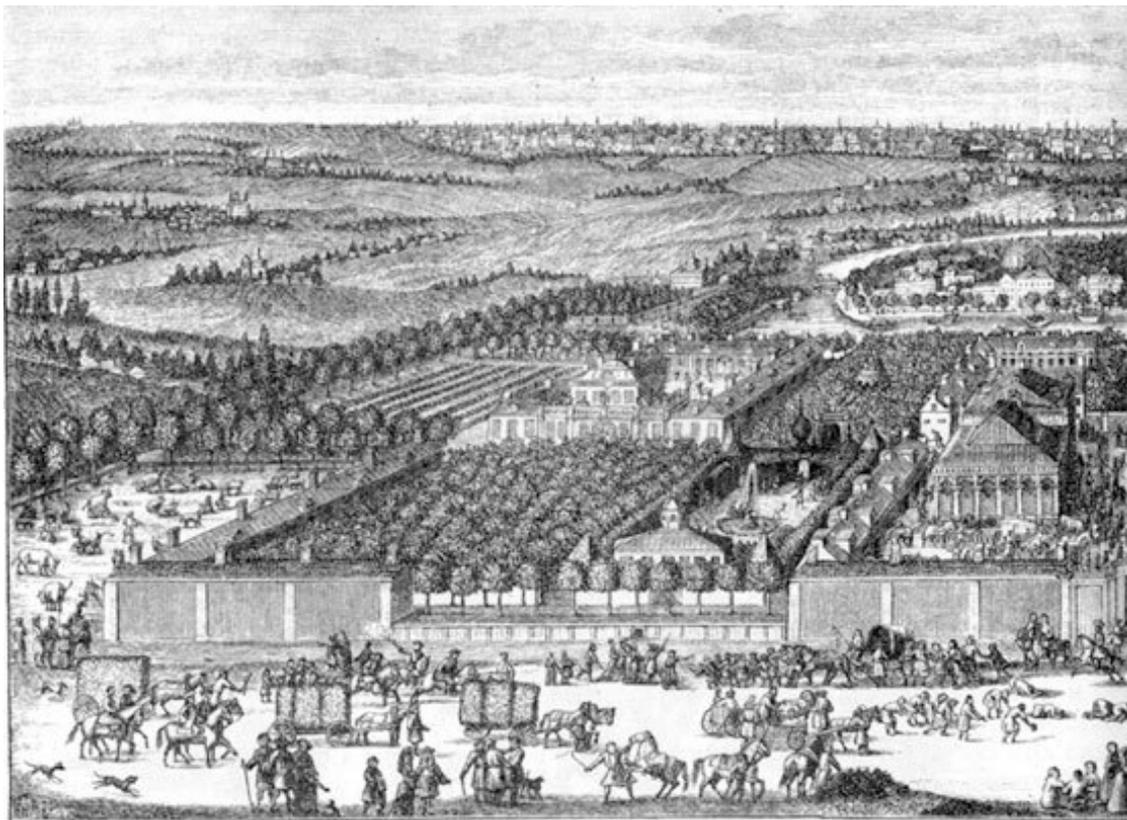
Неизвестно, оставил ли тогда Борух свою предпринимательскую деятельность на Смоленщине, только после падения «прегордого Голиафа» Меншикова положение евреев в империи несколько улучшилось. 22 августа 1728 года император Петр II разрешил им приезжать в Малороссию на ярмарки «для купеческого промысла». А вступившая затем на престол Анна Иоанновна 11 сентября 1731 года распространила это разрешение и на Смоленский край. В 1734 году евреям была позволена розничная продажа товаров, хотя (и это настоятельно подчеркивалось в указах) жить в России постоянно им по-прежнему возбранялось. Однако – вопреки всем запретам! – такое разрешение Лейбову испросил непотоп-

ляемый Леви Липман, и откупщик был как раз тем исключением, которое лишний раз подтверждало правило.

По своим торговым делам Лейбов часто бывал в Первопрестольной. Здесь-то он и встретил этого русского, замечательного тем, что тот вел разговоры исключительно о Боге и жадно интересовался догматами и обрядами иудейской веры. Звали его Александр Артемьевич Возницын, и был он отпрыском древней дворянской фамилии, внесенной во II часть родословной книги Владимирской губернии. Пращур рода Возницыных Путило был введом в Новгородской республике, где не боялись свободного слова, распространились ереси стригольников и «жидовствующих», спорили до хрипоты о Боге и сущности веры. Предки Александра торговали с заморскими странами, занимали выборные должности, а после падения Новгорода под натиском рати великого князя Ивана III перешли на службу к великому князю московскому. Наибольшую известность получил Прокопий Богданович Возницын – видный дипломат при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче, но особенно проявивший себя при Петре I, когда в составе «Великого посольства» 1697-1698 годов они под водительством императора колесили по Европе, выполняя важную государственную миссию. Возведенный Петром в должность думского советника, этот, по свидетельству современников, «высокий, грузный и необщительный человек... с неприятным лицом и важной осанкой», проявил настойчивость, твердость, изрядное упрямство в достижении целей, обладая при этом известной гибкостью и чувством юмора, иногда доходящим до сарказма. Его брат, отец нашего героя, Артемий Богданович, тоже какое-то время служил по дипломатической части, а затем стал дьяком Разрядного приказа и был не последним участником московской городской реформы.

Говорили, Александр и внешне походил на отца и дядю (высокий рост, стать, русые волосы, большие серые глаза), а еще его отличала особая возницынская «упрямка» – до всего дойти хотел своим умом, а коли доищется, на своем будет стоять и нипочем не отступит. Русской грамоте его обучал на дому словолитец Московской типографии Михаил Петров. Именно этот учитель заронил в нем и интерес к древнееврейскому языку, который знал и называл «святым», цитируя мальчику Ветхий завет: «Рече Господь к Моисею, рцы сыновом Израилевым вы есте речение церковное и язык святой». Петров рассказал ему и о 613 заповедях, которые сыны Израилевы старались неукоснительно исполнять. И в школе иноземца Густава Габе (открытой на кошт купца Франца Гизе), что в Немецкой слободе, куда попадает наш семилетний герой, он наряду с географией, историей, арифметикой, немецким языком и латынью постигает и начатки сего «святого» языка, и хотя не может читать по слогам, но литеры заучивает твердо.

Тринадцатилетним недорослем Александр был «написан» в Морскую Академию, о чем походатайствовал его шурин, муж сводной сестры Матрены, контр-адмирал Иван Синявин. Главное внимание уделялось в Академии математике, фортификации, навигации, геометрии, геодезии и прочим предметам, «до рисования и такелажа касающимся». Студенты должны были искуситься и в политесе – «друг к другу иметь всевозможное почтение и друг друга называть моим господином». Однако с «господ» здесь драли три шкуры, как с последних салажат: во время занятий у дверей класса стоял здоровенный дядька с хлыстом в руке, и того, кто урок не зазубрил, порол нещадно и непочтительно. Впрочем, успехов в учебных предметах Возницын не выказывал, ибо не лежала душа его к Нептунову ремеслу. Он получил тогда прозвание «неслух», поскольку лекции слушал вполуха, зато слыл завзятым книголюбом и домоседом. Круг чтения Александра не вполне ясен, но есть сведения, что книги он заимствовал из богатейшей библиотеки профессора математики, энциклопедически образованного Андрея Фарварсона (1675–1739)^c коим, несмотря на разницу в возрасте и положении, прятельствовал. Не исключено, что Возницын и последователь англиканства Фарварсон обсуждали вопросы религии и веры, всегда волновавшие Александра.

Де Витт Г. Немецкая слобода в конце XVII века

В отличие от отца и дяди, государственным человеком Александр Возницын не был. Он знал наверняка, что судьбой ему определена иная стезя, и службу воспринимал как несносное бремя, а подчас и откровенно ею манкировал. Окончив Морскую Академию, он в 1717 году был определен во флот гардемаринном, а в 1722 году был произведен в мичманы и принял участие в Низовом походе. В 1728 году, при императоре Петре II, он служил в Кавалергардском корпусе, куда был принят за благородное происхождение, стать и высокий рост, но при этом не только рвения не проявлял, но и к своим прямым обязанностям относился с прохладцей. Не леность тому причиной – просто другой закваски был этот человек, мыслями парил высоко. И пожелал всецело отдаться тому, что возвышало его душу, не пренебрегая для сей цели ничем и проявляя порой изрядную долю возницынской хитрости и упрямства.

В начале царствования Анны Иоанновны наступил, казалось, звездный час его карьеры: заслуженный вице-адмирал Наум Синявин добился назначения своего свойственника вторым капитаном пакетбота «Наталия». Но, управляя судном, Александр тут же посадил его на мель, демонстрируя тем самым полную свою несостоятельность. Похоже, он сделал это нарочно, чтобы освободиться от тяготившей его службы (ведь трудно все-таки предположить, что учеба в Академии не дала ему ровным счетом ничего). И в 1733 году по Высочайшему указу он был исключен из флота «за незнанием действительно морского искусства». Дальнейшую судьбу капитана-поручика должна была определить Военная коллегия.

Последующее поведение Возницына говорит о том, что он не желал служить решительно нигде, для чего сказался больным. В декабре 1733 года он подает прошение об отставке, ссылаясь на то, будто бы у него «кровь повредилась, так что всякие опасные у него в руках и ногах сделались и на левой руке и затем тремя пальцами владеть не может», а потому «к воинской службе не способен». И Коллегия отпустила Александра Артемьевича

домой на год для поправки здоровья. Но 30 апреля 1735 года Возницын подал новое заявление, «что от болезней не токмо свободы не получил, но и больше прежнего оные умножились». Освидетельствовавший его майор объявил, что новоявленный недужный «в доме своем сидел в постели, в лице бледен..., сказывал, что у него имеется болезнь ипохондрия и в речах имеет запность и признается, что в нем есть меланхолия; при том же осмотре служители его объявили, что он временем бывает в беспамятстве и непорядочно бегаёт и дерётся». В другой раз направленный к нему для инспекции солдат Степан Каширин «сказкою показал, лежит, де он, Возницын, в доме своем в людской избе, на печи, обут в лапти и поднимал ноги вверх». Последовали еще множество врачебных комиссий, после которых было принято решение: «за несовершенном в уме состоянии в воинскую службу употреблять его не можно». И по окончательному решению Правительствующего Сената от 2 октября 1735 года Возницын был «от дел отставлен и отпущен в дом во все».

Так сбылась его мечта, и Александр освободился от тяготивших его должностных забот. Он был довольно зажиточным помещиком: от покойных отца, матери Мавры Львовны и брата Ивана получил имения в Белявском, Вологодском, Дмитровском, Кашинском, Московском и Рузском уездах с 370 четями пашни и 962 душами крестьян. Казалось бы, живи себе на покое, наслаждайся деревенской жизнью! Возницын, однако, заниматься хозяйством не пожелал. И не возражал вовсе, когда Матрена Синявина, сославшись на безумие сводного брата «по силе указа 1723 года, до освидетельствования дураков касающегося» взяла под опеку все его недвижимое имущество, исключая только села Непейцило Коломенского уезда с тридцатью крепостными душами, полученного им в приданое после женитьбы. Этим Александр вызвал острое негодование законной супруги Елены Ивановны (урожденной Дашковой), с которой они и без того жили в постоянной и обоюдной вражде. Еще в 1733 году Александр вознамерился развестись с постылой женой, о чем подал прошение по форме и ждал решения Духовной дикастерии на сей счет.

Но мысли Александра Артемьевича были далеки от мирских дел и житейских невзгод. Он мог теперь полностью отдаться чтению и волновавшим его вечным жгучим вопросам бытия. А искал Возницын Бога в мире и собственной душе и совершил в 1735 году паломническую поездку на Север, в Соловецкий монастырь, а именно, в Анзерский скит. По-видимому, уже тогда он стал отходить от христианских догматов. Сопровождавший его в поездке слуга Андрей Константинов свидетельствовал, что барин там «святым иконам нигде никогда не маливался и не поклонялся и крестного знамения на себе не изображал». Он будто бы говорил Константинову, «чтоб точно веровал единому Богу и не крестился, а, став бы на коленки, говорил следующие речи: Боже! Буди яко по земле хожду сетей многих, избави мя от них и спаси мя от них яко благ и человеколюбец!». В минуту душевного волнения, рассказывал далее Константинов, Возницын сорвал с него крест и бросил в огонь, в печь, к неопишуемому ужасу сего верного крепостного раба...

Александр проникся иконоборческими настроениями, приказал крестьянам сломать часовню и утопить иконы в Москве-реке в своем имении Никольское. Когда же те пытались устраниваться от сего «богопротивного дела», Возницын на них бранился и криком кричал и настоял-таки на своем; причем некоторые святые лики, как говорят очевидцы, он сам в реку «броском метал». Подобное кощунство учинил он и в сельце Бабкине, что на реке Истра, о чем свидетельствовали староста и приказчик.

Несомненно, он изучал догматы разных религий. Поначалу он вослед известному вольнодумцу Дмитрию Тверитинову (которого, между прочим, обвиняли в «жидовстве») пришел к убеждению, что «во всякой вере спастись можно» и, по-видимому, лишь в результате долгих духовных исканий обратился к иудаизму. Вот как говорится о Вознице в историческом романе Леонтия Раковского «Изумленный капитан» (1936): «Он на всех языках книги читает. С иноземцами любит беседовать. Бывало, в Астрахани перса ли, татарина ли в гавани

встретит, – к себе позовет, расспрашивает: как они живут да какой у них Закон? Эти годы здесь, в Москве, жили – в Немецкую слободу часто ездили. К нам, в московский дом, жидовин один со Старой Басманной часто хаживал. Целый вечер, бывало, с Александром Артемьевичем говорят».

Этим жидовином и был Борух Лейбов. По рассказам крепостного человека Возницына Александра Константинова, в один погожий июльский денек 1736 года барин наказал ему отправиться в Немецкую слободу, сыскать там «ученого жида» и уговорить его к нему в гости пожаловать, что он, Константинов, в точности и исполнил. Пришлось, правда, поплутать по слободе этой, чтобы найти там дом золотых дел мастера Ивана Орлета, где, сказывали, квартиру снимал книжный человек, евреин Глебов. Впрочем, то, что он нехристь, за версту было видно, ибо ходил этот Глебов в самом что ни на есть жидовском платье, словно в Москве-матушке, где их брату и жить не велено, напоказ жидовство свое выставлял. Хотя понимал старозаконник пейсатый, что православным с такими, как он, якшаться не велено. Константинов не ведал, почто таиться надобно (слова «конспирация» тогда в русском языке не было), а потому никак не мог взять в толк, отчего еврей этот попросил остановить коляску за квартал от их дома, почему говорили они с барином на непонятном языке. Не знал он, что то был немецкий, хотя Лейбова выдавал сильный идишский акцент. И уж совсем невдомек было Константинову, зачем Александр Артемьевич этого зачистившего к нему жидовина так ублажать стал: то двух индеек ему в слободу пошлет, то барана, то сукна дорогостоящего аж за 10 рублей 50 копеек, то голову сахарную, то пшена сорочинского. И все-то осторожничал, норовил дело так обернуть, что подарки вроде бы неизвестной особой дадены, будто предвидел, корить потом его будут: «С нехристом спознался! Почто тебе так дорог оказался жид этот? Почто не гнушался ясти и пити с ним? В жидовскую веру переметнулся?».

Поначалу отставной капитан еще не изжил традиционных взглядов и утверждал, что «от сотворения мира 7000 с несколькими летами, а Борух сказывал, что 5496 лет, и каждый в своем рассуждении при летах остался». Но постепенно, сличая тексты переведенной с греческого языка Библии и Торы – «Библии Моисеева Закона» и усматривая в них явные расхождения, Александр пришел к выводу, что «в еврейской [Библии] напечатано справедливее». Их разговоры тянулись нескончаемо долго. То была дискуссия двух книжников, в ходе которой Лейбов свободно излагал свои мысли. И Возницын в конце концов пленился логикой аргументации, ясностью рассуждений и, как ему показалось, правдой учения своего еврейского собеседника. Их взгляды сблизились, и они «более никакого спора не имели». Постепенно диалог невольно обратился в монолог – и Александр лишь внимал словам Боруха, все более проникаясь благоговением к иудейскому Закону. Дальше – больше: он стал настоятельно просить еврея принять его в свою веру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.